

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

10

Выпуск (904)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

10

Issue (904)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 10 (904)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Белорусский государственный университет иностранных языков (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 10 (904)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorožhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osmiinina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Belarusian State University of Foreign Languages (Minsk)
Senki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Особенности функционирования однословных и неоднословных номинаций с лексемой «красный» в русской языковой картине мира АЛЕЙНИКОВА Т. В.	9
Дискурсивный прием «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политика БОЧАРОВ Е. В.	17
Дискредитация в общественно-политическом медиадискурсе Южной Кореи ДИБРОВА Е. В., МАВЛЕЕВА Д. В.	25
Отражение категории рода в первых научных работах XVI века: историко-лингвистический анализ ранних грамматических описаний ЛАДОНКИНА В. Н.	32
Осетинские глаголы с приставкой фæ- imperfectiva tantum в аспектуально-акциональной ретроспективе ЛЕВИТСКАЯ А. А.	40
Межуровневое взаимодействие в формировании дискурсивной когерентности: системный анализ функционирования дискурсивных маркеров в англоязычном научном дискурсе социальных наук МАЛКОВА Н. В.	48
Жанровое моделирование институционального профсоюзного дискурса МАНАЕВА И. В.	55
История и социолингвистические особенности англо-корейского языкового контакта на Корейском полуострове МОЗОЛЬ Т. С.	64
Языковые особенности документного жанра в Испанской империи во второй половине XVIII века НЕШКЕС О. В., РАЙТАРОВСКИЙ В. В.	72
Просодические особенности спонтанной и псевдоспонтанной речи (сравнительный анализ на материале немецкого языка) ПОПОВА М. В., ФРОЛОВА А. Д.	80
Роль языка вьетнамских СМИ в формировании этнического самосознания СЕРБИН В. А.	87
Экология образовательного медиадискурса: функционал «emocio et racio» СЕРГЕЕВА О. В.	96
Конъюнкция деонтического и алетического показателей: структура и семантика СЫТЬКО А. В.	105
Историзмы как часть архаичной лексики английского языка ШЕВЕЛЕВА Е. О.	115

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Феномен серийного событийно-бытового рассказа (на примере немецкой детской литературы) ПРИВАЛОВА Е.П.	124
---	-----

Особенности отражения восстания в Кванчжу в романе южнокорейской писательницы Хан Ган «Человеческие поступки» СИТНИКОВА Д. В., СОБОЛЕВА Н. В.	132
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Василий Баженов: архитектурные замыслы и политические реальности ГОРЛОВ В. Н.	140
---	-----

Антиэнтропийный характер метатекстуальных знаков СИДОРЕНКО В. А., ВЕТРОВ Н. М.	149
--	-----

LINGUISTICS

The Peculiarities of Functioning of One-word and Ambiguous Nominations with the Lexeme “Red” in the Russian Linguistic Worldview ALEYNIKOVA T. V.	9
The Discursive Technique “we are the victim” in Self-representation Strategy of a Politician BOCHAROV Y. V.	17
Discrediting Strategy in South Korea’s Socio-Political Media Discourse DIBROVA E. V., MAVLEEVA D. V.	25
Reflection of the Gender Category in the First Scientific Works of the XVI Century: Historical and Linguistic Analysis of Early Grammatical Descriptions LADONKINA V. N.	32
Ossetian Verbs with the Prefix $\phi\text{æ}$ - imperfectiva tantum in Aspectual-Actional Retrospective LEVITSKAYA A. A.	40
Interlevel Interaction in Building Discourse Coherence: A Systemic Analysis of Discourse Marker Functioning in English Academic Discourse in the Social Sciences MALKOVA N. V.	48
Genre Modeling of Institutional Trade Union Discourse MANAEVA I. V.	55
History and Sociolinguistic Features of Anglo-Korean Language Contact on the Korean Peninsula MOZOL T. S.	64
Linguistic Features of the Documentary Genre in the Spanish Empire in the Second Half of the 18 th Century NESHKES O. V., RAYTAROVSKIY V. V.	72
Prosodic Patterns in Spontaneous and Pseudo-Spontaneous Speech (a comparative study based on the German language) POPOVA M. V., FROLOVA A. D.	80
The Role of Vietnamese Media Language in Shaping Ethnic Self-Consciousness SERBIN V. A.	87
Ecology of the Educational Media Discourse: Functionality “Emocio et Racio” SERGEEVA O. V.	96
Conjunction of Deontic and Alethic Modal Indicators: Structure and Semantics SYTKO A. V.	105

CONTENTS

Historisms as Part of English Archaic Lexis SHEVELEVA E. O.	115
---	-----

LITERARY STUDIES

The Phenomenon of the Event-based Story in Modern Children's Literature (on the example of German literature) PRIVALOVA E. P.	124
--	-----

Feature of the Depiction of the Kwangju Uprising in Han Kang's Novel "Human Acts" SITNIKOVA D. V., SOBOLEVA N. V.	132
---	-----

CULTUROLOGY

Vasily Bazhenov: Architectural Ideas and Political Realities GORLOV V. N.	140
---	-----

The Antientropic Nature of Metatextual Signs SIDORENKO V. A., VETROV N. M.	149
--	-----

Особенности функционирования однословных и неоднословных номинаций с лексемой «красный» в русской языковой картине мира

Т. В. Алейникова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
tanyshaaleinikova46@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – выявление специфики употребления однословных и неоднословных номинаций с лексемой *красный* в русском языке. Поставленные задачи решались с использованием общенаучных, а также специальных лингвистических методов, к которым относятся компонентный, контекстологический анализ, а также дефиниционный анализ. Материалом исследования выступила лексема *красный*, зафиксированная в словарях разного типа, и выборка высказываний, включающих однословные и неоднословные номинации с данной лексемой, из Национального корпуса русского языка. Выявлено 13 толкований номинации *красный* в лингвистических словарях, содержащиеся в них нормативные значения распределены в рамках семантической сети; выявлено и описано пять узуальных значений номинаций с лексемой *красный*.

Ключевые слова: цветообозначение, семантизация, семантическая сеть, семантический компонент, однословные и неоднословные номинации, лексема *красный*

Для цитирования: Алейникова Т. В. Особенности функционирования однословных и неоднословных номинаций с лексемой «красный» в русской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 9–16.

Original article

The Peculiarities of Functioning of One-Word and Ambiguous Nominations with the Lexeme “Red” in the Russian Linguistic Worldview

Tatiana V. Aleynikova

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
tanyshaaleinikova46@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to identify the specifics of the use of single-word and ambiguous nominations with the lexeme “red” in the Russian language. The tasks were solved using general scientific as well as special linguistic methods, which include component analysis, contextual analysis, and definitional analysis. The material of the work was the lexeme “red”, recorded in dictionaries of various types, and a sample of statements including single-word and ambiguous nominations with the lexeme “red” from the National Corpus of the Russian Language. As a result of the study, 13 interpretations of the red nomination in linguistic dictionaries were analyzed; the identified meanings were distributed within the semantic network; five usual meanings of nominations with the red lexeme were described.

Keywords: colour designation, semantics, semantic network, semantic component, one-word and ambiguous nominations with the lexeme “red”

For citation: Aleynikova, T.V. (2025). The peculiarities of functioning of one-word and ambiguous nominations with the lexeme “red” in the Russian linguistic worldview. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Статья рассматривает особенности функционирования однословных и неоднословных номинаций с лексемой *красный* в русской языковой картине мира. Любое цветообозначение семантизируется в процессе своего функционирования в русском языке. Данный факт делает проблему семантизации цветовых номинаций актуальной, а область теоретической лингвистики, анализирующую процесс приобретения данными номинациями новых значений, привлекательной для разработки учеными в рамках своих исследований.

В. А. Москович анализирует семантический фон цветообозначений при помощи системного статистического метода, формально выделяя базовые обозначения цвета [Москович, 1965]. Р. М. Фрумкина предложила дифференциацию цветообозначений по девяти классам [Фрумкина, 1984]. Более развернутую классификацию системы цветообозначений представил А. П. Василевич [Василевич, 2004]. И. В. Баринаова рассматривает особенности трансформации идиом с обозначением цвета [Баринаова, 2018]. Я. Е. Матросова рассматривает параметры, оценивающиеся в ходе предпереводческого анализа художественного текста и помогающие сделать вывод о значимости для него цветообозначений [Матросова, 2020]. А. И. Горожанов и В. А. Шевцова в рамках изысканий в определении цветовой характеристики художественного текста предлагают технологию ее определения [Горожанов, Шевцова, 2023].

Задачи исследования – проанализировать значения номинации *красный*, зафиксированные в словарях русского языка разного типа; построить семантическую сеть значений номинации *красный*, основываясь на данных, полученных в результате анализа словарных статей; выделить и описать значения номинации *красный*, функционирующие в литературном, разговорном, а также публицистическом дискурсах. Поставленные в рамках нашего исследования задачи решались с использованием общенаучных, а также специальных лингвистических методов, к которым относятся компонентный, контекстологический анализ (исследование содержания языковых единиц), а также дефиниционный анализ (исследование словарных статей).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения новых узуальных значений и смыслов слова *красный*, функционирующих в литературе, разговорной речи и публицистике, не имеющих лексикографической фиксации. Новизна заключается в фиксации и анализе значений однословных и неоднословных номинаций с лексемой *красный*, не включенных в словарные статьи

словарей русского языка разного типа. Практическая ценность статьи строится на том, что выделенные значения однословных и неоднословных номинаций с лексемой *красный* могут быть рекомендованы для включения в толковые словари наряду с основными, поскольку отражают актуальный статус слова в русском языке.

Исследование построено на материале словарей разного типа (проанализировано 14 словарей) и выборке высказываний из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включающих однословные и неоднословные номинации с лексемой *красный*. Картотека составила 200 примеров.

ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАЦИИ КРАСНЫЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Понимание *красного* цвета в русском языке охватывает широкий круг представлений; число его значений в номинативной структуре велико. Проанализировав лексикографический материал, можно выявить динамику лексического значения слова в диахронии.

Уникальные данные о формировании значения номинации *красный* содержатся в материалах этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого. Словарь отражает народный взгляд на символический характер *красного*. *Красный* характеризуется авторами как «цвет жизни, солнца, плодородия, здоровья и цвет потустороннего мира, хтонических и демонических персонажей. *Красный цвет* наделяется защитными свойствами и используется как оберег»¹. Авторами фиксируется связь *красного цвета* с огнем и кровью; отмечается, что семантической основой для возникновения значения «неординарный», является оценочный компонент лексики *красный* ‘красивый, ценный, парадный’. В понимании особенностей изучаемого фрагмента языковой картины мира русского народа большую роль играет обрядовая символика. Так, в свадебном обряде *красный* обладает продуцирующей символикой, в родинном – символизирует жизнь, здоровье, в погребальном – принадлежность к «тому свету» (одновременно выступает в качестве оберега от опасностей потустороннего мира), в календарно-хозяйственном – плодородие, обилие². Видим, что представление о *красном цвете* носит амбивалентный характер: противопоставляются две сущности – жизнь и смерть. На базе образной

¹Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка).

²Там же.

системы, в которой *красный цвет* мыслится как основообразующий, о чем свидетельствует его взаимосвязь с тремя важнейшими ритуалами в жизни человека (рождения, свадьбы и смерти), выросли как первоначальные значения лексемы, так и последующие.

В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией А. Г. Преображенского¹ зафиксировано, что слова *красный* и *краса* («красота и украса, украшение, прикраса, басота, баса»)² обладают одним корнем. В «Этимологическом словаре русского языка» Г. А. Крылова³, и в «Кратком этимологическом словаре» Н. М. Шанского⁴ отмечается общеславянский характер происхождения слова *красный*, указывается, что оно образовано от основы *краса* с помощью суффикса *-ьн-* (совр. *-н-*), имеет значение «красивый»; данная сема отражается и в значении лексемы *красный*. Значение «красивый» является первоначальным, прилагательное *красный* в значении цвета стало употребляться значительно позже. В современном русском языке первоначальное значение отражается в устойчивых сочетаниях *Красная площадь*, *красна девица* и других подобных контекстах. В подавляющем большинстве славянских языков слова с этим корнем обладают значением «красивый», что зафиксировано в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера⁵: Ср., например, украинское *красний* «красивый», болгарское *красен* «красивый», сербохорватские *красан*, *красна* «красивый, великолепный», верхнелужицкое *krasny* и нижнелужицкое *křasny* «красивый». В ряде языков, относящихся к славянской группе (в том числе в русском), слово *красный* обладает значением высокой степени проявления признака. Ср., например, словенское *krásen*, чешское *krásný*, словацкий *krasny* «прекрасный», польское *krasny* «прекрасный, пригожий».

Больше всего нормативных значений слова *красный* (семь) представлено в Словаре русского языка XI–XVII вв.: «красивый, прекрасный»⁶, «очень хороший, превосходный; дарующий радость, благодатный»⁷, «красный (а также бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым оттенком)»⁸, «крашенный,

цветной»⁹, «главный, парадный»¹⁰, «высокосортный, наиболее ценный»¹¹, «выполняющий тонкую, дорогую, требующую искусства работу»¹². В данном словаре расширяется представление о *красном*, авторами вводится интересующая нас в рамках исследования цветовая семантика: *красным* называют и то, что обладает соответствующей цветовой характеристикой, и то, что имеет цвет, отличный от своего изначального, окрашенного им. Значение «крашенный, цветной» заставляет нас обратиться к этимологии слова *красить*. В «Кратком этимологическом словаре» Н. М. Шанского в качестве первоначального значения приводится «украшать», слово образовано от той же основы, что и *краса*¹³. Таким образом, значение сохраняет связь с первоначальным представлением о *красном* как о номинации чего-то красивого, приятного: изначально *красным* называли кого-то, что-то, что выделялось своей красотой, позже лексемой *красный* стали называть предметы, не всегда соответствовавшие понятию о красоте, но подвергшиеся окраске, т. е. цветные. В иллюстративном материале, характеризующем слово в значении «красный (а также бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым оттенком)», приводятся примеры устойчивых сочетаний: ср., *красная икра*, *красная лисица*, *красная солома*, *красное вино*, *питье*, *красное масло*, *красные блины*, *красный воск*. Иллюстративный материал включает примеры с начала XVI века («...Ординцовъ твоихъ пограбили татарове и соколника твоего, которой кречать красной везъ. Крым. д. II, 283, 1516 г.»¹⁴), примеры употребления лексемы *красный* в первоначальном значении зафиксированы с XI–XII веков («...Бяше же краснь лицьмь. Патерик Син., 375. XI–XII вв.»)¹⁵

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля за лексемой *красный* закреплены прямое («по цвету: рудо, алый, чермный, червленой: кирпичный, малиновый, огневой и пр. разных оттенков и густоты»)¹⁶, и переносное («о доброте, красоте: красивый, прекрасный; превосходный, лучший»)¹⁷ значения, а также целый ряд неоднословных номинаций, в некоторой степени обладающих устойчивостью. Как видим, в качестве единственного прямого значения В. И. Даль отмечает то, в котором содержится цветовая семантика. Те дефиниции, в которых

¹Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. Т. 1: А–О.

²URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 15.03.2025).

³Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. СПб.: Полиграфсервис, 2005.

⁴Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1975. С. 218.

⁵Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2: Е–Муж. С. 685.

⁶Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1981. Вып. 8: Крада–Лящина.

⁷Там же.

⁸Там же.

⁹Там же.

¹⁰Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1981. Вып. 8: Крада–Лящина.

¹¹Там же.

¹²Там же.

¹³Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1975.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же.

¹⁶URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 15.03.2025).

¹⁷Там же.

содержатся семы 'качественная характеристика', 'оценочная характеристика', им (Далем) относятся к переносному.

В «Словаре современного русского литературного языка» (далее БАС) зафиксировано четыре значения слова *красный*: «имеющий окраску одного из основных цветов радуги; цвета крови и его близких оттенков»¹, «относящийся к революционной деятельности; связанный с советским социалистическим строем»², «красивый, прекрасный (обычно как постоянный эпитет)»³, «парадный, почетный»⁴. Два последних значения имеют помету «устаревшее». В данном словаре как наиболее позднем отображается не встречавшееся в других словарях значение, которое связано с политической сферой, отражает ситуацию, связанную с СССР.

Дефиниции из толковых словарей современного русского языка Д. Н. Ушакова, А. П. Евгеньевой (далее МАС), С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, С. А. Кузнецова, Т. Ф. Ефремовой и Д. В. Дмитриева подтверждают тезис о наличии положительной динамики в системе значений слова *красный* в XX–XXI веках. В данных словарях представлено несколько нормативных значений слова *красный*: «имеющий окраску одного из основных цветов спектра (радуги); цвета крови и его близких оттенков», «покрасневший от прилива крови к коже», «относящийся к революционной деятельности, советскому социалистическому строю», «красивый, прекрасный», «ясный, светлый», «парадный, почетный», «радостный, счастливый», «высокое качество чего-л.»

Названные значения можно структурировать в рамках семантической сети, которая понимается Е. В. Рахилиной «как синтез “конструируемого” и “запоминаемого” материала; семантическая сеть описывает прошлое слова и по возможности предсказывает его будущее» [Рахилина, 2008].

I. Семантический блок, состоящий из прямых значений

- значение «имеющий окраску одного из основных цветов спектра» (компонент, обозначающий цветовые свойства: 'материальные и нематериальные объекты, доступные визуальному восприятию, обладающие цветом крови, спелой земляники, цветков мака'): 'красное знамя', 'красный диск солнца';

¹Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. Т. 5: И–К.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

- значение «имеющий окрас, цветной» (компонент, обозначающий цветовые свойства: 'предметы как физические, так и абстрактные, воспринимаемые зрительно и характеризующиеся наличием цвета'): 'белые и красные кожи';
- значение «покрасневший от прилива крови к коже» (компонент, обозначающий цветовые свойства): 'кожа живого существа', 'красное лицо'.

II. Семантический блок, состоящий из метафорических значений

- значение «красивый, прекрасный» (компонент со значением «оценочная характеристика» – о лице, объекте или предмете, формирующем положительное впечатление у реципиента в высокой степени проявления: 'красная невеста') – полагаем, что это стертая метафора;
- значение «хороший, приятный, милый, приносящий радость» (ассоциативная связь с семами, называющими качество лица, объекта или предмета, характеризующими его как положительный): 'красный день', 'красная жизнь';
- значение «имеющий богатое убранство» (ассоциативная связь с семами, называющими внешние свойства предмета или объекта, характеризующими его как 'украшенный', 'роскошный', 'драгоценный'): 'красная изба';
- значение «главный, парадный» (ассоциативная связь с семами, называющими объект по его локальному положению в пространстве): 'красное крыльцо';
- значение «имеющий высокое качество, ценность» (ассоциативная связь с семами, называющими предмет или объект как обладающий большой ценностью): 'красная дичь';
- значение «выполняющий искусную работу» (ассоциативная связь с семами, называющими способности лица, выполняющего действие): 'красный мастер';
- значение «характеризующий погодные условия: ясный, светлый» (метафорическая связь с семами, называющими погодные условия): 'красный день', 'красное лето';
- значение «характеризующий поэтические тексты: красноречивый, витиеватый» (ассоциативная связь с семами, называющими отличающиеся особой поэтичностью понятия): 'красный стих'.

III. Семантический блок, состоящий из метонимических значений

- значение «зрелый, цветущий» (ассоциативная связь с седами, называемыми состоянием плодовых или цветущих растений): 'благоухать как красное садовое растение';
- значение «относящийся к революционной деятельности; связанный с советским социалистическим строем» (ассоциативная связь с определенными революционными группами, символом которых было красное знамя): 'белые были выбиты красными', 'красные партизаны'.

Таким образом, во всех рассмотренных значениях, как прямых, так и переносных (исходя из анализа этимологических, исторических и толковых словарей), неизменно присутствует ключевой семантический признак: внешнее свойство объекта, имеющего большое значение для носителя языка в рамках русской языковой картины мира (*далее* ЯКМ), который наделен особым положением, обладает высокой степенью проявления признака.

ЗНАЧЕНИЯ НОМИНАЦИИ КРАСНЫЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Переносные значения формировались и продолжают формироваться под действием ассоциаций. Зафиксированные в словарях дефиниции отражают нормативное значение слова, однако оно не является исчерпывающим для любого языка. Кроме него всегда есть реальное содержание той или иной лексики, зафиксированное в речи, которое включает в себя множество узуальных значений, возникающих под влиянием социокультурных, политических, профессиональных, возрастных факторов. Некоторые узуальные значения являются результатом разговорной речевой деятельности автора или коллектива авторов, некоторые становятся обусловлены ситуацией. В современном русском языке функционирует множество значений и смыслов лексики *красный*, которые в словарях не зафиксированы. Актуальное для современной лингвистической науки определение термина «узуальное значение» дает И. М. Кобозева: «Узуальное значение слова, или узема, есть абстракция от в принципе бесконечного ряда актуальных значений слова в речи, инвариант актуальных значений, все различия между которыми могут быть объяснены действием экстралингвистических факторов»¹.

¹Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник. М.: УРСС, 2000.

1. В качестве примера узуального значения лексики *красный* в составе неоднословной номинации приведем словосочетание *красный диплом* (20 примеров употребления в картотеке), обладающее значением «документ об окончании высшего учебного заведения с отличием»:

В общем, несмотря на то, что большинство учителей считало, что природа на мне отдохнула, я поступил и окончил университет с *красным дипломом* (*Знание – сила. 2020*)².

В данном узуальном значении лексема *красный* обладает семой 'качественная характеристика'. Узуальное значение семантически соотносится со значением «имеющий высокое качество, ценность», так как называет документ, содержащий сведения об оценках, которые отличаются выдающимся характером. В состав узуального значения входит семантический компонент 'выдающийся'. Уровень фразеологизированной связи недостаточно высок для отнесения словосочетания к категории устойчивых, однако можем отметить ограниченный характер лексической сочетаемости: лексема *красный* обладает данным значением при характеристике существительных, обозначающих документ об окончании учебного заведения с выдающимися результатами – *красный диплом, красный аттестат*³. Существует и иное, узуальное, значение номинации *красный диплом*. Оно дается по внешнему свойству, цветовой характеристике объекта – такие дипломы красного цвета.

2. Узуальное значение слова *красный* как «предупреждение об опасности» активно функционирует в разговорной речи:

На Камчатке ввели «красный код» из-за активности вулкана Шивелуч (*Известия. 06.10.2019*)⁴.

Основания для его формирования обнаруживаются в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого. Автором словаря отмечается негативное представление народа о красном цвете в силу его связи с потусторонним миром, хтоническими персонажами, огнем, кровью, т. е. символами опасности. Народному сознанию свойственна амбивалентность, поэтому хотя лексема *красный* символизирует опасность, она также выступает как знак, оберегающий от

²Основной корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2025).

³Аттестат – официальный документ об окончании учебного заведения. URL: <https://gufo.me/dict/mas/> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴Газетный корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2025).

опасности. Несмотря на эту названную двойственность, компонент 'опасность' дублируется в таких употреблениях лексемы *красный*. В примерах, выбранных из НКРЯ, данная однословная номинация приводится в узуальном значении «предупреждение об опасности»: «Код **красный!**» (*Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss. 13.10.2022*)¹ – формирование узуального значения осуществляется и синтаксическими средствами (включением лексемы в восклицательное предложение) и лексическими – словосочетание *красный код* тяготеет к устойчивому и выступает в качестве номинации опасной ситуации вообще. См. иллюстративный материал:

Так называемый «**красный код**» вводит Молдавия: там отменяют все развлекательные мероприятия и ограничивают работу ресторанов (*Vesti.ru. 27.11.2020*)².

3. Вариантом описанного узуального значения «предупреждение об опасности», является словосочетание *красный флажок* (встречается вариант *красный флаг*; 10 примеров в картотеке), обладающее значением «характеристика слов или действий человека, сигнализирующих о необходимости прекращения дальнейшего общения с ним ввиду высокого уровня опасности, которую он представляет»:

Красными флажками могут стать мелочи – тот факт, что врач путает вас с другим пациентом, забывает о вашем визите, не может найти какие-то важные документы (*О. Кашубина. Как болел бы врач: маленькая хитрости большого здравоохранения, 2018*)³.

4. Другой однословной номинацией, незакрепленной в лингвистических словарях, является словосочетание *красная тряпка* (20 примеров в картотеке), обладающее узуальным значением «фактор, оказывающий сильное раздражающее действие»:

И знаете, я разрешил, не на меня одного эта чертова дверь действовала, как **красная тряпка** на быка (*А. А. Бушков. Дверь в чужую осень. Сборник. 2015*)⁴.

В данном варианте употребления лексема *красный* обладает семантическим компонентом 'раздражать'. Узуальное значение возникло на базе

устоявшегося представления о красном цвете как привлекающем внимание.

5. В разговорном и публицистическом дискурсе активно функционирует словосочетание *красные директора* (20 примеров употребления в картотеке), используемое для номинации «лиц, занимавших руководящие должности в советский период и сохранивших их после перехода России и стран СНГ к рыночной экономике»:

Развалили как варвары всё, параллельно разграбили на пару с **красными директорами** (*Е. Хамин. От первого лица. 2021*)⁵.

В данном варианте употребления лексема *красный* обладает семой 'связь с советским политическим устройством'. Возникновение данного значения объясняется тем, что знамя советского союза было красного цвета. Данное узуальное значение анализируемого словосочетания реализуется при условии сочетания лексемы *красный* с лексемой *директор*, замена одного из лексических компонентов на синонимичный невозможна, в силу чего можно говорить о фразеологизированном характере связи в однословной номинации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования в рамках решения поставленных нами задач показали, что:

- 1) по данным лингвистических словарей, номинация *красный* в XI–XXI веках толковалась как:
 - (1) красивый, прекрасный;
 - (2) хороший, приятный, милый, приносящий радость;
 - (3) имеющий красный цвет или оттенок;
 - (4) покрасневший от прилива крови к коже;
 - (5) относящийся к революционной деятельности, советскому социалистическому строю;
 - (6) имеющий окрас, цветной;
 - (7) имеющий богатое убранство;
 - (8) зрелый, цветущий;
 - (9) главный, парадный;
 - (10) имеющий высокое качество, ценность;
 - (11) выполняющий искусную работу;
 - (12) характеризующий погодные условия: ясный, светлый;
 - (13) характеризующий поэтические тексты: красноречивый витиеватый;
- 2) лексема *красный* многозначна, обозначает более одного предмета объективной действительности, вследствие чего ее смысловое пространство в структурном плане может быть проиллюстрировано

⁵Социальные сети. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2025).

¹Социальные сети. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2025).

²Газетный корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2025).

³Основной корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴Основной корпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.03.2025).

несколькими семантическими блоками, а именно неметафорическим (т. е. включающим прямые значения номинации), метафорическим и метонимическим (переносные значения);

3) в литературном, разговорном, а также публицистическом дискурсах функционируют следующие узуальные значения однословных и неоднословных номинаций с лексемой *красный*:

- (1) красный диплом – «документ об окончании высшего учебного заведения с отличием»;
- (2) красный – «предупреждение об опасности»;
- (3) красный флаг – «характеристика слов или действий человека, сигнализирующих о необходимости прекращения

дальнейшего общения с ним ввиду высокого уровня опасности, которую он представляет»;

- (4) красная тряпка – «фактор, оказывающий сильное раздражающее действие»;
- (5) красные директора – «лица, занимавшие руководящие должности в советский период и сохранившие их после перехода России и стран СНГ к рыночной экономике».

Исследование в данной области может быть продолжено и расширено посредством решения аналогичных задач в рамках изучения особенностей функционирования однословных и неоднословных номинаций базовых цветов и их оттенков в русской языковой картине мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Москович В. А. Семантическое поле цветообозначений (опыт типологического исследования семантического поля): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
2. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
3. Василевич А. П. О современных тенденциях развития лексики цветообозначения // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии: материалы круглого стола. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т языкознания РАН, 2004. С. 5–14.
4. Барина И. В. Особенности трансформации идиом с обозначением цвета // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 11–19.
5. Матросова Я. Е. Метод оценки роли терминов цветообозначения в англоязычном художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 10 (839). С. 160–173.
6. Горожанов А. И., Шевцова В. А. Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 63–68.
7. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.

REFERENCES

1. Moskvich, V. A. (1965). Semantic field of colour meanings (experience of typological research of the semantic field): abstract of PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Frumkina, P. M. (1984). Colour, meaning, ascent. Aspects of psycholinguistic analysis. Moscow: Nauka (In Russ.)
3. Vasilevich, A. P. (2004). On modern trends in the development of the vocabulary of colour designation. In Problems of colour in ethnolinguistics, history and psychology (pp. 5–14): conference proceedings. Moscow: Lomonosov Moscow State University & Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
4. Barinova, I. V. (2018). Peculiarities of transformation of idioms with colour designation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 16(811), 11-19. (In Russ.)
5. Matrosova, Ya. E. (2020). Method of assessing the role of colour terms in an English-language literary text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(839), 160–173. (In Russ.)
6. Gorozhanov, A. I., Shevtsova, V. A. (2023). Technology for determining the colour characteristics of the text of an artistic work (based on the material of the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 63–68. (In Russ.)
7. Rakhilina, E. V. (2008). Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. Moscow: Russkie slovari. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алейникова Татьяна Васильевна

аспирант кафедры русского языка

Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleynikova Tatyana Vasilyevna

PhD Student, Department of Russian Language

North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.07.2025

15.08.2025

18.09.2025

The article was submitted

approved after reviewing

accepted for publication

Дискурсивный прием «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политика

Е. В. Бочаров

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bev95@inbox.ru*

Аннотация. Различные подходы к определению коммуникативной стратегии объединяет наличие единых корневых элементов: замысла или интенции, вербальных и невербальных средств выражения, коммуникативной направленности. Цель проводимого исследования заключается в том, чтобы на примере речей политических лидеров Латинской Америки, выступивших на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, продемонстрировать, каким образом прием «мы – жертва», детерминируемый в структуре коммуникативной стратегии самопрезентации политиков, способен становиться тематическим центром публичного выступления. Метод исследования – дискурс-анализ, который применяется для изучения текстов политической коммуникации, содержащих идеологизированные языковые явления, в два этапа: анализ контекста высказывания и текстуальный анализ.

Ключевые слова: политический дискурс, институциональная коммуникация, стратегия самопрезентации, дискурсивный прием, латиноамериканский дискурс

Для цитирования: Бочаров Е. В. Дискурсивный прием «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 17–24.

Original article

The Discursive Technique “We Are the Victim” in Self-Representation Strategy of a Politician

Yevgeniy V. Bocharov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bev95@inbox.ru*

Abstract. Various approaches to identifying a communicative strategy share a set of core elements: an underlying intention, the use of verbal and non-verbal means of expression, and communicative orientation. The objective of the present study is to demonstrate, using speeches delivered by Latin American political leaders at sessions of the United Nations General Assembly, how the “we are the victim” device, embedded within the framework of a self-presentation strategy, can become the thematic nucleus of a public address. The research employs discourse analysis applied to political communication texts containing ideologically charged linguistic phenomena. The procedure involves two stages: analysis of the utterance’s context and textual analysis.

Keywords: political discourse, institutional communication, self-representation strategy, discourse device, Latin-American discourse

For citation: Bocharov, E. V. (2025). The discursive technique “we are the victim” in self-representation strategy of a politician. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 17–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вместе с формированием коммуникативно-прагматического подхода к исследованию языковых явлений, сложившегося на закате XX века, дискурсивные исследования также приобрели новый вектор – коммуникативно-деятельностный. Авторы-новаторы Jens Allwood, Stephen C. Levinson стремились понять, каким образом развитие лингвопрагматики – науки, изучающей поведение языковых знаков в реальных ситуациях общения, – соотносится с оригинальным взглядом на анализ речевой деятельности, при котором все коммуникативные акты рассматриваются как обладающие структурным и интенциональным компонентом.

Способы и средства интенционального воздействия через дискурс выражены коммуникативной стратегией адресата, так называемым особым стилем коммуникативного поведения.

Рассмотрение дискурса с таких позиций позволяет проанализировать его через призму социально обусловленного речевого взаимодействия, которое протекает внутри определенных коммуникативных ситуаций. В каждой такой ситуации мы можем наблюдать реализацию особой коммуникативной стратегии, выраженной вербальными и невербальными средствами.

Коммуникативная стратегия представляет собой базовое теоретическое понятие прагматики. В общем смысле под стратегией может пониматься некая последовательность действий говорящего, преследующего собственные или коллективные цели и делающего с этой целью выбор в пользу тех или иных языковых средств. С точки зрения методологии концепция коммуникативных стратегий удалена от традиционного языкознания и приближена к категории «конвенция» [Макаров, 2003; Иссерс, 2015]. Если под традиционным языкознанием понимать свод правил, регулирующих языковые процессы в определенных условиях их проявления, то стратегия по своей природе динамична и гибка, так как складывается под влиянием изменяющегося контекста дискурса. Свойства, цели и задачи стратегии зависят от условий коммуникации и всегда следуют за речевыми действиями коммуникантов. В этом смысле традиционное языкознание и стратегия отнюдь не противоречат друг другу: находясь по разные стороны деятельностного спектра (языкознание – пассивное, стратегия – активное), эти понятия взаимодополняют друг друга и доказывают многоплановость языка и связанных с ним явлений. Одним из главных признаков стратегии является сквозная синхронизация осуществляемого с предшествующим и их влияние на последующее. В таком ключе коммуникативную

стратегию интерпретирует М. Л. Макаров, выделяя стратегии локальной связности, макростратегии и разговорные стратегии. Однако любая стратегия, какой бы она ни была, содержит в себе элемент интенции: сообщение, закодированное с помощью языка, передается адресату и побуждает его скорректировать свои действия [Макаров, 1998]. Таким образом, коммуникативная стратегия – это тщательно продуманный план речевого поведения, который формируется осознанно или полуосознанно и реализуется участниками коммуникации для достижения определенных коммуникативных, прагматических и интерактивных целей в процессе общения. Коммуникативная стратегия включает в себя систему речевых и невербальных действий, которые организованы в соответствии с актуальной дискурсивной ситуацией, регулирование процесса общения, управление интерпретацией смысла, обеспечение эффективности коммуникации.

В качестве объекта исследования был избран латиноамериканский дискурс, имеющий строгие отличительные признаки. В попытке выделить существенные характеристики латиноамериканского дискурса отечественные ученые анализируют исторический контекст макрорегиона. Так, современный латиноамериканский дискурс, по мнению О. Ю. Бондарь, характеризуется традиционно второстепенной и периферийной ролью региона в сравнении с Европой и Северной Америкой. Данное положение обусловило сдвиг от индивидуального к коллективному измерению идентичности (от «yo» к «nosotros»), выражение цивилизационной сущности посредством бинарных оппозиций («варварство – цивилизация»), продуктивную динамику негативных модусов бытия (переосмысление традиционных элементов культурного кода «отсутствие», «дефицит», «нищета» в позитивном ключе) [Бондарь, 2016]. Одним из последствий «коллективизации» идентичности стало закрепление маргинализации в качестве специфического стиля коммуникации латиноамериканских политиков, намеренно демонстрирующих свою инаковость [Алексеев, 2022].

Другой характерной для латиноамериканского дискурса чертой стал популизм [Моисеенко, 2015; Моисеенко, 2019]. Популистские лидеры, как правило, харизматичны, они эксплуатируют темы социальной несправедливости, нищеты, расизма по отношению к коренным народам с целью привлечения массовой поддержки во внутренней и внешней адресации. На институциональном уровне современный латиноамериканский дискурс и, в частности, латиноамериканский политический дискурс, характеризуется ярко выраженным разнообразием идеологем и аксиологем, акцентом на темах социальной справедливости, повышенной

эмоциональностью и выраженным антиимпериалистическим настроением, который становится маркером, позволяющим группировать страны в зависимости от идеологического спектра [Бочаров, 2025].

Прием «мы – жертва», который является предметом настоящего исследования, идентифицируется в речи некоторых латиноамериканских политиков как тематическая опора выступления. Актуализация риторики «жертвы» позволяет политикам вызывать эмоциональный отклик у широкой аудитории, что делает ее эффективным средством политической борьбы. Обычно используются темы наследия колониализма и империализма, экономического и социального неравенства, несправедливого экономического давления со стороны международных финансовых институтов, политической поляризации, «братской адресации» и единения перед угрозой, мобилизации массового движения. Оценочный характер подобных суждений имеет высокую степень эмоциональности, а значит имеет признаки манипуляции [Матвеева, Гаязова, 2022].

Таким образом, к основной задаче проводимого исследования относится идентификация приема «мы – жертва» в выступлениях политиков посредством двухэтапного дискурс-анализа – анализа контекста высказывания и текстуального анализа и определения его тематического паттерна. Второстепенная задача предполагает анализ средств и форм выражения дискурсивного приема «мы – жертва» с присвоением определенного аксиологического модуса.

Новизна заключается в том, что в результате проведенного анализа впервые раскрываются особенности приема «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политиков. Кроме того, в статье продемонстрировано использование данного приема применительно к разным тематическим блокам со значением «жертвенности».

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к прагматическому анализу речевых тактик в политическом дискурсе, в том числе к приему «мы – жертва» как инструменту самопрезентации и политической мобилизации. В отечественной науке данное направление развивается на материале статусно-обусловленного дискурса: в частности, в исследовании Е. В. Бочарова проанализированы выступления президентов и премьер-министров стран Латинской Америки на Генеральной Ассамблее ООН, выявлены ключевые тактики стратегии самопрезентации и показана их роль в формировании имиджа политической персоналии [Бочаров, 2024]. В методологически близкой работе Д. А. Кушнеревой продемонстрировано, каким образом стратегия «агрессор / жертва» реализуется в женском

политическом дискурсе [Кушнерева, 2023]. Другая работа, также выполненная в русле лингвопрагматики, обогащает теоретические основания нашего исследования изучением дискурсивных позиций политиков («до власти / во власти / после власти») и их влияния на выбор речевых стратегий, зависящего от статуса говорящего [Гончарова, Цуцьева, 2021]. Об актуальности настоящего исследования свидетельствуют в том числе работы современных зарубежных ученых. Так, коллектив британских и американских ученых изучает речи Виктора Орбана и Дональда Трампа и вводит термин «захваченная жертва» (*hijacked victimhood*) для обозначения стратегии тактического присвоения статуса жертвы в целях сохранения или расширения собственной власти [Barton Hronešová, Kreiss, 2024].

Таким образом, и отечественные, и зарубежные исследования свидетельствуют об устойчивом научном интересе к анализу стратегий, связанных с конструированием статуса жертвы в политическом дискурсе.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ниже продемонстрируем использование дискурсивного приема «мы – жертва» в рамках основных тем выступления:

Кризис многополярности и глобализации

Nos unió la necesidad de cambiar que no ha sido resuelta y la condición de víctimas principales de **la actual crisis multidimensional global**; del abusivo intercambio desigual; de la brecha científico-tecnológica; y de la degradación del medio ambiente¹. – Мы едины в понимании скорейшего удовлетворения требований **жертв кризиса многополярности**, наблюдаемого сегодня, решения несправедливой и неравноправной торговли, научно-технического разрыва, разрушения среды обитания² (из выступления Кубы на 78-й сессии ГА ООН).

Ese indicador lo alcanzamos sin subir tasas de interés, **sin practicar políticas monetarias neoliberales** y siempre cuidando del bolsillo de los mas pobres, que es donde mas daña la inflación³. – Мы добиваемся этих показателей без повышения процентных ставок, **не прибегая к неолиберальной денежно-кредитной политике**, с заботой о кармане самых бедных, которые острее других чувствуют инфляцию (из выступления Боливии на 78 сессии ГА ООН).

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/cuba> (дата обращения: 23.01.2025).

²Здесь и далее перевод наш. – Е. Б.

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/bolivia-plurinational-state> (дата обращения: 23.01.2025).

Для ряда стран Латинской Америки характерна критика сложившихся политических и финансовых институтов, часто ассоциируемая с неолиберализмом и глобализмом. При этом на неолиберализм возлагается вина за сохранение нищеты, маргинализации, несправедливых отношений между странами.

Историческая несправедливость

El Continente africano sigue siendo *víctima de la injusticia histórica* de ser el único continente sin una representación permanente en el Consejo de Seguridad¹. – Африканский континент по-прежнему является *жертвой исторической несправедливости* как единственный регион мира, не имеющий постоянного председательства в Совете Безопасности (*из выступления Экваториальной Гвинеи на 78-й сессии ГА ООН*).

De conformidad con las resoluciones de esta Asamblea General y su Comité Especial de Descolonización, *la forma de resolver la situación colonial de las Islas es a través de las negociaciones de soberanía entre la Argentina y el Reino Unido*². – В соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи и ее Специального комитета по деколонизации *решение вопроса о колониальном статусе островов* может быть достигнуто *путем переговоров* о суверенитете *между Аргентиной и Соединенным Королевством* (*из выступления Аргентины на 78-й сессии ГА ООН*).

Тема исторической несправедливости занимает ключевое место в докладах латиноамериканских стран, объединенных общей «проамериканской» идеологией. Несправедливое отношение выражено многолетним периодом колонизации и незаконченной деколонизацией, когда формально страна является суверенной, но ее возможности экономического развития остаются ограниченными. Для Аргентины вопрос деколонизации Фолклендских (Мальвинских) островов представляет собой актуальную геополитическую проблему.

Мы жертва миграции

Si observan que *los pueblos se llenan de hambre y de sed y emigran por millones hacia el norte*, hacia donde está el agua; entonces ustedes *los encierran, construyen muros, despliegan ametralladoras, les disparan*³. – Если вы видите, что *народы умирают от голода и жажды*

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/equatorial-guinea> (дата обращения: 23.01.2025).

²URL: <https://gadebate.un.org/en/78/argentina> (дата обращения: 05.02.2025).

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/colombia> (дата обращения: 05.02.2025).

и *миллионами мигрируют на север* – туда, где есть вода; *тогда вы их запираете, строите стены, устанавливаете пулеметы, стреляете в них* (*из выступления Колумбии на 78-й сессии ГА ООН*).

Nuestro país hace un esfuerzo titánico, para atender de manera solidaria a esos migrantes irregulares, cuyo número aumenta cada año, obligando a Panamá a destinar importantes recursos al socorro humanitario. Esta es *una situación insostenible... indeseada... inhumana... un drama humanitario de dolor... sufrimiento y muerte...* para cientos de miles de migrantes... que emprenden esa *arriesgada travesía*. Les reitero, esta es una *situación insostenible*, una situación en la que *somos víctimas y no responsables*⁴. – *Наша страна прилагаем титанические усилия, чтобы оказать солидарную помощь этим нелегальным мигрантам*, число которых растет с каждым годом, что вынуждает Панаму выделять значительные ресурсы на оказание гуманитарной помощи. Это *неприемлемая ситуация... недопустимая... бесчеловечная... пример человеческого страдания... боли и смерти...* для сотен тысяч мигрантов... которые отправляются в это *рискованное путешествие*. Я повторяю вам, это *недопустимо*, в этой ситуации мы являемся *жертвами* и не несем ответственности (*из выступления Парагвая на 78-й сессии ГА ООН*).

Миграция – это еще одна поляризующая тема для стран региона. С одной стороны, мы наблюдаем причинно-следственную связь между неэффективной внутренней политикой и миграцией – случай Венесуэлы, а с другой стороны, жертвой нерегулярной миграции становятся не сами мигранты, а соседние страны-реципиенты. В лексическом составе преобладают единицы с отрицательным аксиологическим модусом:

hambre – голод, sed – жажда, situación insostenible – неустойчивое положение, indeseado – нежелательное, inhumano – бесчеловечный, drama humanitario – гуманитарная драма, dolor – боль, sufrimiento – страдание, muerte – смерть.

«Мы – жертва» как инструмент дискредитации

La República Bolivariana de Venezuela *ha sido víctima de una cruel política de agresión y asedio*⁵. – Боливарианская республика Венесуэла *стала жертвой безжалостной политики агрессии и осады* (*из выступления Венесуэлы на 78-й сессии ГА ООН*).

⁴URL: <https://gadebate.un.org/en/78/paraguay> (дата обращения: 05.02.2025).

⁵URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 10.02.2025).

Por eso, desde este pódium de la 78 Asamblea General exigimos a Naciones Unidas hacer cumplir el Mandato de la Corte Internacional de Justicia de La Haya, que en el año 1986 sentenció a los **Estados Unidos de Norteamérica** a reconocer a Nicaragua, al menos en parte, **los costos de la destrucción, la agresión permanente, el dolor y el sufrimiento** de centenares de miles de Familias¹. – Вот почему, выступая с этой трибуны на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи, мы призываем Организацию Объединенных Наций выполнить Мандат Международного Суда в Гааге, который в 1986 году обязал **Соединенные Штаты Северной Америки** возместить Никарагуа, по крайней мере частично, ущерб за разрушения, постоянную агрессию, боль и страдания сотен тысяч семей (из выступления Никарагуа на 78-й сессии ГА ООН).

К инструментарию дискредитации исследователи традиционно относят стратегию на понижение, создание положительного образа «своих» через очернение «чужих», тактику обвинения, тактику не прямых оскорблений, приемы речевой агрессии, а также имплицитные механизмы воздействия – приемы когнитивного и семантического плана, способствующие желательному восприятию политических фактов и фигур [Хабекирова, 2011]. Выявленные нами примеры содержат средства создания положительного образа «своих» (Венесуэлы или Кубы) через очернение «чужих» (США). Также мы наблюдаем прием когнитивного и семантического плана, когда Соединенные Штаты Америки определяются как Соединенные Штаты Северной Америки в попытке сместить при определении Америки акцент с севера на юг.

Мы – жертва климатических изменений

Libia ha sido una de las **víctimas más recientes de los embates del cambio climático**, que también ha afectado a nuestro país, que ha sufrido inundaciones y registrado en estos últimos meses temperaturas sin precedentes². – Ливия стала **одной из жертв последствий изменения климата**, затронувшим также нашу страну, пострадавшую от наводнений и температурных рекордов за последние месяцы (из выступления Венесуэлы на 78 сессии ГА ООН).

La Argentina **perdió más del 20 por ciento de sus exportaciones** totales debido a la peor sequía de los últimos 100 años. **Quedaron pulverizados nada menos**

que tres puntos de su Producto Bruto Interno³. – Аргентина **утратила более 20 % своего экспорта** по причине сильнейшей за последние сто лет засухи. **Мы не досчитались по меньшей мере трех пунктов нашего ВВП** (из выступления Венесуэлы на 78-й сессии ГА ООН).

Жертва – это другие

Del mismo modo, deben cesar de inmediato **las sanciones impuestas por los Estados Unidos a Venezuela**. Su prolongación en el tiempo solo **lastimó las condiciones de vida** para sus habitantes y **condujo al exilio** a millones de venezolanos que emigraron de su patria **buscando una vida mejor**⁴. – **Санкции, введенные Соединенными Штатами в отношении Венесуэлы**, должны быть немедленно сняты. Их наличие не только **ухудшило условия жизни** жителей страны, но и **привело к исходу** миллионов венесуэльцев, эмигрировавших со своей родины **в поисках лучшей жизни** (из выступления Аргентины на 78-й сессии ГА ООН).

Venezuela exige **que se ponga fin, de manera completa, inmediata e incondicional, a todas las ilegales políticas de sanciones y bloqueos económicos, comerciales y financieros** a las que está sujeta Venezuela, Cuba, Eritrea, Irán, Nicaragua, Siria, Zimbabue y otras naciones hermanas que con determinación y compromiso han sabido sortear estas políticas imperiales⁵. – Венесуэла требует **полного, немедленного и безоговорочного прекращения всей незаконной политики санкций и экономической, торговой и финансовой блокады** в отношении Венесуэлы, Кубы, Эритреи, Ирана, Никарагуа, Сирии, Зимбабве и других братских стран, которые с решимостью и высоко поднятой головой сумели обойти эти ограничения имперской политики. (из выступления Венесуэлы на 78 сессии ГА ООН)

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что прием «мы – жертва» имеет широкое семантическое и прагматическое поле. С точки зрения семантического содержания высказывания, прием «мы – жертва» выражен значениями несправедливости, страдания, боли, жертвы климатических изменений, торговой и финансовой блокады, беспочвенных обвинений. Прагматическое содержание данного приема ориентировано на делегитимизацию политического оппонента, что, в свою очередь, следует считать маркером поляризованности

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴URL: <https://gadebate.un.org/en/78/argentina> (дата обращения: 27.02.2025).

⁵URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 27.02.2025).

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/nicaragua> (дата обращения: 10.02.2025).

²URL: <https://gadebate.un.org/en/78/venezuela-bolivarian-republic> (дата обращения: 10.02.2025).

по признаку идеологической ориентации («проамериканской» или «просевероамериканской»).

Распознать прием «мы – жертва», однако, не всегда просто. Переходя от более широкого синтаксического анализа к более узкому – лексическому, можно наблюдать, как данный прием приобретает новые формы выражения. Например, значение «жертвенности» часто передается лексикой с отрицательным аксиологическим модусом вне какого-либо конкретного тематического блока:

abusos – злоупотребления, altos costos – высокие цены, pobreza – нищета, deuda pública – государственный долг, destrucción – разрушение, disputas sociales – споры, encrucijada – перепутье, endeudamiento – задолженность, engaño – обман, estallido social – социальный взрыв, estigma – клеймо, estigmatización – стигматизация, insatisfacción – неудовлетворенность, fragmentación social – социальная фрагментация, hambruna – голод, sufrimiento – страдание:

En un mundo de tanta riqueza, los **niveles de pobreza y desigualdad** continúan obstinadamente altos mientras que la migración masiva asociada a **conflictos bélicos** y a **falta de oportunidades**, el **terrorismo internacional**, el **crimen transnacional** y las **tensiones geopolíticas** representan retos ante los cuales tanto los mecanismos de cooperación como su gobernanza, que han prevalecido en las últimas casi 8 décadas, se encuentran claramente desfasados¹. – В столь богатом мире сохраняется высокий **уровень бедности и неравенства**, а массовая миграция, связанная с **вооруженными конфликтами, отсутствием возможностей, международным терроризмом, транснациональной преступностью и геополитической напряженностью**, представляют собой вызовы, перед которыми действующие последние 8 лет механизмы сотрудничества безнадежно устарели. (из выступления Парагвая на 78 сессии ГА ООН)

Si las Naciones Unidas no cumplen con su mandato de paz y desarrollo, **alimentaremos la insatisfacción y el desconcierto** y sufrirán las instituciones internacionales que hemos construido². – Если Организация Объединенных Наций не выполнит свой мандат в области мира и развития, **мы вызовем недовольство и недоумение**, а также пострадают международные институты, которые мы создали (из выступления Мексики на 78-й сессии ГА ООН).

В нанесении вреда и, следовательно, в ответственности за возникновение признака «жертвенности» не всегда обвиняют напрямую – часто

¹URL: <https://gadebate.un.org/en/78/paraguay> (дата обращения: 27.02.2025).

²URL: <https://gadebate.un.org/en/78/mexico> (дата обращения: 27.02.2025).

подобное обвинение имеет косвенные признаки. При этом признак «жертвенности» возникает только в тот момент, когда оратор связывает нанесенный ему ущерб с действием третьей стороны:

Países enteros han sido destruidos, en **la brutal política de tierra arrasada**, que busca satisfacer **los apetitos bestiales de los Imperialistas de la Tierra...** Países enteros han venido **siendo ocupados, y sacrificados y masacrados** sus Pueblos, por las mismas y atroces políticas y acciones, **violatorias de todos los Derechos**, que refuerzan lo que conocemos y denunciemos nuevamente aquí, como Crímenes de Odio³. – Целые страны были разрушены в результате **жесткой политики выжженной земли**, направленной на удовлетворение **зверских appetitos земельных империалистов...** Целые страны **были оккупированы**, а их народы **приносились в жертву и уничтожались** в результате той же самой отвратительной политики и действий, **нарушающих все права**. Эта политика только подливает масла в огонь того, что мы здесь называем преступлениями на почве ненависти (из выступления Никарагуа на 78-й сессии ГА ООН).

Esta es una **situación insostenible... indeseada... inhumana... un drama humanitario de dolor... sufrimiento y muerte...** para cientos de miles de migrantes... que emprenden esa arriesgada travesía. Les reitero, esta es una **situación insostenible**, una situación en la que **somos víctimas y no responsables**⁴. – Это **неприемлемая ситуация... нежелательная... бесчеловечная... гуманитарная драма, боль... страданий и смерти...** для сотен тысяч мигрантов... которые отправляются в это рискованное путешествие. Я повторяю вам, это **неприемлемая ситуация**, ситуация, в которой **мы являемся жертвами, а не ответственны** (из выступления Панамы на 78-й сессии ГА ООН).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного анализа раскрывают особенности приема «мы – жертва» в стратегии самопрезентации политиков. Продемонстрировано использование данного приема применительно к разным тематическим блокам со значением «жертвенности». Важным итогом проведенного анализа является тезис о неочевидности возможностей идентификации приема «мы – жертва» исключительно как части субъектного дискурса. Выявлено, что политики используют данный прием в отношении других субъектов политической коммуникации, но, как правило, с одной целью.

³URL: <https://gadebate.un.org/en/78/nicaragua> (дата обращения: 27.02.2025)

⁴URL: <https://gadebate.un.org/en/78/panama> (дата обращения: 27.02.2025)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2015.
3. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Тверск. гос. ун-та, 1998.
4. Бондарь О. Ю. Архитектоника латиноамериканского идентификационного дискурса в XX в. (часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 21–29.
5. Алексеев А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 96–111.
6. Моисеенко Л. В. Феноменология ораторских дискурсов латиноамериканских лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2015. № 2. С. 36–40.
7. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. № 2 (18). С. 105–117.
8. Бочаров Е. В. Стратегия самопрезентации в испаноязычном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2025.
9. Матвеева А. А., Гаязова А. А. Использование манипулятивных стратегий и тактик в дискурсе британских СМИ для трансформации стереотипных представлений // Вестник Томского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 76. С. 148–165. DOI: 10.17223/19986645/76/6.
10. Бочаров Е. В. Стратегия саморепрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 22 (1). С. 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131.
11. Кушнерева Д. А. Агрессор и Жертва в женском политическом дискурсе (на примере речей Лауры Чинчили Миранды) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5 (50). С. 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504.
12. Гончарова Е. А., Щуцьева М. Г. Лингвокогнитивные и коммуникативно-прагматические особенности речевой деятельности политика в дискурсивной позиции «после власти» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. №18 (2). С. 339–362. DOI: 10.21638/spbu09.2021.206
13. Barton Hronešová J., Kreiss D. Strategically Hijacking Victimhood: A Political Communication Strategy in the Discourse of Viktor Orbán and Donald Trump // Perspectives on Politics. 2024. № 22 (3). С. 717–735. DOI: 10.1017/S1537592724000239
14. Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 138–144.

REFERENCES

1. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa = Fundamentals of discourse theory*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Issers, O. S. (2015). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
3. Makarov, M. L. (1998). *Interpretativnyj analiz diskursa v maloj gruppe = Interpretative analysis of discourse in a small group*. Tver: Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
4. Bondar, O. Yu. (2016). *Architectonics of Latin American identification discourse in the twentieth century. (Part 1)*. Vestnik of Peoples' Friendship Russian State University. Series: Philosophy, 2, 21–29. (In Russ.)
5. Alexeev, A. B. (2022). *The communicative strategy of marginalization as a manipulative strategy of power in political discourse*. Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20, 96–111. (In Russ.)
6. Moiseenko, L. V. (2015). *The phenomenology of the oratorical discourses of Latin American Leaders*. Vestnik of Peoples' Friendship Russian State University. Series: Language Education and Translingual Practices, 2, 36–40. (In Russ.)
7. Moiseenko, L. V. (2019). *Populist political discourse: diagnostic signs and linguocognitive techniques of creation*. Vestnik of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 2(18), 105–117. (In Russ.)

8. Bocharov, Ye. V. (2025). Strategija samoprezentacii v ispanojazychnom politicheskom diskurse = Self-presentation strategy in Spanish-language political discourse: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Matveyeva, A. A., Gayazova, A. A. (2022). The use of manipulative strategies and tactics for the transformation of stereotypical ideas in the British mass media discourse. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philology*, 76, 148–165. DOI: 10.17223/19986645/76/6. (In Russ.)
10. Bocharov, Ye. V. (2024). Self-Presentation Strategy and Speech Tactics in Political Discourse (based on the Public Speeches of Latin American Politicians at the UN). *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 22(1), 120–131. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131. (In Russ.)
11. Kushnereva, D. A. (2023). Aggressor and Victim in women's political discourse (on the example of the speeches of Laura Chinchilla Miranda). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504. (In Russ.)
12. Goncharova, E. A., Tsutsieva, M. G. (2021). Linguistic-cognitive and communicative-pragmatic features of a politician's speech activity in a discursive position "after power". *Vestnik of Saint Petersburg University. Series: Language and Literature*, 18(2), 339–362. DOI: 10.21638/spbu09.2021.206. (In Russ.)
13. Barton Hronešová, J., Kreiss, D. (2024). Strategically Hijacking Victimhood: A Political Communication Strategy in the Discourse of Viktor Orbán and Donald Trump. *Perspectives on Politics*, 22(3), 717–735. DOI: 10.1017/S1537592724000239
14. Khabekirova, Z. S. (2011). The strategy of discrediting and methods of its implementation in the political discourse of the democratic opposition. *Vestnik of the Adygea State University. Series 2: Philology and Arts*, 2(3), 138–144.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бочаров Евгений Владимирович

старший преподаватель
кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bocharov Yevgeniy Vladimirovich

Senior Lecturer
Department of Linguistics and Intercultural Communication
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	18.09.2025	accepted for publication

Дискредитация в общественно-политическом медиадискурсе Южной Кореи

Е. В. Диброва¹, Д. В. Мавлеева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹dibrova_elena@ro.ru

²selezneva_dv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются стратегии и тактики дискредитации в общественно-политическом медиадискурсе Республики Корея. Исследование направлено на выявление языковых средств и прагматических механизмов, с помощью которых в СМИ формируется негативный образ политических оппонентов, влияющий на аудиторию. В качестве материала использованы тексты новостных статей ведущих новостных изданий Южной Кореи: «Чосон ильбо», «Чунан ильбо», «Тона ильбо» и информационного агентства «Рёнхэп». Анализ проводится в рамках лингвопрагматического подхода, позволяющего рассмотреть дискурс как целенаправленное социальное действие. Выявленные тактики дискредитации демонстрируют высокую степень конфликтности общественно-политического медиадискурса.

Ключевые слова: Южная Корея, коммуникативные стратегии, дискредитация, общественно-политический медиадискурс, лингвопрагматика

Для цитирования: Диброва Е. В., Мавлеева Д. В. Дискредитация в общественно-политическом медиадискурсе Южной Кореи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 25–31.

Original article

Discrediting Strategy in South Korea's Socio-Political Media Discourse

Elena V. Dibrova¹, Darya V. Mavleeva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹dibrova_elena@ro.ru

²selezneva_dv@mail.ru

Abstract. The article reviews discrediting strategies and tactics in the socio-political media discourse of the Republic of Korea. The research is aimed at identifying the linguistic means and pragmatic mechanisms through which the media form a negative image of political opponents, influencing the audience. The texts of news articles of the leading news publications of South Korea: 'Chosun Ilbo', 'Chung Ang Ilbo', 'Dong-A Ilbo' and the news agency 'Yonhap' are used as material. The analysis is conducted within the framework of the linguopragmatic approach, which allows to consider discourse as a purposeful social action. The revealed tactics of discrediting demonstrate a high degree of conflict in socio-political media discourse.

Keywords: South Korea, communicative strategies, discrediting, socio-political media discourse, linguopragmatics

For citation: Dibrova, E. V., Mavleeva, D. V. (2025). Discrediting strategy in South Korea's socio-political media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 25–31. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В условиях быстро меняющегося мира в любом государстве усиливается интерес граждан к политической сфере. В этой связи все большую актуальность приобретает изучение общественно-политического медиадискурса как канала формирования представлений об окружающей действительности. Медиадискурс определяет объем и характер знаний, которыми обладают его потребители и, следовательно, влияет на мысли, убеждения и даже поведение.

Проблематика дискурса находит отражение в работах многих современных исследователей [Карасик, 2002; Желтухина, Спорова, 2024]. Кроме того, в последние годы наблюдается рост интереса к лингвокогнитивному и лингвопрагматическому направлениям языкознания [Матвеева, Ленец, Петрова, 2019; Желтухина, 2011], а также к феномену речевой агрессии [Глухова, 2017; Калинина, 2018]. Изучение этой темы в рамках лингвопрагматики позволяет выявить и изучить конкретные коммуникативные стратегии и тактики воздействия на аудиторию, проанализировать выбор языковых средств их реализации, с учетом целей авторов медиатекстов, контекста и ожидаемой реакции аудитории. Республика Корея является перспективным объектом исследования, поскольку в этой стране интернет-медиа находятся на высоком уровне развития, играют активную роль в общественной жизни страны и существенно влияют на внутрисполитические процессы. Следует отметить, что в последние годы Республика Корея переживает длительный внутрисполитический кризис, что повышает конфликтность общественно-политического медиадискурса. В этом контексте особый интерес представляют стратегии и тактики дискредитации – как дискурсивные средства подрыва доверия к политическим институтам и акторам. Данное исследование посвящено изучению лингвопрагматических стратегий и тактик дискредитации, характерных для современного южнокорейского медиадискурса. Объектом исследования является южнокорейский общественно-политический медиадискурс, предметом – дискредитирующие стратегии и тактики и средства их реализации. В качестве материала исследования используются новостные статьи с сайтов ведущих южнокорейских СМИ, а именно «Чосон ильбо», «Чунан ильбо», «Тона ильбо» и новостного агентства «Рёнхап». В рамках исследования был собран массив текстов объемом 14 650 слов (50 статей).

Нами были поставлены следующие задачи: выявить и описать коммуникативные стратегии и тактики дискредитации в южнокорейском

общественно-политическом медиадискурсе, а также изучить лингвистические средства их реализации. Для выполнения данных задач были использованы следующие методы: дискурсивный анализ, лингвостилистический анализ, синтез.

Эмпирическая база исследования отбиралась с помощью метода сплошной выборки.

В работе впервые проведен целенаправленный анализ лингвопрагматических стратегий дискредитации в южнокорейском общественно-политическом медиадискурсе. Выявлены и описаны некоторые маркеры данных стратегий. Полученные результаты могут представлять ценность для развития теоретических основ лингвопрагматики и дискурс-анализа применительно к южнокорейскому идиому корейского языка.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС И ЛИНГВОПРАГМАТИКА

Н. Д. Арутюнова в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяет дискурс как «речь, «погруженную в жизнь»¹. В. С. Григорьева определяет дискурс в непосредственно лингвистическом использовании как «языковую единицу, не адекватную, не синонимичную тексту, а значительно более широкую, стоящую уровнем выше и включающую в себя экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата)» [Григорьева, 2007].

Обратимся теперь к понятию общественно-политического дискурса, которое имеет ключевое значение для нашего исследования. Как отмечает Е. И. Шейгал, общественно-политический дискурс представляет собой «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004].

У общественно-политического медиадискурса можно выделить две основных функции: воздействующую и информационную, причем воздействующая является основной. Например, Г. Г. Почепцов отмечает: «Любое сообщение СМИ можно трактовать как влияющее. Однако элемент влияния в нем является косвенным и спрятан именно на глубинном уровне. Возможны также и прямые пропагандистские тексты, где на первом месте стоит влияние, а описание, фиксация ситуации только на глубинном...» [Почепцов, 2003].

Для более глубокого понимания механизмов воздействия в медиадискурсе имеет смысл обращение к лингвопрагматике. Лингвопрагматика (также лингвистическая прагматика и прагмалингвистика) изучает прагматический потенциал

¹Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

языковых единиц разных уровней, то есть их способность оказывать влияние на людей. Лингвопрагматика позволяет рассмотреть дискурс как инструмент реализации определенной коммуникативной стратегии.

СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Речевая агрессия стала объектом лингвистических исследований в рамках антропоцентрической и когнитивно-дискурсивной парадигм в конце XX – начале XXI века. По мнению исследователей, речевая агрессия становится «универсальным языком современной коммуникации, который стремительно расширяет границы своего бытования, охватывая всё речевое пространство, проникая в новые сферы коммуникации» [Карабань, Дикарева, 2018].

Речевая агрессия находит реализацию в стратегии дискредитации, т. е. подрыва доверия, снижения авторитета; в общественно-политическом медиадискурсе – политического или иного общественно важного лица – в глазах широкой аудитории. Автор высказывания может стараться показать себя либо в нейтральном, либо в нарочито выгодном свете. При этом общественно-политический медиадискурс может предполагать соблюдение участниками определенных социальных и юридических норм. Если политик в публичной речи или интервью допустит нарушение норм закона, это может стать поводом подать на него в суд, что способно как минимум навредить авторитету, как максимум – уничтожить политическую карьеру. Исходя из того, что Уголовный кодекс Республики Корея включает наказание за диффамацию (т. е. распространение как истинных, так и ложных сведений, позорящих другое лицо) [Цадыкова, 2007], предполагаем, что категоричность дискредитирующих высказываний может быть снижена.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Рассмотрим более подробно особенности функционирования стратегий дискредитации в южнокорейском общественно-политическом медиадискурсе. Для реализации стратегии дискредитации используются различные тактики. Как пишет Д. Р. Акопова: «Реализация той или иной стратегии происходит за счет тактик, которые представляют собой конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, для которого характерен набор приемов,

определяющих использование тех или иных языковых средств» [Акопова, 2013]. Наиболее частотными являются тактики обвинения, оскорбления и издевки.

Согласно мнению таких исследователей, как В. И. Карасик и Д. Уолтон, стратегия дискредитации представляет собой разновидность манипулятивной стратегии. Ее цель – имплицитное воздействие на аудиторию. Среди тактик манипулятивной стратегии дискредитации выделяют тактику побуждения и тактику трансформации.

В данном исследовании вы использовали классификацию, предложенную О. Л. Михалевой, согласно которой основными стратегиями политического дискурса являются «стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности» [Михалева, 2009]. В нашем исследовании мы рассмотрим первую стратегию – стратегию на понижение. Она направлена на дискредитацию оппонента в глазах аудитории, разрушение его авторитета, либо на выражение негативного отношения к ситуации. Стратегия на понижение реализуется с помощью следующих тактик:

1. Анализ – «минус» (анализ в негативном ключе). Ситуация описывается в нейтральной тональности, истинное отношение автора выражается имплицитно за счет использования соответствующих лексических средств.

Приведем пример:

권 위원장은 이날 국회에서 기자회견을 열어 «이제 공은 민주당과 이 후보에게 넘어갔다. 선거는 신뢰 위에 서야 한다. (이 후보가) 허위사실 공표로 국민 판단을 왜곡했다는 사실을 대법원이 확인시켰다»며 이같이 밝혔다. 이어 “이 정도 판결이 내려졌는데도 대통령 후보를 계속 고집한다는 자체가 국민에 대한 중대한 모욕”이라며 «후보 자진 사퇴가 상식»이라고 강조했다¹. – Председатель Квон в тот же день провел пресс-конференцию в Национальном собрании и сказал: «Теперь мяч перешел к Демократической партии и кандидату Ли. Выборы должны проводиться на основе доверия. Верховный суд подтвердил, что кандидат Ли искажил общественное мнение путем публикации ложной информации», – сказал он. Далее он добавил: «Несмотря на то, что суд вынес именно такое решение, продолжая настаивать на участии в выборах, кандидат серьезно оскорбляет общественность. Разумное решение – добровольный отказ»².

В данном примере из информационного агентства «Рёнхап» представлено заявление

¹Yonhap. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20250501101200001> (дата обращения: 22.05.2025).

²Здесь и далее перевод наш. – Е. Д., Д. М.

председателя комиссии по чрезвычайным ситуациям Квон Сеёна по поводу оправдания кандидата в президенты от Демократической партии «Тобуро» Ли Чэмёна. Суждения автора не выражаются эксплицитно. Тем не менее, в предложении «선거는 신뢰 위에 서야 한다» автор намекает, что в данный момент избиратель не может доверять кандидату Ли, и использует экспрессивную директивную конструкцию. Далее, оценивая действия кандидата, он ссылается на мнение Верховного суда, а не на собственные суждения, за счет чего сглаживает градус обвинения. Кроме того, автор использует эмоционально окрашенные лексические единицы «고집하다» (*упрямиться, настаивать*), «모욕» (*оскорбление*), с помощью которых можно считать его истинное отношение к объекту высказывания.

2. Обвинение. Автор высказывания обвиняет оппонента в общественно порицаемых деяниях, приписывает ему отрицательные качества, пытается уличить в преступных намерениях. Обвинение реализуется эксплицитно с помощью негативно окрашенной оценочной лексики, которая может подменять аргументацию. Объект обвинения может не называться, тогда обвинение распространяется на группу лиц (например, на членов политической партии или сторонников политического движения). В таком случае используются приемы генерализации и снижения категоричности высказывания. Автор создает оппозицию «своих» и «чужих». При этом группа «своих» возвышается, а группа «чужих» дискредитируется еще сильнее. Рассмотрим пример из газеты «Чунан ильбо»:

김문수 국민의힘 대선 후보가 22일 서울 용산구 대한의사회(의협)를 방문해 장기화된 의정 갈등과 의료 공백 사태에 대해 사과했다. 그는 “왜 이렇게 우리가 시간을 보내고 소중한 인재들이 공부를 못할 정도로 만들었나”, “이렇게 훌륭한 의사 선생님들과 왜 정부가 이렇게 서로 마음이 맞지 않을 이유가 뭐가 있나”며 고개를 숙였다¹. – Двадцать второго мая кандидат в президенты от партии «Сила народа» Ким Мунсу посетил Корейскую ассоциацию врачей в районе Йонсангу (Сеул) и извинился за затянувшуюся неопределенность в сфере законодательства и острую нехватку врачей. «Почему мы тратим так много времени, отвлекаем наших врачей от учебы?» – сказал он, опустив голову. «Почему такие замечательные врачи и правительство так не ладят друг с другом?»

В данном случае автор использует риторические вопросы, обвиняя правительство Кореи в кризисе в области здравоохранения. В первой части

¹Chung Ang Ilbo. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/25338035> (дата обращения: 22.05.2025).

речи он использует местоимение «мы», поскольку сам является депутатом Национального собрания, в свою очередь, виноватым в кризисе, однако во второй части – слово «правительство», дистанцируясь от виноватой стороны (администрации бывшего президента Республики Корея).

3. Обличение. Так же, как и в предыдущей тактике, автор обвиняет оппонента в недостойном поведении, но подкрепляет свою позицию аргументами. Согласно Д. Р. Акоповой, именно конкретизация вины отличает данную тактику от прочих дискредитирующих тактик [Акопова, 2013]. Рассмотрим примеры.

10만 원 호텔 경제론, 커피값 원가 120원을 이야기 하는 사람이 위기의 대한민국을 구할 수 있을까?² – Может ли человек, который считает, что отель можно содержать на сто тысяч вон, что кофе стоит сто двадцать вон, спасти Республику Корея от кризиса?

Данное высказывание, опубликованное в газете «Тона ильбо», принадлежит политику Сон Хаккю, бывшему депутату из партии «Парынмирэдан». Он обличает кандидата от Демократической партии «Тобуро» Ли Чэмёна в оторванности от реального положения дел в стране. Обличение реализовано эксплицитно, поскольку называются действительные цитаты объекта обличения. В то же время автор смягчает высказывание с помощью риторического вопроса.

더불어민주당 이재명 대선 후보는 20일 자신의 ‘커피 원가 120원’ 발언을 둘러싼 국민의힘의 공세와 관련해 “정치적으로 상대들이 조작하는 것이 문제”라며 “예를 들면 국민의힘 김용태 의원”이라고 말했다³. – Во вторник кандидат в президенты от Демократической партии «Тобуро» Ли Чэмён, отвечая на критику со стороны партии «Сила народа» по поводу своего высказывания «кофе стоит 120 вон», заявил следующее: «Проблема в том, что оппоненты занимаются политическими манипуляциями. Например, кандидат от «Силы народа» Ким Ёнтхэ».

В данном примере из газеты «Рёнхэп» кандидат в президенты от Демократической партии Ли Чэмён обвиняет политических противников из партии «Сила народа» в неверной трактовке своего высказывания – манипуляции общественным мнением в политических целях. При этом используется слово «상대들» – «соперники», «конкуренты», «оппоненты», а также один из оппонентов

²Dong-A Ilbo. URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20250522/131660288/2> (дата обращения: 22.05.2025).

³Yonhap. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20250520081100001> (дата обращения: 22.05.2025).

называется по имени. Далее кандидат Ли Чэмён приводит аргумент:

저는 ‘닭죽을 힘들게 파는 것보다 휴게음식점을 깨끗하게 운영하는 것이 훨씬 더 소득이 좋다. 지원해주겠다. 커피 원가가 120원 정도라더라’ 이렇게 얘기를 했다. 이는 보도에도 나온 것이고 공식자료가 나온 것 아닌가?¹ – Хорошее чистое кафе будет намного выгоднее, чем палатка с рисовой кашей с курицей. Я вас поддерживаю. Слышал, кофе по себестоимости стоит 120 вон. Это было просто интервью для новостей, не официальное заявление.

Таким образом, с одной стороны, он показывает, что имеет право на недовольство, с другой стороны – оправдывает собственное неловкое высказывание (на момент написания статьи кофе в Корее стоил дороже).

4. Оскорбление. Автор высказывания старается унижить оппонента, зачастую подменяя факты и доказательства яркой эмоциональной окраской высказывания.

이제 묻는다. 우리 당의 대선후보로 나선 후보님들, 지금까지 당을 위해 무엇을 해오셨느냐. 당이 숨을 헐떡이는 이 순간, 당을 살릴 고민은커녕 대선 승리를 위한 전략도 없이, 시체가 된 당을 난도질하며 그 위에 소금을 뿌리고 있는 건 아니냐. 보이는 것은 오직 정치적 계산, 오직 개인의 욕심뿐이다.² – Теперь я спрашиваю. Кандидаты в президенты, выдвигающиеся от нашей партии, что вы сделали ради партии за всё это время? Сейчас, когда партия задыхается, когда у нас нет стратегии для победы в президентских выборах, нет пути для спасения, вы только сыпете соль на рану. Видны только ваш политический расчёт и жадность.

В данном примере реализовано сразу несколько тактик дискредитации. Автор высказывания, кандидат в президенты от партии «Сила народа» Ан Чхольсу, сначала изобличает своих однопартийцев в бездействии, затем оскорбляет, обвиняя в жадности – при этом использовано эмоционально-окрашенное слово «욕심» (*жадность*). Также используется экспрессивное выражение «сыпать соль на рану» и олицетворение «задыхаться» в значении «находиться в сложном положении».

스스로 이재명의 트로이목마가 돼서는 안 된다. 이제 그만하고 부디 김 후보와 원팀으로 국민과 나라

¹Yonhap. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20250520081100001> (дата обращения: 22.05.2025).

²Chung Ang Ilbo. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/25330338> (дата обращения: 22.05.2025).

를 구하는 데 함께 총력을 다해주길 촉구한다³. – Не будьте троянским конем Ли Чэмёна. Остановитесь немедленно и выступите одной командой с кандидатом Кимом, сделайте всё, чтобы защитить страну и людей.

В данном примере из издания «Тона ильбо» цитируется высказывание депутата На Кёнвона в адрес бывшего коллеги по партии Хан Тонхуна, подавшего свою кандидатуру на президентские выборы. На Кёнвон открыто сравнивает Хан Тонхуна с «троянским конем», при этом использует не повелительное наклонение, а грамматическую конструкцию запрета действия, чем снижает категоричность высказывания.

5. Тактика угрозы. Автор высказывает предположение, что в случае несоблюдения адресатом определенных требований или условий адресату будет причинен вред. Угроза может излагаться как эксплицитно, так и имплицитно, например, в форме предупреждения, предсказания, обещания или риторического вопроса. Рассмотрим пример имплицитной реализации тактики угрозы, приведенный в статье «Чунан ильбо»:

반(反)탄 법조인 출신 후보님들, 국민은 알고 있다. 여러분의 정치적 행보, 헌정질서와 법치를 부정하고 국민을 배신한 그 선택은 역사 속에 고스란히 기록될 것이다. 그리고 국민은 안다. 여러분은 결코 이재명을 이길 수 없다. 또한 그 사실은 누구보다 후보 여러분 스스로가 잘 아실 것이다⁴. – Кандидаты, выступившие против импичмента, народ всё знает. Ваше поведение в политике, ваше решение отрицать принципы конституционного строя и верховенства закона, ваше предательство народа – всё это войдет в историю. Народ знает. Вы никогда не победите Ли Чэмёна. И вы знаете это лучше, чем кто-либо другой.

В данном примере депутат от партии «Сила народа» Ан Чхольсу угрожает своим политическим противникам от имени народа. Он также реализует тактику обвинения (выражена словосочетанием «여러분의 국민을 배신한 선택», которое дословно переводится как «ваш выбор предать народ»). При этом автор не отклоняется от норм официально-делового стиля, обращается к оппонентам подчеркнуто вежливо (об этом говорит использование морфем «님» в существительных и «시» в глаголах), угроза носит абстрактный характер (обещание «войти в историю предателями народа» и «проиграть на выборах»). Примечательно, что Ан Чхольсу использовал сокращение «반탄», образованное с помощью

³Dong-A Ilbo. URL: <https://www.donga.com/news/Politics/article/all/20250522/131660241/1> (дата обращения: 22.05.2025).

⁴Chung Ang Ilbo. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/25330338> (дата обращения: 22.05.2025).

соединения двух слогов из слов «탄핵» (*импичмент*) и «반대파» (*противники, оппозиционеры*). Это окказионализм, отсутствующий в словаре и новый для южнокорейских СМИ, поэтому в скобках дано пояснение с помощью соответствующего иероглифа.

Рассмотрим еще один пример из газеты «Чосон Ильбо», высказывание уже упомянутого выше кандидата в президенты Ким Мунсу:

자신의 범죄를 덮기 위해 사법부까지 겁박하는 이재명 후보와 민주당이 행정, 입법, 사법부 권력을 모두 틀어쥐게 된다면, 독재의 그림자 아래 우리 대한민국 전체가 마찬가지로 수렁에 빠지게 될 것이다¹. – Если Ли Чэмын и Демократической партии, которые, стремясь скрыть свои преступления, запугивают суд, будет позволено контролировать исполнительную, законодательную и судебную ветви власти, вся наша страна скроется в тени диктатуры и погрязнет в трясины.

В данном примере угроза Ким Мунсу нацелена на широкую аудиторию читателей газеты. Воздействие усиливается за счет использования метафор:

¹Chosun Ilbo. URL: <https://biz.chosun.com/policy/politics/election2025/2025/05/23/EFFN331OKNE4DI4YYXZ5UZWQPI/> (дата обращения: 22.05.2025).

«독재의 그림자» (*тень диктатуры*), «수렁에 빠지게 돼다» (*погрязнуть в трясины*). Кроме того, тактика угрозы реализуется одновременно с тактикой обвинения (автор высказывания обвиняет оппонента в совершении преступлений и запугивании суда).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные методы реализации стратегии дискредитации в южнокорейском общественно-политическом медиадискурсе. Нами были выявлены следующие коммуникативные тактики: анализ – «минус», обвинения, обличения, оскорбления и угрозы. Данные тактики реализуются с помощью негативно окрашенной лексики и изобразительно-выразительных средств. При этом авторы текстов могут не приводить аргументы и зачастую маскируют дискредитацию под нейтральное повествование, сохраняя видимость объективности. Следующим шагом в исследовании может стать изучение стратегии дискредитации как части манипулятивной стратегии, более детальное изучение перлокутивного эффекта стратегий дискредитаций, а также сравнение коммуникативных стратегий с точки зрения лингвопрагматики в дискурсах Южной и Северной Кореи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Язык социального статуса: Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект. М.: Гнозис, 2002.
2. Желтухина М. Р., Спорова И. П. Человек и его дискурс. Вып. 8: политическое медиавоздействие – цифровые технологии – гражданская лингвопрагматика. М., Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2024.
3. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. 4-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2019.
4. Желтухина М. Р. Вербальное медиавоздействие на политическое сознание в кризисной ситуации // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 3. С. 7–12.
5. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ). Вестник Челябинского государственного университета. 2017. Вып. 12 (408).
6. Калинина М. В. Жаргонизмы, просторечие и языковая агрессия в телевизионных СМИ. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (127). С. 117–121.
7. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета, 2007.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
9. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003.
10. Карабань Н. А., Дикарева А. В. Речевая агрессия в интернет-общении. Филология: научные исследования. 2018. Вып. 2. С. 1–8.
11. Цадыкова Э. А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
12. Аكوпова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. Вып. 6 (1). С. 403–409.
13. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком. 2009.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). Yazyk social'nogo statusa: Sociolingvisticheskiy aspekt. Pragmalingvisticheskiy aspekt. Lingvosemanticheskiy aspekt = Language of social status: Sociolinguistic aspect. Pragmalinguistic aspect. Linguosemantic aspect. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

- Zheltukhina, M. R., Sporova, I. P. (2024). Chelovek i ego diskurs – 8: politicheskoe mediavozdeistvie – tsifrovye tekhnologii – grazhdanskaya lingvopragmatika. = Person and his discourse – 8: political media impact, digital technologies, civil linguistic pragmatics. Moscow, Volgograd: PrinTerra-Dizain. (In Russ.)
- Matveeva, G. G., Lenets, A. V., Petrova, E. I. (2019). Osnovy pragmalingvistiki = Fundamentals of pragmalinguistics. 4th ed., stereotyped. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
- Zheltukhina, M. R. (2011). Verbal'noe mediavozdejstvie na politicheskoe soznanie v krizisnoj situacii. Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika = Verbal media impact on political consciousness in a crisis situation. Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology, 3, 7–12. (In Russ.)
- Glukhova, I. V. (2017). Leksiko-semanticheskie sposoby vyrazheniya rechevoi agressii (na materiale angloyazychnykh pechatnykh SMI). Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. = Lexico-semantic forms expressing verbal aggression (on the basis of American and British print media). Vestnik of the Chelyabinsk State University. Philological sciences, 12(408), 62–70. (In Russ.)
- Kalinina, M. V. (2018). Zhargonizmy, prostorechie i yazykovaya agressiya v televizionnykh SMI. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Jargons, common parlance and language aggression in television media. Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University, 4(127), 117–121. (In Russ.)
- Grigorieva, V. S. (2007). Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskie i kognitivnye aspekty = Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects. Tambov: Tambov State Technical University publisher house. (In Russ.)
- Sheigal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
- Pochepczov, G. G. (2003). Informatsionno-politicheskie tekhnologii = Information and political technologies. Moscow: Centr. (In Russ.)
- Karaban, N. A., Dikareva, A. V. (2018). Rechevaya agressiya v internet-obshchenii. Filologiya: nauchnye issledovaniya = Verbal aggression in internet communication. Philology: scientific researches, 2, 1–8. (In Russ.)
- Tsadykova, E. A. (2007). Konstitutsionnoe pravo na neprikosnovennost' chastnoi zhizni: sravnitel'no-pravovoe issledovanie = The constitutional right to inviolability of private life (comparative legal research): PhD thesis in legal science. Moscow. (In Russ.)
- Akopova, D. R. (2013). Strategii i taktiki politicheskogo diskursa. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Strategies and tactics political discourse. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 6(1), 403–409. (In Russ.)
- Mikhaleva, O. L. (2009). Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya = Political discourse. Specifics of manipulative effect. Moscow: Librokom. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Диброва Елена Всеволодовна

преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Мавлеева Дарья Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dibrova Elena Vsevolodovna

Lecturer at the Department of Oriental Languages of the Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Mavleeva Darya Vladimirovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Oriental Languages of the Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	18.09.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'36+811.133.1

Отражение категории рода в первых научных работах XVI века: историко-лингвистический анализ ранних грамматических описаний

В. Н. Ладонкина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ladonkina-v@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование базируется на историко-лингвистическом анализе категории рода во французском языке XVI века, представленной в грамматических трактатах Дж. Пальсграва, Ж. Дюбуа и Л. Мегре. Целью работы является выявление ключевых тенденций развития категории рода и причин вариативности родового употребления (*genus dubium*). Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ теоретических положений и эмпирических данных, представленных в трудах указанных авторов. Результаты исследования демонстрируют влияние латинского языка, фонетических изменений и семантических факторов на формирование системы рода, а также отсутствие строгой кодификации как причину вариативности. Подчеркивается вклад анализа ранних грамматических описаний в понимание процессов нормализации французского языка и механизмов языковых изменений.

Ключевые слова: категория рода, эволюция, языковые изменения, сомнительный род, французский язык

Для цитирования: Ладонкина В. Н. Отражение категории рода в первых научных работах XVI века: историко-лингвистический анализ ранних грамматических описаний // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 32 – 39.

Original article

Reflection of the Gender Category in the First Scientific Works of the XVI Century: Historical and Linguistic Analysis of Early Grammatical Descriptions

Victoria N. Ladonkina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ladonkina-v@mail.ru

Abstract. The present study is based on the historical and linguistic analysis of the gender category in the French language of the XVI century, presented in the grammatical treatises by J. Palsgrave, J. Dubois and L. Maigret. The purpose of the work is to identify key trends in the development of the genus category and the causes of variation in generic usage (*genus dubium*). The methodology includes a comparative analysis of the theoretical provisions and empirical data presented in the works of these authors. The results of the study demonstrate the influence of the Latin language, phonetic changes and semantic factors on the formation of the gender system, as well as the lack of strict codification as the cause of variability. The contribution of the analysis of early grammatical descriptions to the understanding of the processes of normalization of the French language and the mechanisms of linguistic change is emphasized.

Keywords: gender category, evolution, linguistic changes, doubtful gender, French

For citation: Ladonkina, V.N. (2025). Reflection of the gender category in the first scientific works of the XVI century: historical and linguistic analysis of early grammatical descriptions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 32 – 39. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Категория рода представляет собой одну из основополагающих морфологических характеристик, оказывающих влияние на структурные и семантические уровни языка, охватывая как лексику, так и синтаксис. Во французском языке, унаследовавшем латинскую систему рода, эта категория претерпела значительную эволюцию.

В основе данного исследования – анализ категории рода в грамматиках XVI века как важного этапа развития лингвистической мысли. В ходе работы мы концентрируемся на интерпретации рода в грамматических трактатах того исторического этапа, поскольку грамматические описания и их «эволюция нашла отражение в письменных памятниках эпохи» [Манухина, 2022, с. 36], а также рассматриваем причины различий в подходах и выявляет основные тенденции в понимании этой категории. Анализируются труды Дж. Пальсграва, Ж. Дюбуа и Л. Мегре, которые внесли значительный вклад в формирование представлений о грамматическом роде во французском языке.

Центральным объектом данного исследования является категория рода во французском языке, в то время как предметом исследования выступают ее историческая эволюция и особенности ее функционирования в ранних грамматиках XVI века.

Исследование направлено на анализ репрезентации категории рода в трудах указанных авторов. Особое внимание уделяется тому, как система рода трансформировалась во французском языке, отличаясь от латинской модели и в сравнении с ней, а также феномену «genus dubium», характеризующемуся вариативностью родовых форм одних и тех же лексических единиц.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью более глубокого понимания формирования грамматической системы французского языка. Данная тема вызывает устойчивый интерес у исследователей, занимающихся историей лингвистики, грамматической теорией и эволюцией романских языков. Например, авторы исследования «Predicting and Explaining French Grammatical Gender» S. Y. Sahai и D. Sharma проводят анализ детерминантов грамматического рода во французском языке, варьирующихся от семантических и орфографических факторов до фонологических особенностей и произвольных правил, с целью разработки интерпретируемых вычислительных моделей, обеспечивающих как высокую точность прогнозирования, так и эксплицитность механизмов, лежащих в основе этих предсказаний [Sahai, Sharma, 2021]. Проблематику грамматической категории рода также рассматривают исследователи

Страсбургского университета E. Doyen и A. Todirascu. В работе «Genre: A French Gender-Neutral Rewriting System Using Collective Nouns» они разрабатывают систему нейтрализации гендерной предвзятости во французском языке через замену гендерно-маркированных форм собирательными существительными, анализируя особенности категории рода в данном контексте [Doyen, Todirascu, 2025]. Л. А. Ульяницкая осуществила же комплексное исследование, прибегая к инструментарию социолингвистики и применяя методы сопоставительного анализа языковых массивов, нормативно-правовой документации и социокультурных контекстов, с целью выявления общих и специфических тенденций, а также детерминирующих факторов, препятствующих имплементации гендерно-нейтрального языкового употребления в дискурсивных практиках России и Франции [Ульяницкая, 2020].

Анализ ранних грамматических описаний позволяет не только проследить эволюцию категории рода, но и выявить факторы, влиявшие на вариативность языковой практики. Настоящее исследование представляет собой новаторский комплексный анализ грамматических трактатов XVI века, направленный на выявление семантических корреляций при вариативности категории рода и систематическое изучение влияния ранних грамматистов на последующую кодификацию данной категории во французском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести сравнительно-сопоставительный анализ подходов Дж. Пальсграва, Ж. Дюбуа и Л. Мегре к интерпретации вариативного родового употребления. Для решения данной задачи будет проведено сравнение теоретических положений относительно категории рода.
2. Определить и систематизировать случаи вариативного родового употребления лексических единиц (феномен «сомнительного рода») в грамматических трактатах вышеупомянутых авторов. Для решения данной задачи будет проведен сопоставительный анализ примеров вариативного родового употребления лексических единиц, с целью установления лингвистических факторов, обуславливающих вариативность в родовом отнесении.

Изучение эволюции данной категории требует обращения к различным источникам. Основу анализа составляют труды трех ключевых авторов, каждый из которых внес значительный вклад в осмысление категории рода и ее нормализацию. Работа Джона Пальсграва, «L'éclaircissement de la

langue française» (1530) представляет собой один из самых ранних и подробных грамматических описаний французского языка. В исследовании анализируются разделы, посвященные категории рода, в частности, примеры, касающиеся лексических единиц, демонстрирующих вариативность в родовом употреблении. Грамматика Жака Дюбуа «In linguam gallicam isagoge» (1531), написанная на латыни, оказала значительное влияние на формирование французской грамматической традиции. Труд Луи Мерге «Le Tretté de la grammere françoeeze» (1550) представляет собой первую грамматику французского языка, написанную полностью на французском, не на латыни, что было революционным шагом, так как подчеркивало независимость французского языка и необходимость его изучения на собственных принципах.

Практическая значимость исследования заключается в возможности интеграции систематизированных данных о вариативности родового употребления в специализированные базы данных по диахронической лингвистике. Данная интеграция позволит создать расширенный ресурс для проведения масштабных и комплексных исследований эволюции грамматического рода и других аспектов языковой системы французского языка, способствуя развитию фундаментальных знаний в области исторической лингвистики и романистики.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТОВ О КАТЕГОРИИ РОДА

Грамматическая категория, являясь фундаментальным понятием лингвистики, представляет собой сложное явление, где неразрывно связаны два ключевых аспекта: содержание и выражение.

Согласно мнению выдающегося лингвиста М. Докулина, грамматическая категория – это «диалектическое единство формы и значения», т. е. своеобразный знак, соединяющий означаемое и означающее, относящийся одновременно к плану содержания и плану выражения [Докулин, 1967, с. 5]. По его мнению, отсутствие хотя бы одного из этих аспектов ведет к нарушению внутренней целостности категории и, как следствие, указывает на взаимозависимость данных элементов в рамках языковой системы.

Часто определить род существительного возможно только в контексте предложения, в связи со служебными словами (*un livre* – книга, *une livre* – фунт). В ряде случаев родовые различия проявляются через звуковые изменения, как, например, в парах *mal* (мужской род) и *môle* (женский род). Несмотря на стирание морфологических показателей, род во французском языке всё же остается

значимой морфологической категорией, реализующейся на фонетическом уровне.

Так, выдающийся языковед А. А. Потебня считал род универсальной категорией, общей для человеческого мышления и отражающей мировосприятие и структуру познания [Потебня, 1899].

Ряд исследователей пытались установить прямую связь между распределением существительных по родам и биологическим полом. Так, А. М. Пешковский, рассматривая родовые категории как отражение реальных половых различий, отмечал при этом их более абстрактный характер по сравнению с другими грамматическими категориями [Пешковский, 1928].

Исторически взгляды на категорию рода в лингвистике разнообразны и нередко расходятся, иногда даже кардинально. Французские грамматисты Ж. Дамуретт и Э. Пишон, признавая глубокую связь категории рода с представлениями о биологическом поле, не сводят ее к простому отображению половых различий. Они отвергают использование термина *genre (rod)*, считая его излишне связанным с философскими и биологическими концепциями, и предлагают термин *sexuiseemblance* (уподобление по полу), чтобы подчеркнуть метафорическую природу родоклассификации.

С их точки зрения, род выполняет функцию олицетворения и символического наделяния предметов определенными качествами, которые не всегда соотносятся с реальными биологическими характеристиками. Такой подход предполагает более сложное и многозначное понимание категории рода, отделяя ее от простого соответствия биологическому полу и связывая ее с культурными и мифологическими представлениями [Damourette, Pichon, 1911–1927].

К. Мок в своей монографии, посвященной категории рода и числа во французском языке, придерживается еще более радикальной позиции, утверждая, что категория рода чужда существительным как таковым. Он полагает, что различия, наблюдаемые в этом классе слов, отражают не половые различия, а служат для выражения более тонких семантических различий, и, следовательно, род представляет собой формальную категорию, которая используется для структурирования языка [Moc, 1968].

Таким образом, рассмотрение категории рода затрагивает целый ряд фундаментальных вопросов лингвистики, связанных как с типологией языков, так и с их внутренней структурой. Категория рода оказывается тесно связанной с различными уровнями языковой системы и влияет на отношения между лексическим и грамматическим значением, демонстрируя сложность и глубину ее взаимодействия с культурой и человеческим мышлением.

ПОДХОДЫ ГРАММАТИСТОВ XVI ВЕКА К ОПИСАНИЮ КАТЕГОРИИ РОДА

Исследования противоречий в определении категории рода связаны с двумя ключевыми факторами. С одной стороны, изменения в структуре именных частей речи, включая утрату среднего рода, характерного для латыни, во французских именах. С другой стороны, эти изменения обусловлены сложностями, возникающими при попытках применить традиционные грамматические модели к описанию французской грамматики.

В классической грамматике существовало две основных модели, объясняющие категорию рода: одна из них была предложена Донатом (около IV века н. э.), а другая – Присцианом. Эти грамматики по-разному определяли категорию рода и ее иерархическое положение, а также выделяли разное количество родов, существующих в латинском языке.

Голландский лингвист Л. Куkenхайм отмечал, что латинская модель классификации родов была широко известна и востребована в эпоху Возрождения. Она активно использовалась в обучении латинскому языку, ее включили в свои работы авторы латинских грамматик И. Депотер и А. Коши [Куkenхайм, 1951].

Работы грамматистов XVI века Дж. Пальсграва, Ж. Дюбуа и Л. Мегре внесли существенный вклад в систематизацию, описание и понимание этой сложной категории, заложив основы для дальнейших грамматических исследований.

Джон Пальсграв (Jean Palsgrave), автор *L'éclaircissement de la langue française* (1530), был одним из первых грамматиков, кто предложил детальное описание категории рода во французском языке, написанное на английском языке и предназначенное для англоязычных, изучающих французский. Его работа была создана в период, когда французская грамматика еще не обладала четко установленными нормами, а ее описание находилось под сильным влиянием латинской модели.

Автор, опираясь на эмпирические наблюдения, иллюстрировал особенности двухродовой системы французского языка, а также рассматривал случаи, когда слова изменяли род при переходе из одного языка в другой¹.

Пальсграв использовал классификацию, основанную не только на латинской традиции, но и на наблюдении за живым языком, что сделало его грамматику новаторской для своего времени. Он систематически распределяет существительные по мужскому или женскому роду, опираясь на сочетание семантических, морфологических и, в меньшей степени, этимологических критериев.

¹Palsgrave J. *L'éclaircissement de la langue française*. Paris: Imprimerie Nationale, 1530. P. 150.

Например, автор относит имена собственные мужчин и женщин, а также соответствующие титулы (*roy / royne – король / королева*) и термины родства (*pere / marryne – отец / мать*) к соответствующему полу. Определенные семантические категории также влияют на род: плодовые деревья (*potte – яблоня*) относятся к женскому роду, а неплодовые (*vigne – виноградная лоза*) – к мужскому. Абстрактные существительные также имеют свои закономерности: праздники и времена года, как правило, женского рода (*Noël – Рождество*), а месяцы – мужского рода (*novembre – ноябрь*)².

Пальсграв также отмечает случаи расхождения между родом во французском и латинском языках, демонстрируя, что французский язык развивается по собственным законам. Например, *l'arbre (дерево)* мужского рода во французском, хотя латинское *arbor* женского рода³.

Еще одним важным грамматистом XVI века был Жак Дюбуа (Sylvius). В своем труде *In linguam gallicam isagoge* (1531) предпринял одну из первых систематических попыток описания французской грамматики, опираясь на латинские грамматические модели.

Историко-лингвистический анализ демонстрирует, что концепция рода у Дюбуа отражает переход французской грамматики от классической латинской трихотомии к бинарной системе, адаптированной к фонетическим и морфологическим характеристикам французского языка. Подобно Пальсграву, он признавал существование только двух родов во французском языке – мужского и женского.

Критерии разграничения рода у Дюбуа включали два основных принципа:

- Фонетический критерий: род коррелирует с фонетической структурой слова, в частности, с конечным *-e*. Существительные, оканчивающиеся на *-e*, преимущественно относятся к женскому роду (*table, lune, chaise*), в то время как отсутствие данного окончания ассоциируется с мужским родом (*mur, vent*).
- Семантический критерий: отдельные лексико-семантические группы традиционно приписываются определенному роду. Например, названия деревьев, месяцев и дней недели относятся к мужскому роду (*le chêne, le janvier, le lundi*), а абстрактные понятия – к женскому (*la sagesse, la justice*)⁴.

Данный подход, основанный на эмпирических наблюдениях, отличается от более нормативного подхода Пальсграва и сближает его с современными

²Palsgrave J. *L'éclaircissement de la langue française*. Paris: Imprimerie Nationale, 1530. P. 150–153.

³Там же.

⁴Dubois J. *In linguam gallicam isagoge*. Paris, 1531. P. 100.

грамматическими традициями. Важно отметить, что род мог определяться не только формальными признаками, но и семантическим содержанием слова. Однако подобная семантическая мотивация рода не всегда была последовательной.

Луи Мегре, реформатор французской грамматики XVI века, в своем труде *Le Tretté de la grammere françoese* (1550) предложил новаторский подход к описанию и упрощению грамматической системы. Его работа, будучи первой грамматикой французского языка, написанной на самом французском языке, символизировала отказ от латинской грамматической традиции.

С точки зрения исторической лингвистики, концепция рода у Мегре представляет собой переход к прагматическому и логическому осмыслению функционирования языка. В отличие от простого описания существующей системы, Мегре стремился к ее реформированию, что проявилось во введении понятия «общего рода» для местоимений. Например, он считал, что безличные конструкции (*il pleut, il faut*) не должны восприниматься как чисто «мужские» формы, а могут рассматриваться как нейтральные¹.

Кроме того, идеи Мегре о рационализации грамматики нашли отражение в процессе кодификации французского языка в XVIII–XIX веках, а его предложения по орфографической реформе послужили основой для последующих изменений в правописании.

ФЕНОМЕН СОМНИТЕЛЬНОГО РОДА

Сомнительный род во французском языке (*genus dubium*), обозначающий исторически зафиксированные случаи вариативного употребления существительного как в мужском, так и в женском роде, представляет собой интересный феномен, отражающий динамику развития грамматической системы.

Феномен *genus dubium* находит свое отражение уже в классификации Присциана, видного грамматиста поздней античности. Выделение данной категории свидетельствует о глубоком понимании Присцианом сложности и неоднозначности грамматической системы.

Данная неопределенность могла возникать вследствие недостаточной репрезентации существительного в конкретном текстовом фрагменте, затрудняющей идентификацию рода на основе согласования с прилагательными и местоимениями. Помимо этого, диалектные различия и индивидуальные авторские предпочтения в использовании родовых форм могли приводить к вариативности, препятствующей установлению единой нормы.

¹Meigret L. *Le Tretté de la grammere françoese*. Paris: Presses Universitaires de France, 1550. P. 47.

Наконец, влияние иноязычных элементов, особенно при адаптации лексики из латинского или греческого языков, представляло собой дополнительный фактор, затруднявший интеграцию заимствований в родовую строй.

Настоящее исследование демонстрирует, что, несмотря на различия в подходах к описанию французской грамматики, феномен вариативности или «сомнительности» рода имплицитно присутствует в работах Дж. Пальсграва, Ж. Дюбуа и Л. Мегре. При этом следует отметить, что указанные авторы не проводят детализированный анализ конкретных лексических единиц, демонстрирующих данное явление, а скорее констатируют его наличие как эмпирически наблюдаемый факт в структуре языка.

В связи с этим представляется целесообразным провести более углубленное исследование, нацеленное на выявление причин вариативности рода у ряда лексем.

В одной из глав своего труда Пальсграв рассматривает лексические единицы, которые характеризуются нестабильностью родовой принадлежности или непоследовательностью употребления в различных авторских контекстах. Пальсграв отмечает, что данные существительные используются «uncertainly, somtyme of the masculyne gendre and somtyme of the femynine»², подчеркивая их вариативное отнесение к мужскому или женскому роду. Рассмотрим на конкретных примерах.

Таблица 1

РДОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «AFFAIRE»

Мужской	Женский
De te aduertir de tout le mien affaire... (<i>Jehan Le Mayre</i>)	A bien povruev a ma treschste affaire... (<i>Levesque d'Anguillesme</i>)
<i>Перевод</i> Предлагаю тебе рассказать обо всех моих делах...	<i>Перевод</i> Наилучшим образом позаботился о моем весьма печальном деле...

Пальсграв приводит данные примеры лексической единицы (*affaire*) в разных родах (см. табл. 1). Родовая адаптация заимствованных слов определялась различными принципами, в том числе под влиянием семантических или фонетических ассоциаций. Несмотря на то, что латинское слово *opus* (*дело, занятие*), от которого, предположительно, происходит *affaire*, является существительным среднего рода, данная связь не всегда детерминировала родовую принадлежность во французском языке.

²Palsgrave J. *L' éclaircissement de la langue française*. Paris: Imprimerie Nationale, 1530. P. 160.

Эта лексическая единица охватывает широкий спектр значений, от конкретного дела или предприятия до абстрактного вопроса или обстоятельства. В зависимости от семантического нюанса авторы могли интуитивно использовать мужской или женский род, ориентируясь на другие существительные с близким значением. А также, возможно, использование *affaire* в мужском роде было уже архаизмом или устаревшим вариантом даже во времена Пальсграва, но он зафиксировал его в качестве свидетельства языковой реальности.

Таблица 2

РОДОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «EVANGILLE»

Мужской	Женский
Se estoit le saint evangille... (<i>Le Romant de la Rose</i>)	Tant surmonte ceste evangille (<i>Le Romant de la Rose</i>)
<i>Перевод</i> Это было священное евангелие	<i>Перевод</i> Это евангелие настолько превосходит (другое / остальное)

Помимо примеров из разных текстов своей эпохи, Пальсграв приводит вариативное родовое отнесение существительного *evangille* (евангелие) в рамках одного авторского произведения – «*Le Romant de la Rose*» (см. табл. 2).

Несмотря на то, что оба примера касаются *evangille*, акцент в каждом из них может немного отличаться. В первом случае (*Se estoit le saint evangille...*) *evangille* подчеркивает конкретный текст или документ, священное писание. Во втором случае (*Tant surmonte ceste evangille*) акцент может быть на учении, содержащемся в евангелии, а не на физическом тексте. Предположительно, такой семантический сдвиг мог влиять на выбор рода.

Но стоит также отметить, что «*Le Romant de la Rose*» – поэтическое произведение. Поэтический язык часто допускает отклонения от строгих грамматических норм для достижения определенного художественного эффекта или ритма.

Таблица 3

РОДОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «NAVIRE»

Мужской	Женский
Et armerent avlcuns petiz navires... (<i>Jehan Le Mayre</i>)	...lavltre roy nomme Athunus se salua en ung petit navire, et sen fvioit en Espagne... (<i>Jehan Le Mayre</i>)
<i>Перевод</i> И вооружили несколько небольших кораблей...	<i>Перевод</i> ...другой король по имени Ату-нус спасся на небольшом корабле и бежал в Испанию...

Еще одним показательным примером выступает слово *navire* (корабль) в рамках одного текста авторства Жана Ле Мэра (см. таблицу 3 «Родовая вариативность существительного “navire”»).

Несмотря на то, что в каждом из примеров речь идет о *navire* (корабле), возможны нюансы значения или коннотации, которые влияли на выбор рода. В первом примере, где речь идет о вооружении нескольких кораблей, слово *navires* может восприниматься как некая совокупность или класс объектов, что могло способствовать выбору мужского рода. Во втором примере, где речь идет о конкретном корабле, на котором спасается король, выбор женского рода мог быть связан с тем, что корабль воспринимается как нечто, оказывающее помощь и защиту.

Ле Мэр, будучи писателем и историком, мог сознательно использовать различные родовые формы для *navire* в стилистических целях, избегая монотонности и создавая определенный ритм или акцент в тексте.

И один из последних примеров, который приводит Пальсграв – это существительное *val* (долина) в текстах Жана Ле Мэра и Алена Шартье (см. таблицу 4 «Родовая вариативность существительного “val”»).

Таблица 4

РОДОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «VAL»

Мужской	Женский
Si la Roynne est de ce val transitoire... (<i>Jehan Le Mayre</i>)	Après passa ung posterne Ov je trouuay ung triste val... (<i>Alayn Chartier</i>)
<i>Перевод: Если королева из этой переходящей долины...</i>	<i>Перевод: После миновал я потайную калитку / дверь, Где я обнаружил печальную долину...</i>

Хотя в каждом из примеров описывают *val* как долину, образ может иметь немного разные коннотации. В строке Ле Мэра *ce val transitoire* (эта переходящая долина) долина выступает как метафора земной жизни, переходящего мира. В строке Шартье *ung triste val* (печальная долина) долина – это конкретное место, вызывающее чувство грусти. Можно предположить, что эта разница в семантическом наполнении влияла на выбор рода, а также оба автора использовали *val* в поэтическом контексте.

Жак Дюбуа в своем труде тоже касается данного интересного феномена, который он обозначает как «*postremo quaedam velut dubii generis sunt*» (наконец, некоторые (слова) как бы сомнительного рода). Он приводит в пример следующие существительные: *tabulum, exemplum, euangelium, opus, apostema*¹.

¹Dubois J. In linguam gallicam isagoge. Paris, 1531. P. 94.

Все эти слова, как правило, классифицируются в латинском языке как существительные среднего рода (*neutrum*). Но в отличие от своего современника Дж. Пальсграва, Дюбуа не приводит конкретных примеров с данными словами, а лишь констатирует факт их существования, поэтому предположим причины вариативности в родовой классификации этих лексических единиц.

Ключевым детерминантом выступает семантическая составляющая. Значение, приписываемое заимствованному слову, могло оказывать значительное влияние на его грамматическую классификацию. Так, слово *tabulum*, обозначающее «доску» или «таблицу», могло адаптироваться как *table* (женский род), ассоциируясь с идеей плоской поверхности, или как *tableau* (мужской род), акцентируя репрезентативную функцию объекта, его способность показывать изображение или сцену. Аналогичным образом *exemplum* могло приобретать как мужской, так и женский род в зависимости от фокусировки на абстрактном понятии «примера» (*exemple*, мужской род) или на конкретном случае, иллюстрации, выполняющей роль примера (использование женского рода).

Луи Мегре в своем труде «Le Tretté de la grammere françoeeze» (1550) также затрагивает этот лингвистический феномен.

Мегре отмечает, что некоторые слова, несмотря на установившиеся грамматические правила, предполагают употребление в разных родах без указания причины. Примечательно, что в качестве единственного примера, иллюстрирующего данное явление, он приводит слово *amour* (любовь)¹ (см. табл. 5).

Таблица 5

Родовая вариативность
существительного «AMOUR»

Мужской	Женский
voutre grant amour...	...voutre grand' amour...
<i>Перевод</i> ваша большая любовь...	<i>Перевод</i> ваша большая любовь...

Существительное *amour* обладает широким спектром значений, охватывая как чувство любви, так и объект любви, проявление любви и т. д. Такая семантическая амбивалентность могла способствовать вариативности рода. Например, в контексте обозначения лица, являющегося объектом любви (возлюбленной), слово *amour* могло употребляться в женском роде по аналогии с

¹Meigret L. Le Tretté de la grammere françoeeze. Paris: Presses Universitaires de France, 1550. P. 47.

грамматическим родом этого лица. В поэтических текстах и литературных произведениях использование существительного *amour* в женском роде могло служить средством метафорического переноса, подчеркивая нежность, красоту или другие качества, традиционно ассоциирующиеся с женственностью.

Важными аспектами также являются фонетическая структура слова *amour* и его окружение в предложении при выборе рода. В старофранцузский период, когда фонетические правила были менее жесткими, использование *amour* в женском роде могло быть предпочтительным в определенных поэтических контекстах для создания более плавного или ритмичного звучания. Примером может служить облегчение элизии гласной: *grand' amour* легче произнести, чем *grant amour*.

Таким образом, эти примеры наглядно демонстрируют, что грамматические правила не всегда являются абсолютными и что на формирование языковых норм оказывает влияние множество различных факторов, а именно: семантические, фонетические, морфологические и стилистические.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное сравнительно-сопоставительное исследование грамматических трактатов XVI века Дж. Пальсграва, Ж. Дюбуа и Л. Мегре позволило выявить как общие закономерности в осмыслении категории рода, так и специфические аспекты их индивидуальных трактовок. Систематизация случаев вариативного родового употребления, обнаруженных в анализируемых трудах, позволила выявить лингвистические механизмы, лежащие в основе неустойчивости языковой нормы.

Результаты исследования демонстрируют, что формирование системы рода во французском языке проходило в условиях сложного взаимодействия различных факторов, включая влияние латинского языка, фонетические изменения, семантическое воздействие и отсутствие четко кодифицированных грамматических правил.

Анализ ранних грамматических описаний предоставляет ценную информацию для понимания процессов нормализации и стандартизации французского языка, а также для более глубокого изучения механизмов языковых изменений и вариативности. Полученные данные вносят вклад в диахроническую лингвистику, грамматикологию и теорию заимствований, открывая перспективу для дальнейших исследований в области эволюции грамматических категорий и взаимодействия языковых систем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манухина А. О. Vanitas в среднефранцузском романе «Chevalier errant» Томмазо Салуццо (эволюция «кодекса чести рыцаря» в XIV веке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 35–40.
2. Sahai S. Y., Sharma D. Predicting and explaining French grammatical gender // Proceedings of the Third Workshop on Computational Typology and Multilingual NLP. Association for Computational Linguistics, 2021. P. 90–96.
3. Doyen E., Todirascu A. Genre: A French Gender-Neutral Rewriting System Using Collective Nouns // Findings of the Association for Computational Linguistics. Vienna, 2025, P. 7889–7909.
4. Ульяницкая Л. А. Феминизация языка в социально-политическом пространстве России и Франции // Дискурс. 2020. Т. 6. № 3. С. 137–154.
5. Докулин М. К вопросу о морфологической категории // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 5–6.
6. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1899. Т. III.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Государственное издательство, 1928.
8. Damourette J., Pichon E. Essai de Grammaire de la Langue Française. P.: Collection des Linguistes Contemporains, 1911–1927. Tome Premier.
9. Мос Q. J. Contribution à l'étude des catégories morphologiques du genre et de nombre dans le français par l'actuel. P.: Mouton The Hague, 1968.
10. Kukenheim L. Histoire de la langue française. Leiden: Univ. Pers., 1951.

REFERENCES

1. Manuhina, A. O. (2022). Vanitas v srednefrantsuzskom romane "Chevalier errant" Tommazo Salutstso (evolyutsiya "kodeksa chesti rytsarya" v XIV veke) = Vanitas in the Middle French novel "Chevalier errant" by Tommaso Saluzzo (the evolution of the "knight's code of honor" in the 14th century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(807), 11–20. (In Russ.)
2. Sahai, S. Y., Sharma, D. (2021). Predicting and explaining French grammatical gender. In Proceedings of the Third Workshop on Computational Typology and Multilingual NLP (pp. 90–96). Association for Computational Linguistics.
3. Doyen, E., Todirascu, A. (2025). Genre: A French Gender-Neutral Rewriting System Using Collective Nouns. In Findings of the Association for Computational Linguistics (pp. 7889–7909). Vienna.
4. Ulianitskaia, L. A. (2020). Feminizatsiya yazyka v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossii i Frantsii = Language Feminisation in Sociopolitical Space of Russia and France. Discourse, 6(3), 137–154. (In Russ.)
5. Dokulin, M. (1967). K voprosu o morfologicheskoi kategorii = On the question of morphological category. In Voprosy yazykoznaniiya (pp. 5–6). Moscow. (In Russ.)
6. Potebnya, A. A. (1899). Iz zapisok po russkoi grammatike = From Notes on Russian Grammar (vol. 3). Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk USSR. (In Russ.)
7. Peshkovsky, A. M. (1956). Russkii Sintaksis v Nauchnom Osveshchenii = Russian Syntax in a Scientific Light. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo. (In Russ.)
8. Damourette, J., Pichon, E. (1911–1927). Essai de Grammaire de la Langue Française. Paris: Collection des Linguistes Contemporains. Tome Premier.
9. Мос, Q. J. (1968). Contribution à l'étude des catégories morphologiques du genre et de nombre dans le français par l'actuel. Paris: Mouton The Hague.
10. Kukenheim, L. (1951). Histoire de la langue française. Leiden: Univ. Pers.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ладонкина Виктория Николаевна

преподаватель кафедры французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ladonkina Victoria Nikolayevna

Lecturer at the Department of the French language
Faculty of translation and interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.08.2025	
принята к публикации	20.09.2025	

Научная статья
УДК 81

Осетинские глаголы с приставкой *фæ-* imperfectiva tantum в аспектуально-акциональной ретроспективе

А. А. Левитская

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия
54alina.levitskaya@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – выявить причины особого статуса глаголов указанной группы в структуре функционально-семантического поля аспектуальности в осетинском языке. Приведенные в статье факты свидетельствуют о возможностях восстановления важных страниц из истории формирования в современном осетинском языке вида как грамматической категории с использованием данных родственных и неродственных языков, а также данных архаичного дигорского диалекта осетинского языка. Сопоставление с историей развития вида в современном русском языке позволяет выявить черты типологического сходства между двумя языками. Аспектуально-акциональные особенности глаголов с *фæ-* imperfectiva tantum, будучи включенными в систему генетических, ареальных и типологических связей, становятся чрезвычайно информативными не только для понимания особенностей грамматического строя исследуемого языка, но и для приобщения к истории этого языка, к истории народа – его носителя.

Ключевые слова: осетинский язык, русский язык, вид как грамматическая категория, предельность, неопределенность, имперфективность, перцептивность, пространственная ориентация, превербы

Для цитирования: Левитская А. А. Осетинские глаголы с приставкой *фæ-* imperfectiva tantum в аспектуально-акциональной ретроспективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 40–47.

Scientific article

Ossetian Verbs with the Prefix *фæ-* Imperfectiva Tantum in Aspectual-Actional Retrospective

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia
54alina.levitskaya@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to identify the reasons for the special status of the verbs of this group in the structure of the functional-semantic field of aspectuality in the Ossetian language. The facts presented in the article indicate the possibilities of restoring important pages from the history of the formation of aspect as a grammatical category in the modern Ossetian language using data from related and unrelated languages, as well as data from the archaic Digor dialect. Comparison with the history of the development of aspect in modern Russian allows us to identify features of typological similarity between the two languages. Aspectual-actional features of verbs with *фæ-* imperfectiva tantum, being included in the system of genetic, areal and typological connections, become extremely informative not only for understanding the features of the grammatical structure of the language under study, but also for familiarizing oneself with the history of this language, with the history of the people – its speaker.

Keywords: Ossetian language, Russian language, aspect as a grammatical category, ultimacy, inultimacy, imperfectivity, perceptivity, spatial orientation, preverbs

For citation: Levitskaya, A. A. (2025). Ossetian verbs with the prefix *фæ-* imperfectiva tantum in aspectual-actional retrospective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 40–47. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуется небольшая часть осетинской лексики – приставочные глаголы с *фæ*- imperfectiva tantum – 112 лексем ≈13 % от общего числа глаголов с приставкой *фæ*- из Осетинско-русского словаря¹, самого объемного из изданных в последнее десятилетие словарей осетинского языка. Эта группа глаголов представляет научный интерес аспектуально-акциональной семантикой, отражающей определенный этап в развитии осетинского вида как грамматической категории. В ходе исследования решаются следующие задачи: изучить и описать содержание словарных статей о выше-названных глаголах (используются описательный метод и метод компонентного анализа); провести сравнительно-сопоставительный анализ аспектуально-акциональной семантики глаголов этой группы и глаголов, маркированных этой же приставкой, но с другой аспектуально-акциональной семантикой, а также глаголов, маркированных другими приставками (сравнительно-сопоставительный метод); проследить генетические связи преверба *фæ*- с превербами других индоевропейских языков в способности обозначать предельность (сравнительно-исторический метод), ареальные связи с неродственными соседствующими кавказскими языками, отразившиеся в семантике, не свойственной глагольным приставкам индоевропейских языков (методы ареальной лингвистики); выявить черты типологического сходства и различия при исследовании процессов формирования вида как грамматической категории в осетинском и в русском языках (историко-типологический метод). Кроме того, используются приемы и методы функциональной грамматики при изучении языковых фактов как элементов функционально-семантического поля (*далее* ФСП) аспектуальности современного осетинского языка. Подробный анализ аспектуально-акциональных значений исследуемых глаголов с позиции истории их генетических, ареальных и типологических связей проводится впервые, представляется актуальным, так как восполняет некоторые лакуны в характеристике ФСП аспектуальности в современном осетинском языке, в общей и сопоставительной (русско-осетинской) аспектологии. Практическая ценность несомненна, так как полученные результаты позволяют уточнить определенные разделы истории осетинского языка, а также могут применяться в образовательном процессе и учебно-методической деятельности при изучении темы «Глагол» в вузах Северной и Южной Осетии при подготовке

¹Осетинско-русский словарь: в 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН. 2019. Т. 4.

специалистов по направлению «Филология. Родной (осетинский) язык».

СЛОВАРНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГЛАГОЛАХ IMPERFECTIVA TANTUM С ПРИСТАВКОЙ *фæ*-

Производящими для глаголов с *фæ*- только несовершенного вида выступают глаголы и предельной, и неопредельной, и двойственной семантики предельности / неопредельности, например:

- *предельной* семантики: ивылын / разливаться (2, 668) → *фæ*ивылын / разливаться (234)² и др.; *неопредельной* семантики: зарын / петь (2, 582) → *фæ*зарын / петь, распевать (227) и др.;
- *двойственной* (предельной / неопредельной) семантики: мæрзын – *предельное значение*: подметать;
- *неопредельное значение*: мести (3, 273) → *фæ*мæрзын / мести; выметать, подметать (255) и др.

Присоединение приставки *фæ*- указывает на предельный характер действия, обозначаемого данным глаголом, но сами глаголы, как следует из содержания словарных статей, остаются в зоне несовершенного вида (*далее* НСВ), даже те, которые являются производными от предельных значений. Например:

- *фæ*бонырдаэм уын / рассветать (218) ← бонырдаэм к. / светать (2, 240);
- *фæ*ихсийын / иссякать, истощаться, изнашиваться, стираться (235) ← ихсийын / иссякать, истощаться, изнашиваться, стираться (2, 719);
- *фæ*лæдæрсын / стекать, просачиваться (241) ← лæдæрсын / стекать, просачиваться; выделяться; являться (3, 204) и др.

Показателен тот факт, что предельные глаголы, производящие для глаголов анализируемой группы, соединяясь с другими приставками, образуют видовую пару совершенного вида (*далее* СВ), тогда как их производные с *фæ*- соотносительной видовой пары не имеют, например:

- уæй к. / продавать (4, 137) [НСВ] – *фæ*уæй к. / продавать (304) [НСВ]; ср.: ауæй к. / продать (1, 215) [СВ];
- ивын / менять(ся), обменивать(ся), заменять (2, 668) – *фæ*ивын / изменять(ся), менять(ся)

²Здесь и далее для словарных примеров с приставкой *фæ*- указывается только номер страницы, так как вся информация об этих глаголах сосредоточена в 4-м томе указанного выше словаря (*Осетинско-русский словарь, 2019, с. 216–667*). Для глаголов с другими приставками указываются номер тома и страница.

(234) [НСВ]; ср.: **баивын** / выменять, променять, разменять (2, 48) [СВ];

- **мæлын** / умирать (3, 264) – **фæмалын** / умирать (255) [НСВ]; ср.: **æрбамæлын** / умереть (внезапно) (1, 546) [СВ];
- **фæдзæхсын** / поручать и др. (4, 227) – **фæфæдзæхсын** / поручать и др. (307) [НСВ]; ср.: **ныф-фæдзæхсын** / поручить (3, 397) [СВ] и др.

Следующие примеры глаголов с двойственной семантикой предельности / неопределенности (*далее* П/НП) демонстрируют актуализацию предельности, обусловленную присутствием объектно-предметных ограничителей:

- **калын** / лить; валить; рубить (3, 15) ← **фæкалын** (дон; туг; **цæстысыг**) / проливать (воду; кровь; слезы); **фæкалын** (**бæлас**, **хъæд**) / сваливать (дерево), вырубать (лес); **фæкалын** (**бырраеттæ**) / выбрасывать (мусор); **фæкалын** (**хоры нæмыг**) / просыпать (зерно);
- **рувын** / полоть (3, 553) ← **фæрувын** (**хæмпæлтæ**) / пропалывать (279) и др.

Актуализацию предельного значения обеспечивают количественно-временные ограничители, например:

- **ныхас к.** / беседовать, разговаривать (3, 399) → **фæныхас к.** / долго беседовать (268);
- **фынæй к.** / спать (385) → **фæфынæй к.** / долго спать (309) и др.;
- а также показатели интенсивности действия, например: **домын** / требовать (2, 441) → **фæдомын** / постоянно требовать чего-л. (224);
- **хъыг к.** / скорбеть, печалиться, горевать, скучать, тяготиться (4, 636) → **фæхъыг уын** / тяжело переживать (617) (имплицитная сема 'долго переживать' – А. Л.) и др.

Возможно сочетание количественно-временных ограничителей с показателями интенсивности, например:

- **фæтох к.** / бороться долго и упорно (301) ← **тох к.** / бороться, воевать, сражаться (4, 63);
- **фæфыссын** / писать много и долго (309) ← **фыссын** / писать (4, 398);
- **фæцагурын** / долго искать, выискивать (т. е. 'искать тщательно' – А. Л.) (318) ← **агурын** / искать (1, 28) и др.

Случаи актуализации предельных значений в глаголах, неопределенных в абсолютном употреблении, благодаря присутствию определенных

ограничителей широко представлены и в современном русском языке. В подобного рода примерах предельность отличается иным характером. Признаки количественно-временного предела, крайней границы продолжительности и интенсивности действия «не маркируют обязательного преобразования действия исходного глагола, указывая лишь на наличие отмеченных границ» [Шелякин, 2017, с. 69].

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ГЛАГОЛОВ С ФАЕ-IMPERFECTIVA TANTUM С ГЛАГОЛАМИ РЕЗУЛЬТАТИВНО-КРАТНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Историко-типологический интерес представляет, на наш взгляд, разновидность глаголов типа:

- **барын** / извинять, прощать (1, 312) – **фæбарын** / много раз прощать, извинять (317) (*букв.* 'простить, прощать; извинить, извинять неоднократно');
- **давын** / красть, воровать (2, 386) → **фæдавын** / красть, похищать, воровать (220) (*букв.* 'украсть неоднократно, красть в течение какого-то времени');
- **дæттын** / давать (2, 423) – **фæдæттын** / давать (множественно) (222) и др.

Круг осетинских глаголов подобной семантики узок, что позволяет считать их «реликтовыми», как и глаголы похожей семантики в русском языке типа «давывать» и др., на близость которых к глаголам «результативно-кратного» способа действия в праславянском языке указывал Ю. С. Маслов [Маслов, 2004, с.468]. Показательно, что в осетинском языке, как и в праславянском, приставка не устраняет многократно-неопределенного значения основы. И при этом в обоих языках глаголы этого круга остаются в группе предельных [там же].

В группе глаголов с *фæ-* только несовершенного вида есть еще одна разновидность, которую не следует смешивать с вышеприведенными глаголами. Речь идет о лексемах, производных от глаголов со значением разных типов семантической неопределенности, а именно, от глаголов разных многоактных способов действия, например:

- **фæтæлфын** / шевелиться, постоянно вздрагивать, вертеться, суетиться, крутиться и т. п. (298) ← **тæлфын** / вертеться, двигаться, крутиться, суетиться (4, 30);
- **фæбатаæ к.** / целовать(ся) (какое-то время) (217) ← **батаæ к.** / целовать(ся) (2, 67);
- **фæниуын** / выть, завывать (какое-то время) (267) ← **ниуын** / выть, завывать (*о ветре, о волнах*) (3, 367) и др.

В смысловом потенциале глаголов с *фæ*- этой группы есть указание на временное ограничение в протекании действия, поэтому они могут быть включены в разряд неопределенных в абсолютном употреблении глаголов с возможными предельными значениями, детерминированными временными ограничителями:

- *фæдуцын* / доить продолжительное время (224) ← *дуцын* / доить (2, 461);
- *фæрайын* / долго лаять (273) ← *райын* / лаять (3, 528);
- *фæрацу-бацу к.* / рассказывать, прохаживаться (в течение какого-то времени. – А. Л.) (271) ← *рацу-бацу к.* / ходить туда-сюда, прохаживаться (3, 519);
- *фæризын* / долго дрожать (болеть малярией продолжительное время) (267) ← *ризын* / дрожать, трястись, находиться в лихорадке (3, 542) и др.

ПАРАЛЛЕЛИ С ДАННЫМИ О СИТУАЦИЯХ В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ, А ТАКЖЕ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ И В ДРУГИХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Анализ аспектуально-акциональных особенностей глаголов с приставкой *фæ*- только НСВ позволяет заметить сходство с ситуацией в истории русского вида, а именно: «В древнерусских и старославянских памятниках древнейшей эпохи еще не было того противопоставления СВ и НСВ, какое наблюдается теперь, – присоединение приставки ... не переводило глагол в совершенный вид» [Кузнецов, 1951, с. 452]. Исследуемая группа стоит особняком не только среди осетинских глаголов с другими приставками, но также отличается своей аспектуально-акциональной семантикой и от других глаголов с приставкой *фæ*-, а именно, от глаголов: 1) имеющих видовые пары; 2) только совершенного вида; 3) совмещающих в одной лексеме значения двух видов.

Вполне логичным представляется сравнение роли приставки *фæ*- в анализируемой группе осетинских глаголов с функционированием приставки *ga*- в готском языке. «К основам, выступавшим... в предельном и неопределенном значениях... для недвусмысленного выражения предельного значения всё чаще прибавляется приставка *ga*- (или другие приставки)...» [Маслов, 2004, с. 261, 265]. По мнению Ю. С. Маслова, так обстояло дело не только в готском, но «и в других древних германских языках, а также, по-видимому, в латыни и в древнегреческом» [Маслов, 1984,

с. 17]. Приведенное замечание профессора Ю. С. Маслова о маркировке предельности с помощью приставок в древних индоевропейских языках в полной мере распространяется и на древнеиранские языки. Так, например, в языке Авесты наблюдается «довольно богатая система предлогов-превербов, уточнявших протекание действия в пространственном, временном отношении, а также указывавших на предельность действия... Прибавлением различных превербов, главным образом локальной семантики, ... образуется большая группа глаголов, имеющих значение предельности, от глаголов с различной семантикой...» [Эдельман, 1975, с. 347]. На функцию обозначения предельности с помощью приставок в древнеперсидском языке указывают Е. Е. Арманд [Арманд, 2000] и др. авторы. Подтверждением того, что в древнеосетинском языке в период «от второй половине II тысячелетия до н. э., а точнее до гуннского нашествия, т. е. до IV века н. э.» [Абаев, 1965, с. 53] превербы были способны маркировать предельность, считаем гипотезу В. И. Абаева об их «перфективирующей функции» (т. е. фактически о маркировке предельности) в этот период¹ [там же].

ФАКТЫ ИЗ ДИГОРСКОГО (БОЛЕЕ АРХАИЧНОГО, ЧЕМ ИРОНСКИЙ) ВАРИАНТА СОВРЕМЕННОГО ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Убедительным аргументом в пользу того, что «предок» осетинского языка «вынес» из общей индоевропейской общности способность с помощью превербов указывать на предельный характер действия, являются данные более архаичного дигорского варианта осетинского языка, который выполняет в силу определенных исторически сложившихся обстоятельств [Абаев, 1949, с. 357, 493; Исаев, 1966; Кузнецов, 1971, с. 41–45] «миссию», свойственную памятникам письменности для других языков. В общей логике нашего исследования чрезвычайно ценными являются следующие факты дигорского варианта, а именно:

- в современном осетинском языке (в его основе – иронский диалект!) функционирует большое число опрошенных глагольных образований с переразложением основы [Абаев, 1965, с. 63–64]. Приставки в них

¹Проф. В. И. Абаев оказался в числе многих выдающихся лингвистов-индоевропейцев, которые за «внешним сходством между префиксальными глаголами славянских языков и префиксальными глаголами других индоевропейских языков не видели существенного содержательного различия между славянской перфективностью и предельностью глагольного действия... На этой почве сложилась теория о «перфективирующей» силе глагольных приставок во всех или почти во всех индоевропейских языках» [Маслов, 2004, с. 345].

слились с основой. С позиции современного осетинского словообразования они осознаются как мертвые, непродуктивные. Это следующие приставки: *æв-* / *æф-*; *æм-* / *æн-*; *и-*; *ив-*; *у-*; *фæл-*; *фæр-*; *рæ-* / *ло-*. Им противостоят живые, продуктивные: *а-*; *æр-*; *æрба-*; *ба-*; *ны-*; *ра-*; *с-*; *фæ-*. Глаголы, подвергшиеся переразложению, являются глаголами предельной семантики, что подтверждает функцию древних приставок как маркеров предельности, например: *æвзарын* / *выбирать*; *ивгъуийын* / *проходить мимо, миновать*; *лæмарын* / *выжимать*; *фæрсудзын* / *процеживать* и др.;

- в иронских глагольных формах, параллельных опрошенным дигорским, «мертвые» превербы отсутствуют, но при соединении с живыми приставками они восстанавливаются, что позволяет вышеупомянутую утрату «мертвых» превербов оценивать как недавнюю, например:

Русский	Дигорский	Иронский	Иронский (при соединении с живыми приставками)
исчезать	исæфун	сæфын	æрба-й-сæфын / исчезнуть (внезапно)
смызывать	исæрдун	сæрдын	ба-й-сæрдын / смазывать
развязывать	ихалун	халын	ра-й-халын / развязать

Примеры, подобные вышеприведенным, отражают, на наш взгляд, тот этап истории развития вида в современном осетинском языке, когда обозначение предельности с помощью приставок перекрывается оппозицией СВ / НСВ, вследствие чего отпадает нужда в специальном обозначении предельного характера действия с помощью приставок, поскольку значение предельности входит в семантический потенциал перфективности. Аналогичные процессы наблюдались, по данным письменных источников, и в русском языке, «где оппозиция предельности / неопределенности сохраняется в «снятом виде», будучи перекрыта развитием совершенности и несовершенности...» [Маслов, 2004, с. 456]. Находящуюся в фокусе нашего внимания группу осетинских глаголов с приставкой *фæ-* *imperfectiva tantum* можно, как нам кажется, оценивать как «отголосок» того периода в истории осетинского языка, когда предельные глаголы еще не знали дифференциации по виду.

ЧЕРТЫ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОДСТВА В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ВИДА В ОСЕТИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как отмечалось нами выше, есть все основания считать, что способность маркировать предельность действия с помощью приставок современный осетинский язык унаследовал из общеиранского периода своей истории [Абаев, 1965, с. 53; Оранский, 1979, с. 83], т.е. обладал этой способностью к началу кавказского этапа своей биографии.

Этот этап тесных отношений и взаимодействия с «народами коренного кавказского этнического круга» на протяжении более, чем две тысячи лет, характеризуется мощным кавказским субстратом [Абаев, 1949, с. 76]. «Очевидно а priori, что такие продолжительные связи не могли не оставить "следы" в языке...» [там же]. В числе наиболее ярких «следов» отметим развитие в осетинских приставочных глаголах движения / перемещения (и в глаголах других лексических разрядов, семантика которых включает идею возможной направленности действия) пространственно-ориентационных значений. «Особенностью локативной семантики осетинских глагольных префиксов сравнительно с индоевропейскими является то, что они выражают не только направление передвижения абстрактно в пространстве, но и положение наблюдающего субъекта по отношению к движущемуся предмету. Аналогичное положение вещей в грузинском языке и ряде восточно-горских языков» [Абаев, 1949, с. 106–107].

Значение пространственной ориентации, отличающее каждую из осетинских глагольных приставок (кроме *фæ-*) [Абаев, 2011; Исаев, 1966], позволяет обозначить перцептивность (восприятие, наблюдаемость) действия *intra terminos* (между началом и концом), *in medias res* (в середине процесса). Признак перцептивности является, как неоднократно отмечали выдающиеся аспектологи XX века, важнейшим контекстуальным и ситуативным условием реализации функции процессности [Маслов, 2004; Бондарко, 1980]. Обозначение перцептивности предполагает определенное соотношение семы «место наблюдения» с семой «место протекания действия». Развитие в приставочных осетинских глаголах движения / перемещения способности обозначать перцептивность процессного характера действия, т.е. фактически выражать значение имперфективности, явилось началом формирования вида как грамматической категории в осетинском языке.

Выразителем значения конкретной процессуальности в осетинском языке стали приставочные глагольные образования с аффиксом *-цæй-*. В современном осетинском языке эти формы

обозначают более абстрактное значение недостижимости предела действия, которое составляет семантический потенциал осетинского НСВ [Цалиева (Левитская), 1983, с. 59–63, 86–96]. Данные архаичного дигорского варианта свидетельствуют о том, что в дигорской форме с *-цæй-* могут не указывать на процессуальность называемого ими действия, обозначают действие как достигшее предела [Абаев, 1949]. Эти факты интересны в качестве подтверждения относительно «молодого возраста» вида как грамматической категории в современном осетинском языке.

Как известно, первым этапом в истории развития русского вида явилось обозначение процессности (имперфективности) в кругу приставочных глаголов движения / перемещения, которые были отчетливо дифференцированы по категориям определенности / неопределенности и предельности / неопределенности, на стыке которых и началось формирование видовых значений¹.

«Предпосылкой возможного возникновения в префиксальных предельных глаголах значений совершенного вида является возникновение противопоставленных им образований с той же приставкой и с тем же значением предельности, но изображающих данное действие как протекающий и незавершенный процесс. Там, где нет таких образований, нет и условий для формирования совершенного вида: без имперфективации приставочных глаголов нет и перфективации простых глаголов посредством присоединения приставки» [Маслов, 1984, с. 17].

Сходные предпосылки: в осетинском языке – соединение значений пространственно-ориентационной категории и предельности в

¹Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М.: Наука, 1982. С. 163.

приставочных глаголах движения / перемещения, в русском языке – соединение значений категории определенности / неопределенности и предельности в приставочных глаголах движения / перемещения – *реализовались для обозначения перцептивности (наблюдаемости) процессного характера действия*, что стало первым шагом в развитии грамматической категории вида в обоих языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ретроспектива аспектуально-акциональной семантики глаголов с приставкой *фæ-* группы *imperfectiva tantum* позволяет увидеть *генетическое* сходство в способности осетинских глагольных приставок (как индоевропейских!) обозначать предельность действия; *ареальное* сходство – в развитии способности выражать значения пространственно-ориентационной категории под влиянием грамматического строя соседствующих неродственных кавказских языков и, наконец, *типологическое* сходство – в закономерностях реализации вышеобозначенных сходных предпосылок при формировании вида как грамматической категории в осетинском и в русском языках.

Анализ видовой «дефективности» малочисленной «реликтовой» группы глаголов открывает страницы из истории осетинского народа, из истории развития грамматического строя осетинского языка, истории взаимоотношений его диалектов, его связей с родственными и неродственными языками и вносит несомненный вклад в базу данных общей и сопоставительной аспектологии относительно формирования вида в осетинском (иранском) языке индоевропейской языковой семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Ленанд, 2017. С. 63–85.
2. Кузнецов П. С. Примечания // Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. С. 415–470.
3. Маслов Ю. С. Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 249–266.
4. Маслов Ю. С. Об основных понятиях аспектологии // Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984. С. 5–47.
5. Эдельман Д. И. Категория времени и вида иранских языков. М.: Наука, 1975. Т. II. Эволюция грамматических категорий. С. 337–410.
6. Арманд Е. Е. Соотношение превербов *ana-* и *vi-* в древнеперсидском языке // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: сборник статей по иранистике, языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 209–213.
7. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.

8. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–364.
9. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.
10. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1966.
11. Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.
12. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.
13. Оранский И. М. Вопросы историко-типологической классификации иранских языков // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 10–128.
14. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. 3-е изд. Владикавказ: Ир, 2011. С. 438–559.
15. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц /На примере анализа функций глагольного вида в русском языке // Функциональный анализ грамматических единиц. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. С. 5–28.
16. Цалиева (Левитская) А. А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

REFERENCES

1. Shelyakin, M. A. (2017). Modes of action in the field of limitativity. In Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis (pp. 63–85). Moscow: Lenand. (In Russ.)
2. Kuznetsov, P. S. (1951). Notes. In Meie, A., Common Slavic language. Moscow: Publishing house of foreign literature. (In Russ.)
3. Maslov, Yu. S. (2004). Category of liminal / inliminal verbal action in the Gothic language. In Aspectology. General linguistics (pp. 249–266): Selected works. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
4. Maslov, Yu. S. (1984). On the basic concepts of aspectology. In Essays on aspectology (pp. 5–47). Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.)
5. Edelman, D. I. (1975). The category of time and aspect of Iranian languages (vol. II. Evolution of grammatical categories, pp. 337–410). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Armand, E. E. (2000). The relationship of the preverbs *ana-* and *vi-* in the Old Persian language. Vasily Ivanovich Abaev is 100 years old (pp. 209–213): a collection of articles on Iranian studies, linguistics, and Eurasian cultures. Moscow. (In Russ.)
7. Abaev, V. I. (1965). Scythian-European isoglosses. At the junction of East and West. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Maslov, Yu. S. (2004). On the foundations of comparative aspectology. In Aspectology. General linguistics (pp. 305–364): Selected works. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
9. Abaev, V. I. (1949). Ossetian language and folklore (vol. 1). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
10. Isaev, M. I. (1966). Digor dialect of the Ossetian language. Phonetics. Morphology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Kuznetsov, V. A. (1971). Alania in the 10th–13th centuries. Ordzhonikidze: Ir. (In Russ.)
12. Maslov, Yu. S. (2004). The role of the so-called perfectivation and imperfectivation. In Aspectology. General linguistics (pp. 445–476): Selected works. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
13. Oransky, I. M. (1979). Issues of historical and typological classification of Iranian languages. Fundamentals of Iranian linguistics. Ancient Iranian languages (pp. 10–128). Moscow. (In Russ.)
14. Abaev, V. I. (2011). Grammatical essay on the Ossetian language. Ossetian-Russian dictionary (pp. 438–559). 3rd ed. Vladikavkaz: Ir. (In Russ.)
15. Bondarko, A. V. (1980). On the levels of description of grammatical units (Based on the analysis of the functions of the verb aspect in the Russian language). In Functional analysis of grammatical units (pp. 5–28). Leningrad: LGPI named after A. I. Herzen. (In Russ.)
16. Tsalieva (Levitskaya), A. A. (1983). Aspectuality in the Ossetian language, its genetic and areal connections: PhD thesis in Philology. Leningrad. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левитская Алина Афакоевна

кандидат филологических наук, доцент
руководитель отдела культурного наследия
Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Levitskaya Alina Afakoevna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of Cultural Heritage Department
Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Научная статья
УДК 81'42+81'373+81'33:811.111-26

Межуровневое взаимодействие в формировании дискурсивной когерентности: системный анализ функционирования дискурсивных маркеров в англоязычном научном дискурсе социальных наук

Н. В. Малкова

*Военный университет им. князя Александра Невского, Москва, Россия
malkova_n_v@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – проанализировать системную роль дискурсивных маркеров, функционирующих на основе межуровневого взаимодействия их свойств, в построении когерентности англоязычного научного дискурса социальных наук. Материалом послужил корпус англоязычных исследовательских статей по социологии, политологии и психологии (50 статей, 2019–2024 гг., ~415 000 слов). Методы исследования включают комбинированный подход: корпусный анализ для выявления частотности и дистрибуции дискурсивных маркеров и качественный дискурс-анализ для интерпретации их функций в контексте. Результаты показывают преобладание контрастивных (например, *however*) и каузальных (*therefore*) дискурсивных маркеров в структурировании аргументации.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, дискурсивная когерентность, межуровневое взаимодействие, системный подход, корпусный дискурс-анализ, англоязычный научный дискурс

Для цитирования: Малкова Н. В. Межуровневое взаимодействие в формировании дискурсивной когерентности: системный анализ функционирования дискурсивных маркеров в англоязычном научном дискурсе социальных наук // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 48–54.

Original article

Interlevel Interaction in Building Discourse Coherence: A Systemic Analysis of Discourse Marker Functioning in English Academic Discourse in the Social Sciences

Natalia V. Malkova

*Prince Alexander Nevsky Military University, Moscow, Russia
malkova_n_v@mail.ru*

Abstract. The purpose of the research is to analyze the systemic role of discourse markers, functioning through the interlevel interaction of their properties, in building coherence in English academic discourse within the social sciences. The material consists of a corpus of English research articles in sociology, political science, and psychology (50 articles, 2019–2024, ~415,000 words). The methods involve a mixed-methods approach: corpus analysis to identify discourse markers frequency and distribution, and qualitative discourse analysis to interpret their functions in context. The results show the prevalence of contrastive (e.g., *however*) and causal (*therefore*) discourse markers in structuring argumentation.

Keywords: discourse markers, discourse coherence, interlevel interaction, systemic approach, corpus-based discourse analysis, English academic discourse

For citation: Malkova, N. V. (2025). Interlevel Interaction in Building Discourse Coherence: A Systemic Analysis of Discourse Marker Functioning in English Academic Discourse in the Social Sciences. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(904), 48–54. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Дискурсивная когерентность как смысловая и функциональная связность текста является фундаментальным свойством успешной коммуникации, особенно в таких формализованных жанрах, как научная статья [Halliday, Hasan, 1976; Kehler, 2002]. Понимание того, как авторы конструируют когерентные тексты, требует анализа языковых средств, используемых для сигнализации отношений между идеями и управления вниманием читателя. Среди этих средств особую роль играют дискурсивные маркеры (ДМ) – элементы типа *however, therefore, in addition, for example, now, well*, которые функционируют на стыке семантики, прагматики и структуры дискурса [Schiffrin, 1987; Fraser, 1999].

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к механизмам построения связного научного дискурса и роли межуровневого взаимодействия языковых единиц в этом процессе (см. например [Hyland, 2022]). Новизна заключается в применении системного подхода к анализу ДМ не как изолированных элементов, а как интегральной части репертуара ресурсов автора для создания когерентности, с фокусом на взаимодействии их лексических, синтаксических и прагматических свойств в англоязычном научном дискурсе социальных наук. Практическая ценность работы состоит в возможности использования результатов при разработке учебных материалов для курсов академического письма (EAP / ESP), особенно для аспирантов и молодых ученых в области социальных наук, фокусирующихся на построении аргументации, а также в спецкурсах по прагматике и дискурс-анализу для лингвистов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

Выявить основные типы и конкретные реализации ДМ (лексические, синтаксические характеристики), используемых в современном англоязычном научном дискурсе в области социальных наук. Метод решения: корпусный анализ (идентификация, классификация).

Проанализировать частотность, дистрибуцию и основные прагматические функции выявленных ДМ в исследуемом корпусе. Метод решения: корпусный анализ (количественные данные, анализ дистрибуции), первичный функциональный анализ.

Показать на конкретных примерах, как взаимодействие лексического выбора, синтаксической позиции и контекста ДМ системно используется для сигнализации когерентных связей (например, контраста, причины-следствия, добавления, уточнения). Метод решения: качественный дискурс-анализ примеров из корпуса.

Обосновать системный характер функционирования ДМ как интегральной части механизма построения дискурсивной когерентности. Метод решения: теоретическое обобщение результатов анализа, интеграция данных.

Теоретической базой исследования послужили работы в области дискурсивной когерентности [Kehler, 2002; Sanders, Spooren, Noordman, 1992; Mann, Thompson, 1988], теории дискурсивных маркеров [Schiffrin, 1987; Fraser, 1999; Aijmer, 2002; Blakemore, 2002; Crible, 2018], метадискурса [Hyland, 2005; Hyland, 2022] и системно-функционального подхода к языку [Halliday, Matthiessen, 2014].

Материалом исследования послужил специализированный корпус англоязычных оригинальных исследовательских статей из области социальных наук (социология, политология, психология), опубликованных в 2019–2024 гг. Корпус сформирован из статей, опубликованных в ведущих международных рецензируемых журналах (Q1/Q2 по SJR), таких как *American Journal of Sociology, Political Theory, Psychological Review, Journal of Social and Personal Relationships, Discourse & Society* и др. (всего 15 журналов). Критерии отбора: объем статьи не менее 5 тыс. слов, эмпирический или теоретический характер исследования. Общий объем корпуса составил около 415 тыс. слов (50 статей). Выбор социальных наук обусловлен их ориентацией на развернутую аргументацию и интерпретацию, где эксплицитное маркирование связей играет важную роль.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дискурсивная когерентность и средства ее выражения

Когерентность – это воспринимаемое читателем смысловое единство текста [Kehler, 2002]. Она отличается от когезии (формальных связей) [Halliday, Hasan, 1976] и создается на глубинном уровне семантико-прагматических отношений между частями дискурса (причина-следствие, контраст, детализация и др.) [Sanders, Spooren, Noordman, 1992]. Эти отношения могут быть как имплицитными, так и эксплицитно маркированными языковыми средствами, включая ДМ [Mann, Thompson, 1988].

Функционально-прагматическая природа дискурсивных маркеров

ДМ – это прагматически нагруженные выражения, сигнализирующие об отношении текущего высказывания к предшествующему / последующему дискурсу, контексту или установкам автора [Fraser,

1999; Schiffrin, 1987]. Они относятся к разным частям речи (наречия, союзы, фразы), часто обладают синтаксической подвижностью и факультативностью [Aijmer, 2002]. Их основная функция – не дескриптивная, а процедурная: они предоставляют инструкции по интерпретации дискурсивных связей [Blakemore, 2002]. Исследования показывают, что ДМ играют ключевую роль в обработке и восприятии когерентности текста читателем [Crible, 2018]. Ключевым является их межуровневый характер: прагматическая функция реализуется через взаимодействие лексической формы, синтаксической позиции и семантики [Approaches to Discourse Particles, 2006]. Разные исследователи предлагают различные классификации ДМ [Discourse Markers: Descriptions and Theory, 1998]. В данной работе используется функциональная классификация.

Системный подход к межуровневому взаимодействию в языке

Подход, основанный на идеях системно-функциональной лингвистики [Halliday, Matthiessen, 2014] и функциональных теорий [Croft, 2001], рассматривает язык как систему ресурсов для создания значений. Выборы на структурных уровнях (например, выбор лексемы ДМ, его синтаксической позиции) не случайны, а системно мотивированы их функциями на надструктурных уровнях (прагматика, построение дискурса). Анализ ДМ с системной точки зрения означает рассмотрение всего их репертуара как взаимосвязанного набора опций, где выбор конкретного маркера и его характеристик является стратегическим решением автора, влияющим на когерентность и восприятие текста [Approaches to Discourse Particles, 2006].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Применялся комбинированный (mixed-methods) подход. На первом этапе на основе теоретических работ [Fraser, 1999; Schiffrin, 1987; Aijmer, 2002; Hyland, 2005; Biber et al., 1999] и пилотного анализа был составлен список из 75 потенциальных ДМ. С помощью программы AntConc (версия 4.2.4)¹ проведен автоматический поиск ДМ в корпусе (415 тыс. слов). Настройки поиска: регистр не учитывался, поиск по точному совпадению и / или с использованием символов подстановки для вариантов. Проанализированы конкордансы (KWIC) с контекстным окном пять слов слева и справа.

¹Anthony L. AntConc (Version 4.2.4) [Computer Software]. Tokyo: Waseda University, 2023. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения: 17.04.2025).

Результаты поиска верифицировались вручную для отсева не-маркерных употреблений (например, темпоральное *then* vs. маркерное *then*). Рассчитана нормализованная частотность (на 10 тыс. слов), проанализирована дистрибуция по разделам статей (IMRaD) и типичные синтаксические позиции (инициальная, медиальная, финальная). На втором этапе проведен качественный дискурс-анализ функционирования 15 наиболее частотных и / или функционально значимых ДМ в контексте на подвыборке из 15 статей (по 5 из каждой субдисциплины). Анализировалось взаимодействие лексического значения, синтаксической позиции и контекста в сигнализации когерентных связей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Количественные характеристики ДМ в корпусе

Корпусный анализ выявил высокую частотность использования ДМ в англоязычном научном дискурсе социальных наук. Совокупная нормализованная частотность 50 наиболее употребительных ДМ составила 158,7 экземпляров на 10 тыс. слов. Наиболее частотные ДМ и их классы представлены в таблице.

Как видно из таблицы, контрастивные (*however*) и каузальные (*thus, therefore*) маркеры играют ведущую роль, что подчеркивает аргументативный характер научного дискурса. Аддитивные маркеры (*also, in addition, furthermore*) также высокочастотны, они обеспечивают наращивание информации. Дистрибуция по разделам подтвердила концентрацию контрастивных ДМ во введении и обсуждении, каузальных – в обсуждении и заключении, аддитивных – в основной части и обсуждении. Инициальная позиция преобладает для большинства ДМ, сигнализирующих связь между предложениями.

Системное взаимодействие уровней в функционировании ДМ

Качественный анализ подтверждает, что эффективность ДМ обеспечивается межуровневым взаимодействием.

1. Лексический выбор и прагматика: выбор между семантически близкими ДМ (*however* vs *but* vs *while*) определяется прагматическими задачами и уровнем формальности. *However* (лексика: формальное наречие; синтаксис: инициальная позиция) используется для маркирования сильного формального контраста между предложениями или абзацами.

ЧАСТОТНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ 10 НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ ДМ В КОРПУСЕ

№	Маркер	Частотность (на 10 000 слов)	Основной класс	Основные функции в научном дискурсе	Типичная позиция
1	however	26,2	Контрастивный	Маркирование контраста, противопоставления	Инициальная
2	also	18,5	Аддитивный	Добавление информации, аргумента	Медиальная
3	thus	15,1	Каузальный	Обозначение вывода, следствия	Инициальная
4	therefore	13,9	Каузальный	Обозначение логического следствия	Инициальная
5	for example	11,3	Иллюстративный	Приведение примера, иллюстрации	Инициальная, Медиальная
6	in addition	9,8	Аддитивный	Добавление сопоставимого аргумента	Инициальная
7	furthermore	8,5	Аддитивный	Добавление усиливающего аргумента	Инициальная
8	indeed	7,4	Усилительный	Подтверждение, усиление утверждения	Инициальная, Медиальная
9	first(ly)	6,9	Структурирующий	Обозначение порядка изложения	Инициальная
10	while	6,1	Контрастивный	Маркирование контраста, уступки (в начале клаузы)	Инициальная (клаузы)

Previous models assumed a linear progression. *However*, our longitudinal data reveal a more complex, cyclical pattern [Walker, Minton, 2022, с. 822].

2. Синтаксическая позиция и фокус: позиция ДМ влияет на его скоуп и прагматическую силу. Инициальный *therefore* вводит основной вывод из предшествующего текста. Медиальный *therefore*, часто выделенный запятыми, может указывать на менее всеобъемлющий вывод или звучать не так категорично.

The participation rate was low. The survey method had limitations. *Therefore*, the generalizability of these findings is restricted [Guo, Wang, Li, 2023]. (инициальный)

The results, *therefore*, should be interpreted with caution [Smith, Johnson, Williams, 2021]. (медиальный)

3. Взаимодействие ДМ и контекста: маркер *indeed* может усиливать согласие или вводить неожиданное подтверждение в зависимости от контекста.

The task was complex. *Indeed*, several participants failed to complete it [Davis, Brown, 2022]. (усиление)

One might expect resistance to the policy. *Indeed*, the initial reactions were largely positive [Miller, 2020]. (неожиданное подтверждение)

4. Комбинации ДМ и структурирование: авторы часто используют цепочки ДМ для выстраивания сложной аргументации и навигации читателя по тексту.

First, the theoretical framework is outlined. [...] Furthermore, the methodology section details the data collection process. [...] However, it is important to acknowledge potential limitations. [...] Thus, the study provides preliminary insights rather than definitive conclusions [Adams, Roberts, 2023].

Анализ показывает, что авторы научных статей стратегически используют весь репертуар ДМ, где выбор лексемы, синтаксической позиции и их комбинации являются системно обусловленными решениями, направленными на достижение максимальной ясности, убедительности и когерентности изложения.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты подтверждают центральную роль ДМ в построении когерентности

научного дискурса [Kehler, 2002; Hyland, 2005] и подчеркивают важность межуровневого взаимодействия в их функционировании [Schiffrin, 1987]. Выявленный репертуар и частотность ДМ (см. табл.) в англоязычном научном дискурсе социальных наук в целом соответствуют данным других корпусных исследований [Biber et al., 1999; Crible, 2018], однако данное исследование акцентирует системный характер их использования.

Анализ показал, что выбор ДМ – это не просто выбор синонима, а стратегическое решение, затрагивающее прагматику и структуру дискурса. Например, предпочтение *however* перед *but* в формальной письменной речи для маркирования сильного контраста между крупными текстовыми блоками или использование *thus / therefore* в инициальной позиции для эксплицитного обозначения логического вывода являются проявлениями этой системности. Синтаксическая позиция, как было показано, модулирует скоуп и прагматическую силу маркера, позволяя автору тонко настраивать изложение.

Результаты поддерживают системно-функциональный взгляд на язык [Halliday, Matthiessen, 2014], демонстрируя, как выборы на лексико-грамматическом уровне (выбор ДМ, его позиция) мотивированы коммуникативными задачами на дискурсивном уровне (построение когерентной и убедительной аргументации). Это отличает данный подход от исследований, рассматривающих ДМ изолированно или фокусирующихся только на одном аспекте их функционирования.

Практические выводы для преподавания академического письма [Hyland, 2022] заключаются в необходимости обучать студентов не только значению отдельных ДМ, но и пониманию их системного взаимодействия: как выбирать наиболее подходящий маркер для конкретной риторической функции, как использовать синтаксическую позицию для управления фокусом и как комбинировать ДМ для построения сложных аргументативных структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование продемонстрировало, что дискурсивные маркеры играют ключевую системную роль в формировании когерентности англоязычного научного дискурса социальных наук. Эта роль реализуется через сложное взаимодействие их характеристик на лексическом, синтаксическом и

прагматическом уровнях. Авторы научных текстов стратегически используют систему ДМ как неотъемлемый ресурс для управления информационным потоком, эксплицитной сигнализации логико-семантических связей и эффективной навигации читателя по тексту.

В англоязычном научном дискурсе социальных наук активно используется широкий репертуар ДМ, среди которых доминируют контрастивные, каузальные и аддитивные маркеры (задача 1–2).

Частотность и дистрибуция ДМ по разделам статьи коррелируют с риторическими задачами этих разделов (задача 2).

Выбор конкретного ДМ, его синтаксическая позиция и взаимодействие с контекстом системно детерминированы прагматическими целями автора и напрямую влияют на интерпретацию когерентных связей и восприятие текста (задача 3). Наиболее важными для структурирования аргументации являются инициальные контрастивные (*however*) и каузальные (*thus, therefore*) маркеры.

ДМ функционируют не изолированно, а как интегральная часть системы языковых ресурсов, используемых для построения когерентности, что подтверждает релевантность системного подхода к их изучению (задача 4).

Теоретическая значимость работы заключается в углублении понимания механизмов функционирования ДМ через призму межуровневого взаимодействия и системного подхода, а также в уточнении специфики использования ДМ в научном дискурсе социальных наук. Практическая значимость состоит в предоставлении данных и выводов, которые могут быть использованы для совершенствования методик обучения академическому письму, направленных на развитие у авторов компетенций эффективного использования ДМ.

Ограничениями исследования являются фокус на письменном академическом дискурсе одной, хотя и широкой, предметной области и отсутствие анализа просодических характеристик ДМ (релевантного для устной речи).

Перспектива исследования включает сравнительный анализ использования ДМ в разных дисциплинарных областях (например, естественные vs. гуманитарные науки), кросс-лингвистические сопоставления, диахронический анализ изменений в использовании ДМ, а также экспериментальные исследования их восприятия читателями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.
2. Kehler A. Coherence, Reference, and the Theory of Grammar. Stanford: CSLI Publications, 2002.

3. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
4. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. № 7. P. 931–952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5.
5. Hyland K. Teaching and Researching Writing. 4th ed. London: Routledge, 2022. DOI: 10.4324/9781003194200.
6. Sanders T. J. M., Spooren W. P. M., Noordman L. G. M. Toward a Taxonomy of Coherence Relations // Discourse Processes. 1992. Vol. 15. № 1. P. 1–35. DOI: 10.1080/01638539209544800.
7. Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // Text. 1988. Vol. 8. № 3. P. 243–281. DOI: 10.1515/text.1.1988.8.3.243.
8. Aijmer K. English Discourse Particles: Evidence from a Corpus. Amsterdam: John Benjamins, 2002. DOI: 10.1075/scl.9.
9. Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.1017/CBO9780511486456.
10. Crible L. Discourse markers and discourse coherence: A corpus study // Journal of Pragmatics. 2018. Vol. 128. P. 81–94. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.02.009.
11. Approaches to Discourse Particles / Ed. by K. Fischer. Amsterdam: Elsevier, 2006.
12. Discourse Markers: Descriptions and Theory / Ed. by A. H. Jucker, Y. Ziv. Amsterdam: John Benjamins, 1998. DOI: 10.1075/pbns.57.
13. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London: Continuum, 2005.
14. Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. An Introduction to Functional Grammar. 4th ed. London: Routledge, 2014. DOI: 10.4324/9780203783771.
15. Croft W. Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective. – Oxford University Press, 2001. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198299554.001.0001.
16. Biber D. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. Harlow: Longman, 1999.
17. Walker R., Minton E. A. Responding to Societal Problems via Brand Activism: Does Congruency Matter? // Journal of Business Research. 2022. Vol. 149. P. 819–829. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.05.073.
18. Guo Y., Wang S., Li X. How collective psychological ownership fosters knowledge sharing // Journal of Knowledge Management. 2023. Vol. 27. № 1. P. 1–19. DOI: 10.1108/JKM-04-2021-0320.
19. Smith J., Johnson L., Williams D. The impact of remote work... // Journal of Applied Psychology. 2021. Vol. 106. № 5. P. 690–705. DOI: 10.1037/apl0000899.
20. Davis P., Brown K. Social media use and political polarization... // Political Communication. 2022. Vol. 39. № 3. P. 315–332. DOI: 10.1080/10584609.2021.1987133.
21. Miller S. Rethinking community policing effectiveness... // Criminology & Public Policy. 2020. Vol. 19. № 4. P. 1125–1148. DOI: 10.1111/1745-9133.12516.
22. Adams C., Roberts E. Climate change adaptation strategies... // Global Environmental Change. 2023. Vol. 78. P. 102615. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2022.102615.

REFERENCES

1. Halliday, M. A. K., Hasan, R. (1976). Cohesion in English. Longman.
2. Kehler, A. (2002). Coherence, reference, and the theory of grammar. CSLI Publications.
3. Schiffrin, D. (1987). Discourse markers. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511611841.
4. Fraser, B. (1999). What are discourse markers? Journal of Pragmatics, 31(7), 931–952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5.
5. Hyland, K. (2022). Teaching and researching writing. 4th ed. Routledge. DOI: 10.4324/9781003194200.
6. Sanders, T. J. M., Spooren, W. P. M., Noordman, L. G. M. (1992). Toward a taxonomy of coherence relations. Discourse Processes, 15(1), 1–35. DOI: 10.1080/01638539209544800.
7. Mann, W. C., Thompson, S. A. (1988). Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization. Text, 8(3), 243–281. DOI: 10.1515/text.1.1988.8.3.243.
8. Aijmer, K. (2002). English discourse particles: Evidence from a corpus. John Benjamins. DOI: 10.1075/scl.9.
9. Blakemore, D. (2002). Relevance and linguistic meaning: The semantics and pragmatics of discourse markers. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511486456.
10. Crible, L. (2018). Discourse markers and discourse coherence: A corpus study. Journal of Pragmatics, 128, 81–94. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.02.009.
11. Fischer, K. (Ed.). (2006). Approaches to discourse particles. Elsevier.

12. Jucker, A. H., & Ziv, Y. (Eds.). (1998). *Discourse markers: Descriptions and theory*. John Benjamins. DOI: 10.1075/pbns.57.
13. Hyland, K. (2005). *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*. Continuum.
14. Halliday, M. A. K., Matthiessen, C. M. I. M. (2014). *An introduction to functional grammar*. 4th ed. Routledge. DOI: 10.4324/9780203783771.
15. Croft W. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. – Oxford University Press, 2001. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198299554.001.0001.
16. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. (1999). *Longman grammar of spoken and written English*. Longman.
17. Walker, R., & Minton, E. A. (2022). Responding to societal problems via brand activism: Does congruency matter? *Journal of Business Research*, 149, 819–829. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.05.073.
18. Guo, Y., Wang, S., Li, X. (2023). How collective psychological ownership fosters knowledge sharing: The mediating role of organizational commitment and moderating role of workplace ostracism. *Journal of Knowledge Management*, 27(1), 1–19. DOI: 10.1108/JKM-04-2021-0320.
19. Smith, J., Johnson, L., Williams, D. (2021). The impact of remote work on employee well-being: A qualitative study. *Journal of Applied Psychology*, 106(5), 690–705. DOI: 10.1037/apl0000899.
20. Davis, P., Brown, K. (2022). Social media use and political polarization: An experimental approach. *Political Communication*, 39(3), 315–332. DOI: 10.1080/10584609.2021.1987133.
21. Miller, S. (2020). Rethinking community policing effectiveness in diverse neighborhoods. *Criminology & Public Policy*, 19(4), 1125–1148. DOI: 10.1111/1745-9133.12516.
22. Adams, C., Roberts, E. (2023). Climate change adaptation strategies in coastal cities: A comparative analysis. *Global Environmental Change*, 78, 102615. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2022.102615.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малкова Наталья Вячеславовна

кандидат педагогических наук, доцент

доцент кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malkova Natalia Vyacheslavovna

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Foreign Languages

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	18.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	29.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Жанровое моделирование институционального профсоюзного дискурса

И. В. Манаева

*Ставропольская краевая организация Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации, Ставрополь, Россия
belana189@mail.ru*

Аннотация. Целью работы выступает жанроцентрическое моделирование дискурсивных практик современного профсоюзного взаимодействия на основе целостного описания структуры признаков и иллокутивных пространств контркоммуникантов. На основе детального анализа исходных иллокуций в триаде «агент – клиент – третичный агент», специфики передачи ценностно акцентуированных точек профессионального сознания и современных тема-рематических цепочек профсоюзного дискурса определены шесть коммуникативно-прагматических критериев, которым должны соответствовать системообразующие жанры. В качестве жанров институционального дискурса профсоюзной работы выделяются следующие: публичная речь (информативного, протокольного и убеждающего типов); переговоры; презентация; лозунги и реклама; миссия организации и пресс-релиз.

Ключевые слова: жанровый репертуар, дискурс профсоюзной работы, интегрирующая идея, каналная спецификация, профессионально ориентированная и индивидуально ориентированная значимость, развернутое некооперативное взаимодействие

Для цитирования: Манаева И. В. Жанровое моделирование институционального профсоюзного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 55–63.

Original article

Genre Modeling of Institutional Trade Union Discourse

Irina V. Manaeva

*Stavropol regional organization of the Education and Science Workers' Union of Russian Federation, Stavropol, Russia
belana189@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is the genre-centric modeling of discursive practices in modern worker's union interaction on the basis of the integral description of the feature structure and illocutionary spaces of counter-communicants. Six communicative-pragmatic criteria necessary for system-forming genres to meet are determined based on the detailed analysis of the initial illocutions in the triad "agent - client - tertiary agent", the specifics of the transmission of value-accentuated points of professional consciousness, and current thema-rhematic chains of trade union discourse. The following genres of institutional discourse of trade union work are distinguished: public speech (informative, protocol and persuasive types); negotiations; presentation; slogans / slogans and advertising; mission of the organization and press release.

Keywords: genre repertoire, trade union work discourse, integrating idea, channel specification, professionally-oriented and individually-oriented significance, expanded non-cooperative interaction

For citation: Manaeva, I. V. (2025). Genre modeling of institutional trade union discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 55–63. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о специфике речеактового варьирования и жанровой спецификации различных типов и форм представления когнитивного, оперативного, эмотивного и других планов развернутого некооперативного взаимодействия, которым является большинство пограничных видов дискурса в аспекте трансляции целого комплекса контркоммуникативных значимостей [Bredikhin, Tsybulevskaya, 2020], при моделировании устойчивых паттернов интеракции стоит достаточно остро. Типизация знамиевых и информационных компонентов в имплементационном опредмечивании использует целый ряд приемов из различных методологий, но при этом наиболее универсальным комплексным пространством аналитических операций представляется концептуальный анализ, требующий выхода за рамки концептуально простых форм репрезентации (на основе жестких фреймов) [Boldyrev, 2017]. Усложнение концептуально-валёрных структур, основанное на мягких паттернах взаимодействия с интенсификацией трихотомического взаимодействия в рамках учета генерализованного иллюкутивного пространства, конвенционализируемого дистантным субъектом регуляции общения – «третьим агентом», требует создания гораздо более сложных моделей [Бредихин, Бредихина, Махова, 2021].

Моделирование жанрового своеобразия того или иного типа и вида дискурсивной практики складывается на основе интегрального описания критериальных признаков, структурирующих коммуникативные и реальные действия и обеспечивающих единство векторов порождения и интерпретации в топикально разнородных речевых произведениях и является сегодня популярным и эффективным методом решения задач в сфере гуманитарного знания [Горожанов, Гусейнова, Писарик, 2022; Горожанов, Красикова, 2024].

Анализ категоризирующих признаков необходимо включает в себя не только традиционные собственно лингвистические (регулярные лексико-грамматические, стилистические схемы, свойственные подъязыкам [Горбунова, Алдиева, 2020; Писарик, Горожанов, 2021]) и экстралингвистические (интертекстуальные характеристики, конституативность, тематическая развертка и т. п.) [Linke, 2016], но и относимые к исследованиям речеактовой специфики компоненты (иллокутивные цели, пресуппозиции, аксиологические корреляции ключевого топика и т. п.). Таким образом, интегративное описание «жанрового репертуара, <...> дифференцирующегося и растущего по мере развития и усложнения» [Бахтин, 1986, с. 238] сферы применения в рамках функциональных ограничений,

накладываемых интегрирующей идеей (сверхцелью коммуникации), выстраивается в процессе трансдисциплинарной конвергенции моделей и приемов анкетирования признаковой структуры по категориям [Herring, 2007], выделения персонологических форм вторичной переакцентуации жанровых характеристик [Wierzbicka, 1992], дискурсивно-прагматического анализа суб- и метадискурсивных поликодовых коллокаций [Heisler, Vincent, Bergeron, 2003], выявления «организующей идеи» как жанроцентрического концептуально-когнитивного ядра дискурсивной практики, осуществляемое в рамках концептологического анализа ««сильных» ценностно акцентуированных точек сознания» [Слышкин, 2005, с. 35].

Главной целью настоящего исследования является создание интегративной модели жанровой стратификации институционального дискурса профсоюзной работы, включающей не только определение фаз или этапов вербализации гармонизирующей идеи (сверхцели), но и делимитацию жанротипов и анализ макроструктурной организации.

На основе конвергенции различных методологий представляется возможным создать интегральную модель [Дементьев, 2024] жанровой спецификации социально-ритуализованного иллюкутивно-пертинентностного общения в профсоюзном дискурсе. Именно применение интегрального описания критериальных признаков к развернутому некооперативному взаимодействию, стремящемуся к консолидации усилий и формированию общего пространства релевантности, обеспечивающего в объективной реальности реализации дифференциальных доминант исходного целеполагания, а также избрание в качестве материала анализа и моделирования жанровой спецификации одного из наиболее сложных видов пограничного дискурса – дискурса профсоюзной работы, обладающего ретропийно-протопийной дуальностью, позволяет говорить о высокой научной новизне и значимости предпринятого исследования.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Жанровое моделирование профсоюзного дискурса включает целый перечень приемов, обеспечивающих решения ряда ключевых задач:

- 1) выявление и описание интегративной идеи, находящей экспликацию в последовательной трансляции гармонизирующих компонентов метаконцепта «Объединение»;
- 2) анализ факторов влияния и детерминации как наполнения, так и экспликации интегративного концепта;

- 3) определение и параметризация форм и каналов вербализации рассматриваемого вида дискурса;
- 4) делимитация когниовербальных единиц (вербализованных концептов и их понятийного и ценностного плана) моделируемого объекта;
- 5) определение константных векторов отношений когниовербальных единиц, выявление макроструктуры;
- 6) описание когнитивных процедур, моделирующих и структурирующих дискурсивное пространство;
- 7) собственно анализ вербалики как репрезентации и интенсификации планов некооперативного взаимодействия (знаниевого, эмотивного, оперативного).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Коммуникация, осуществляемая в рамках развернутой некооперативной модели, которую представляет собой профсоюзный дискурс как специфицируемый ключевым принципом интерактивной оптимальности, допускающим формальные модификации и «подстройку» иллокуций в динамике взаимодействия в условиях обязательности сохранения сверхцели, является наиболее репрезентативным полем формирования единого пространства релевантности для осуществления консолидации и отвечает всем признаковым характеристикам равновесия Нэша [Nash, 1951]. Равновесное состояние при объединении пространств целеполагания как ядра интегрирующей идеи дискурса профсоюзной работы обеспечивается стереотипностью инкодирования агентами и декодирования клиентами разноплановых когнитивных контекстов [Болдырев, 2009].

Стереотипность моделей инкодирования достигается поэтапным фазовым решением определенных задач – профессионально-ориентированной (задающей единый вектор импликации) и индивидуально-ориентированной (конструктивной пертинентной). Решение профессионально-ориентированной задачи предполагает следование ретропийно-протопийному вектору поиска соответствий в протодискурсивных текстовых реализациях, промисивной формой экспликации сверхцели. Для дискурса профсоюзной работы ретропийные элементы обеспечиваются обращением к традиционным советским лозунгам: «Профсоюз – это сила!», «Если не мы, то кто?!», «В единстве наша сила!» Протопийные компоненты репрезентированы в прогностических стратегиях экстраполяции результатов сверхцели «Единения»

на основе реализации общих профессиональных и частных утилитарных пертинентностей в мотивационном дискурсе, который выстраивает жестко структурированный конструкт в соответствии с «заранее заданными свойствами», обеспечивающими системные модификации [Жилин, 2010, с. 7] в процессе перехода от частных мотивационных значимостей к дискурсивным актуальным значимостям. Эта двунаправленная спецификация является одной из ключевых характеристик пограничной дискурсивной практики профсоюзной работы, в которой топикальным жанрообразующим фактором является последовательная экспликация интегративного концепта, формально репрезентируемая в дифференциальных макроструктурах, развертывающихся при смене векторов в точках бифуркации иллокутивных целей агента, клиента и moderирующей профсоюзной организации:

$$\Gamma = \langle I, \{S_i\}_{i \in I}, \{C_i\}_{i \in I} \rangle$$

В стандартном формульном описании рассматриваемого типа дискурсивной практики I будет маркироваться «тривиумом» «продуцент-реципиент-модератор», переменная S_i , при этом представляет совокупность конвенционализированных социальным институтом профсоюза (его профессиональной направленностью) стратегических и тактических коммуникативных ходов, получающих вербализацию, регламентированную интенционально-иллокутивными вариациями «третьего агента» i . Импринтизация и интимизация как форм взаимодействия, так и делимитированных общих областей (топиков), как и канальной спецификации их трансляции описывается равновесием принадлежности, а компонентный (признаковый) состав закрепленных жанрами формул внедрения в сознание реципиента сверхцелей (интегративных концептов) представляется переменной C_i . Конситуативная детерминация осуществляется при постоянном рекурсивном сравнении иллокуций, речеактовой специфики и волюнтаривными формами личностной ориентации высказываний с конвенциями moderирующей стороны социального института профсоюзного объединения $S = \prod_{i \in I} S_i$ [Бредихин, 2023].

В процессе формирования жанрово ориентированной концепции дискурса профсоюзной работы необходимо представить именно «жанровый репертуар», специфицирующий интегрирующий метаконцепт дихотомического (профессионально-личностного) Объединения, т. е. систему жанров как объективную репрезентацию интегрирующей идеи. Субъектами дискурсивной практики профсоюзной работы, как и в любой институциональной коммуникации, выступают не отдельные

люди, но персонализированные репрезентанты актуальных ролей агента и клиента. При этом статус «агента» является моделируемым профессионально ориентированным «слепком» доминирующего в коммуникативном пространстве адресанта, а «клиент» получает дополнительную ситуативную персонификацию, которая в условиях формализации, алгоритмизации привязывается к модельному образцу, вследствие вариативности определенного перечня жанровых формаций представляющему мягкий паттерн коммуникативного поведения. При этом актуальная роль самого социального института как «третичного агента» сводится к конвенционализации этих модельных образцов. Данные модельные образцы и формируют протопическое прогностическое пространство при закреплении моноинтерпретативной модели [Bredikhin, Serebryakov, 2019] трансляции коллективных ценностей и целей мотивационного профсоюзного дискурса.

Совокупность связки топиков закрепленного и нового представления ингерентной идеи образуют в разножанровых текстах дискурса профсоюзной работы традиционную актуальную тема-рематику цепочку. Текстовое тема-рематику пространство отражает в различных формальных экспликациях структуру действий достижения общей сверхцели, транслируя на макро- и микроуровне интегрирующую идею (общий мотив), который и будет служить главным тематическим определителем целого перечня дополнительных коммуникативных действий (субтопиков), иллюкативное пространство которых определяется уже ситуативно [Каджая и др., 2021].

Дискурс профсоюзной работы обладает определенным ресурсным потенциалом, элементы которого активизируются в зависимости от задач по интенсификации интегрирующей идеи в экстралингвистической реальности. Конечного перечня характеристик такого сложного образования как пограничный дискурс профсоюзной деятельности вряд ли можно составить, но в нашем исследовании в связи с жанроцентричностью, т. е. попытками категоризации признакового ряда системы, нас будут интересовать прежде всего системообразующие свойства, которые органично связаны с параметрами.

Одной из наиболее значимых характеристик дискурса профсоюзной работы можно считать его когниогенеративную природу, что обуславливается системными попытками трансляции новых социально- и индивидуально-релевантных знаний об организации профессионального сообщества, нормах и возможностях профессиональной деятельности и т. д.

Другим ключевым свойством рассматриваемой коммуникации можно считать динамику информационных и оперативных компонентов в условиях единой ингерентной идеи объединения. Так, каждый инфоповод, которых находит отражение в различных типах текстов профсоюзного дискурса, хотя и представляет новые грани экстраполяции идеи единства, несет оригинальную информацию. При этом постоянное пополнение и детализация информационного потока, особенно в целевом протопийном аспекте, неизбежно влечет снижение среднего числа энтропии сообщения по экспликации конкретной привязки интегрирующей идеи к описываемому событию. Снижение энтропии Шеннона гарантирует сохранение системности трансляции общей идеи или интегрирующего концепта [Gray, 2023].

Коллективная и индивидуальная аксиоцентрика также может считаться неотъемлемым свойством профсоюзного дискурса, объясняется это ориентацией на этические начала – свободу выбора, социальные нормы, равенство, реализацию потребностей как базовых, так и высших уровней.

Следует подчеркнуть, что все эти цепочки данных кодируются в тексте различными способами, но привязаны к информационно-знаниевой структуре системообразующих жанров дискурса профсоюзной деятельности. Основываясь на формальном и математическом понимании трансляции информации по различным каналам и специфицируя форму представления согласно носителю, продуцент всегда трансформирует информацию в структуру. А эта структура не представляет собой простую совокупность отдельных речевых актов или даже моделей конкретных высказываний, она осмысливается как некий сценарий в рамках когнитологии и является трихотомическим феноменом, функционирующим 1) как абстракция (модельная сущность), 2) как элемент коммуникации в конкретной деятельностной реализации, а также в качестве; 3) как единица речи в ее определенном вербальном наполнении модели. Несмотря на вариативность языковой реализации и детерминации жанров языковыми формами, их системообразующая компонента всегда коррелирует с коллективной значимостью профессионально-личностного характера.

Понимание профсоюзного дискурса как вербально-когнитивной деятельности предполагает организацию процедур и когнитивных усилий непосредственных коммуникантов по созданию консолидационного уровня в развернутом некооперативном взаимодействии. Моделирование именно дискурсивной реальности социального взаимодействия диктует необходимость обращения

к результирующему дискурсивные акты тексту как к области реализации коммуникативно-дискурсивного потенциала, т. е. базовой единицей моделирования становится уже не текст, а его модельный образец, который категоризирован на основе универсальных рекуррентных структур, т. е. жанр. Его функциональное и прагматилистическое единство определено конвенциями, нормами и отношениями, представленными в закрепленных инскриптивных актах социального института, следование которым является обязательным для осуществления эффективной коммуникации и в конечном счете достижения сверхцели.

Первостепенным для пограничного дискурса профсоюзной деятельности является способность системообразующих жанров структурировать коммуникативно-дискурсивное пространство и экстраполировать его функциональные ограничения на решение конкретных экстралингвистических задач. На основе этого можно заключить, что наиболее эффективными и востребованными жанрами для рассматриваемого некооперативного взаимодействия будут являться институционально-центрические, т. е. те, которые структурируют информационные потоки вокруг интегрирующей идеи и медиарной структуры (социального института, в нашем случае профсоюза). Именно свойство медиарной структуры (связки непосредственного и третичного агента) обеспечивать эффективность делиберативных по форме взаимодействий в достижении целей является наиболее значимым для клиента (адресата).

В этом контексте следует делимитировать четыре крупных сферы, охватываемые моделируемой системой жанров дискурса профсоюзной работы при осуществлении развернутого некооперативного взаимодействия. Они представляют собой фазы (этапы) осуществления коммуникации:

- 1) инициальная, призванная установить потенциальных реципиентов и определить наиболее эффективные формы и каналы трансляции интегрирующей идеи;
- 2) основная, формирующая позитивное представление об организации-медиаторе у адресатов;
- 3) завершающая, констатирующая принятие интегрирующей идеи реципиентами и мотивирующая их к совершению реальных действий (вступление в профсоюз, участие в мероприятии и т. п.);
- 4) заключительная, иницирующая трансляцию интегрирующей идеи в новых дискурсивных пространствах (расширение круга потенциальных реципиентов).

В реальном некооперативном взаимодействии профсоюзной деятельности следует выделить еще

одну экстралингвистическую фазу – реактивное действие, которая дает возможность оценить степень эффективности каждого из четырех этапов, дать количественную оценку дискурсивизации события (сколько реципиентов вступили в профсоюз, общий объем собранных взносов, количество членов организации, реально участвовавших в мероприятии и т. д.). Вербализация этой фазы осуществляется в основном в различных жанрах, реализующих отчетно-нормативную документацию социального института.

Выделение фаз профсоюзного дискурса не является простой формализацией динамически меняющихся иллокуций при вербализации интегрирующей идеи, а представляет базис для определения наиболее эффективных жанров, реализующих коммуникативно-дискурсивное применение принципа Парето. Определение степени коллективной и индивидуальной значимости на основе оценки затраченных когнитивных и коммуникативных ресурсов позволяет также создать четкий перечень жанров, совокупность которых создаст необходимую жанровую системность в некооперативном взаимодействии.

Наличие современных доступных каналов трансляции диктует те виды интеракции, которые будут наиболее эффективными и в то же время соответствующими жанровому своеобразию рассматриваемых дискурсивных практик: предварительные переговоры и беседы в организациях связанных единой профессиональной областью, презентационные мероприятия (имиджеформирующие, представляющие организацию-медиатора), создание медийной и изустной (сарафанный маркетинг) рекламной презентации, поддержка всех форм в виртуальной среде (сайты организаций, социальные сети и т. д.).

На основе определения универсальных характеристик потенциальных адресатов и учета трансляционных ограничений канальной спецификации производится моделирование жанровой системы дискурса профсоюзной работы, отвечающей шести коммуникативно-прагматическим критериям:

1. Вторичность или интенциональная структурированность жанра, т. е. минимализация или абсолютная нивелировка саккадических компонентов, которые могут расширить негативную область оценивания как интегрирующей идеи, так и организации-медиатора.
2. Возможность дуальной диалогической реализации – а) профессионально ориентированное пространство агентов и б) индивидуально ориентированное пространство клиентов.
3. Потенциальная реализуемость на различных каналах трансляции, задействование

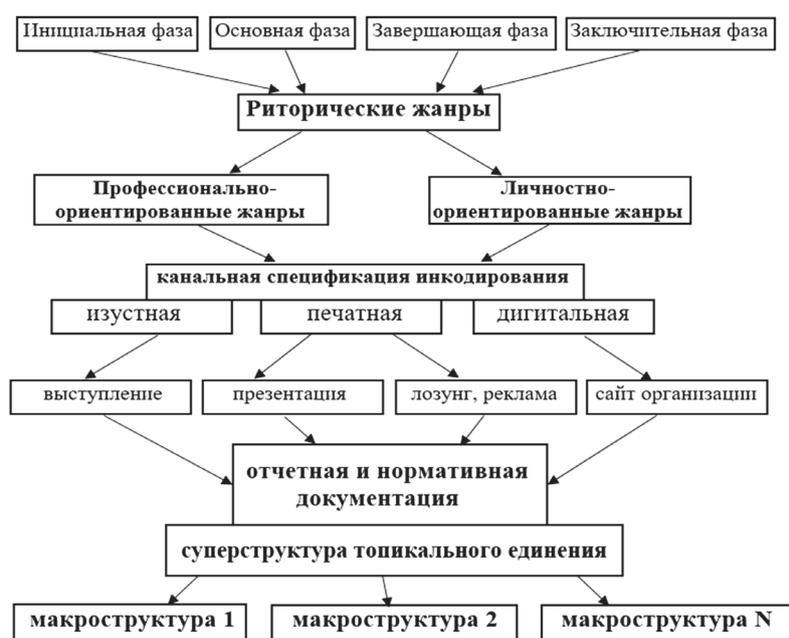

Схема 1. Модель жанровой спецификации дискурса профсоюзной работы

- максимального канального пространства (устный, печатный, цифровой регистры).
4. Соответствие системы целям делиберативного принятия решений, учет волонтерской и мотивационной сферы реципиентов.
 5. Обеспечение принципа минимизации когнитивных усилий, что достигается посредством избрания единой типовой текстовой репрезентации (информационный, отчетный, нормативный акт).
 6. Способность к унификации композиционной структуры вне зависимости от текстовой реализации.

Обращение к единому формату типизации текстовой структуры осуществляется стандартизация форм представления интегрирующей идеи, которая в рамках жанровых модификаций (представленного ряда жанровых экспликаций) трансформируется из коллективно-профессиональной в индивидуально и мотивационно ориентированную.

При трансляции интегрирующей идеи, реализующейся в вербализаторах метаконцепта «Объединение», выстраиваемое на основе дуального взаимодействия значимостей агентов и клиентов, модерлируемого дистантным деперсонализированным «третичным агентом», продуцент стремится действовать в рамках жанров, наиболее эффективно решающих поставленные задачи и соответствующих специфике достижения кооперативной фазы коммуникации. Таким образом, наиболее адекватными системообразующими жанрами рассматриваемого пограничного дискурса профсоюзной

работы являются: публичное выступление (информирующего, протокольного и убеждающего типов); переговоры (с другими организациями профильной сферы) способствующие формированию и укреплению внешних связей организации-медиатора; презентация, транслирующая интегрирующую идею в наиболее легко воспринимаемой форме экспликации персонально ориентированных микротопиков; лозунги / слоганы и рекламная продукция, популяризирующая ингерентные «ценностно акцентированные точки коллективного сознания»; жанры миссии организации и пресс-релиза, которые обеспечивают максимальную доступность и широту охвата потенциальной аудитории.

Жанроцентрическая модель профсоюзного дискурса ввиду учета канальной спецификации и коммуникативно-прагматических параметров экспликации интегрирующей идеи может быть представлена графически в виде следующей схемы:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жанроцентрическую модель дискурса профсоюзной работы образует система риторических жанров, которые не только объединены общей интегрирующей идеей, но и призваны обеспечить реализацию коммуникативно-прагматического задания по созданию мотивационного пространства потенциального реципиента. Системная реализация «жанрового репертуара» модерлирует и регулирует некооперативное взаимодействие вплоть до консолидационного этапа.

Ключевым принципом повышения эффективности интенсификации интегрирующей идеи является внутренняя конкуренция системообразующих жанров профсоюзного дискурса при контаминации профессионально ориентированных и индивидуально ориентированных пространств целеполагания, что полностью соответствует специфике реальной деятельности профсоюзных организаций. При этом конкурентные отношения в условиях актуализации профессиональных интересов сменяются принципом дополнительности.

«Жанровый репертуар» в его системообразующей парадигме представляет собой адекватную

форму, способную обеспечить консолидированное функционирование агент-клиентской интеракции и дискурса профсоюзной работы, создать базу конвенционализации дискурсивных практик в условиях реализации модерлирующих задач «третичным агентом».

Для сохранения эффективности профсоюзной деятельности и трансляции интегрирующей идеи «Объединение» агенты организации-медиатора опираются на достаточно жесткую, целостную систему жанров, которые при осуществлении полного цикла варьирования способны гарантировать достижение консолидационного уровня развернутой некооперативной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bredikhin S. N., Tsybulevskaya A. V. Poly- and Inter-discursiveness in Complex Discourse // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. 2020. Vol. 92. P. 1507–1514.
2. Boldyrev N. N. Language and the Structure of Mind: the Interpretive Commitment of Cognitive Semantics // *Meaning and Knowledge Representation*. St.Petersburg: Lexicon, 2017. P. 15–17.
3. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И., Махова И. Н. Способы интимизации концептуально-валёрного пространства контркоммуникантов в институциональном дискурсе социальной работы // *Научная мысль Кавказа*. 2021. № 2 (106). С. 119–124.
4. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Писарик О. И. Уровневая модель информационной безопасности в условиях виртуального пространства // *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2022. № 2 (46). С. 119–131. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.11.
5. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Формальная модель оценки образа персонажа художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 9. С. 3239–3248. DOI: 10.30853/phil20240458.
6. Горбунова Н. Н., Алдиева М. Ш. Тезаурусная модель как отражение междисциплинарности терминосистемы (на материале современной англоязычной терминосистемы менеджмента) // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2020. № 2. С. 142–147.
7. Писарик О. И., Горожанов А. И. Доля английского профессионального подязыка в текстах учебных материалов для студентов строительных специальностей // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 3. С. 928–932. DOI: 10.30853/phil210082. EDN CIRARX.
8. Linke A. Sprache als Praxis // *Angemessenheit: Einsichten in Sprachgebräuche*. Göttingen: Wallstein Verlag GmbH, 2016. S. 52–66.
9. Бахтин М. М. Постановка проблемы и определение речевых жанров // *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986. С. 237–245.
10. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@Internet*. 2007. № 4. P. 1.
11. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations. NY: Oxford University Press, 1992.
12. Heisler T., Vincent D., Bergeron A. Evaluative Metadiscursive Comments and Face-work in Conversational Discourse Text // *Journal of Pragmatics*. 2003. № 35. P. 1613–1631.
13. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // *Жанры речи*. 2005. № 4. С. 34–50.
14. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // *Жанры речи*. 2024. Т. 19. № 1(41). С. 6–22.
15. Nash J. Non-cooperative Games // *Annals of Mathematics*. 1951. Vol. 54. № 2. P. 286–295.
16. Болдырев Н. Н. Теоретические аспекты языковой концептуализации. Концептуальная основа языка // *Концептуализация мира в языке*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 25–77.
17. Жилин Д. М. Теория систем. Опыт построения курса. М.: URSS, 2010.
18. Бредихин С. Н. Теория некооперативных игр в порождении и интерпретации высказываний институционального дискурса // *Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики*. 2023. № 16. С. 50–58.
19. Bredikhin S. N., Serebryakov A. A. The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 2019. Vol. 58. P. 2549–2557.

20. Каджая Л. А. и др. Тематическая организация текста инструкций как лингвистическая основа приобретения знаний интеллектуальным агентом / Л. А. Каджая, Ю. М. Кузнецова, В. А. Салимовский, М. И. Суворова // Медиалингвистика. 2021. № 8 (1). С. 45–56.
21. Gray M. *Entropy and Information Theory*. NY: Springer, 2023.

REFERENCES

1. Bredikhin, S. N., Tsybulevskaya, A. V. (2020). Poly- and Inter-discursiveness in Complex Discourse. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*, 92, 1507–1514.
2. Boldyrev, N. N. (2017). Language and the Structure of Mind: the Interpretive Commitment of Cognitive Semantics. In *Meaning and Knowledge Representation* (pp. 15–17). St.Petersburg: Lexicon.
3. Bredikhin, S. N., Bredikhina, Yu. I., Makhova, I. N. (2021). Sposoby intimizatsii kontseptual'no-valernogo prostranstva kontrkommunikantov v institutsional'nom diskurse sotsial'noy raboty = Methods for Intimization of the Concept & Value Space of Counter-Communicants in the Institutional Discourse of Social Work. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2(106), 119–124. (In Russ.)
4. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Pisarik, O. I. (2022). Cyber security model in the E-learning. *MCU journal of philology. Theory of linguistics. Linguistic education*, 2(46), 119–131. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.11. (In Russ.)
5. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Formal model for evaluating the image of a character in a fictional work (based on G. Orwell's novel "1984"). *Philology. Theory & Practice*, 17(9), 3239–3248. DOI: 10.30853/phil20240458. (In Russ.)
6. Gorbunova, N. N., Aldiyeva, M. Sh. (2020). A thesaurus model as a reflection of interdisciplinarity of the terminology system (based on the material of the modern English-language management terminology system). *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2, 142–147. (In Russ.)
7. Pisarik, O. I., Gorozhanov, A. I. (2021). Representation of the English-language professional terminology in educational texts for construction specialties students. *Philology. Theory & Practice*, 14(3), 928–932. DOI: 10.30853/phil210082. (In Russ.)
8. Linke, A. (2016). *Sprache als Praxis. Angemessenheit: Einsichten in Sprachgebräuche*. Göttingen: Wallstein Verlag GmbH, 52–66.
9. Bakhtin, M. M. (1986). Postanovka problemy i opredelenie rechevykh zhanrov = Problem Statement and Definition of Speech Genres. In *Estetika slovesnogo tvorchestva* (pp. 237–245). (In Russ.)
10. Herring, S. C. (2007). A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 4, 1.
11. Wierzbicka, A. (1992). *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations*. NY: Oxford University Press.
12. Heisler, T., Vincent, D., Bergeron, A. (2003). Evaluative Metadiscursive Comments and Face-work in Conversational Discourse Text. *Journal of Pragmatics*, 5, 1613–1631.
13. Slyshkin, G. G. (2005). Rechevoy zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza = Speech Genre: Prospects for Conceptual Analysis. *Zhanry rechi*, 4, 34–50. (In Russ.)
14. Demytyev, V. V. (2024). K probleme integral'nogo opisaniya rechevykh zhanrov = On the Problem of Integral Description of Speech Genres. *Zhanry rechi*, 19–1(41), 6–22. (In Russ.)
15. Nash, J. (1951). Non-cooperative Games. *Annals of Mathematics*, 54(2), 286–295.
16. Boldyrev, N. N. (2009). Teoreticheskie aspekty yazykovoy kontseptualizatsii. Kontseptual'naya osnova yazyka = Theoretical Aspects of Language Conceptualization. *Conceptual Basis of Language. Kontseptualizatsiya mira v yazyke*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
17. Zhilin, D. M. (2010). *Teoriya sistem. Opyt postroeniya kursa = Theory of Systems. Course Construction Experience*. Moscow: URSS. (In Russ.)
18. Bredikhin, S. N. (2023). Teoriya nekooperativnykh igr v porozhdenii i interpretatsii vyskazyvaniy institutsional'nogo diskursa = The Theory of Noncooperative Games in Generation and Interpretation of Utterances in Institutional Discourse. *Professional'naya kommunikatsiya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, 16, 50–58. (In Russ.)
19. Bredikhin, S. N., Serebryakov, A. A. (2019). The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, 58, 2549–2557.

20. Kadzhaya, L. A. Kuznetsova, Iu. M., Salimovskii, V. A., Suvorova, M. I. (2021). Tematicheskaya organizatsiya teksta instruksiy kak lingvisticheskaya osnova priobreteniya znaniy intellektual'nym agentom = Thematic Organization of Instructional Texts as a Linguistic Basis for the Acquisition of Knowledge by an Intelligent Agent. Medialingvistika, 8(1), 45–56. (In Russ.)
21. Gray, M. (2023). Entropy and Information Theory. NY: Springer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манаева Ирина Валерьевна

главный специалист отдела по связям с общественностью

Ставропольской краевой организации

Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manaeva Irina Valerievna

Information Chief Specialist of the Public Relations Department

Stavropol regional organization of the Education and Science Workers' Union of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	16.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Научная статья
УДК 811+81'272+811.531

История и социолингвистические особенности англо-корейского языкового контакта на Корейском полуострове

Т. С. Мозоль

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yoondanhee@gmail.com*

Аннотация. Англо-корейский языковой контакт на Корейском полуострове имеет относительно недавнюю историю с конца XIX века, однако в настоящее время в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике сложилась особая социолингвистическая ситуация. Целью данной работы является рассмотрение истории и специфики англо-корейского языкового контакта с учетом его современного состояния в обеих странах Корейского полуострова. Несмотря на очевидные различия двух стран (прямые языковые контакты на Юге и главным образом опосредованные на Севере), можно отметить общую тенденцию усиления значимости английского языка в системе образования, кроме того владение английским языком может рассматриваться как особый культурный капитал в обеих странах.

Ключевые слова: англо-корейский языковой контакт, роль английского языка в Республике Корея, преподавание английского языка в КНДР, культурный капитал, социальный престиж

Для цитирования: Мозоль Т. С. История и социолингвистические особенности англо-корейского языкового контакта на Корейском полуострове // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 64–71.

Original article

History and Sociolinguistic Features of Anglo-Korean Language Contact on the Korean Peninsula

Tatiana S. Mozol

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
yoondanhee@gmail.com*

Abstract. Anglo-Korean language contact on the Korean Peninsula has a relatively recent history since the late 19th century, but a special sociolinguistic situation has developed in the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea at present. This paper examines the history and characteristics of Anglo-Korean language contact, considering its current state in both countries. Despite the obvious differences between the two countries (direct language contact in the south and mainly indirect contact in the north) there is a general tendency toward the increasing importance of English in the education system. English proficiency can be considered a form of cultural capital in both countries.

Keywords: Anglo-Korean language contact, the role of English in the Republic of Korea, English language teaching in the DPRK, cultural capital, social prestige

For citation: Mozol, T. S. (2025). History and sociolinguistic features of Anglo-Korean language contact on the Korean Peninsula. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 64–71. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

История взаимодействия разных языковых коллективов и народов в той или иной степени находит свое отражение в языках, в частности, в интерференционных процессах, обусловленных подобными контактами. Контакты между США и странами Корейского полуострова развивались в сложных исторических условиях, включая период колониализма, корейской войны, а также современный этап, который характеризуется формированием разных подходов к языковой политике в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике. В связи с этим для понимания специфики интерференционных процессов в данной языковой паре представляется важным изучение истории англо-корейского языкового контакта, его социокультурных и социолингвистических особенностей.

Следует отметить, что отдельные аспекты англо-корейского языкового контакта и вопросы роли и статуса английского языка в странах Корейского полуострова изучались рядом зарубежных ([Baik, 1995; Jung, 1998; 남혜령, 2011; 김태영, 2015; Kang, 2020] и др.) и отечественных исследователей ([Прошина, 2002; Шевчук, 2011] и др.), однако данные исследования, как правило, носили фрагментарный характер и не учитывали специфику языкового контакта в обоих корейских государствах на современном этапе. Недостаточная проработанность данной проблемы обуславливает актуальность данного исследования. Новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению истории и современного состояния англо-корейского языкового контакта с учетом различий в языковой политике и практике в двух корейских государствах – Республике Корея и КНДР. Нами разработана периодизация языкового контакта на основе анализа архивных документов, нормативных актов и других источников. Кроме того, в работе предпринимается сравнительный анализ подходов к преподаванию и использованию английского языка в двух корейских государствах, что позволяет глубже понять специфику языкового контакта в различных политических и идеологических условиях. Таким образом, целью данной работы является анализ истории и современного состояния англо-корейского языкового контакта с учетом различий в языковой ситуации в Республике Корея и КНДР.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: изучить существующие исследования по проблеме англо-корейского языкового контакта; исследовать исторические и социокультурные аспекты взаимодействия английского и корейского языков в разные периоды; рассмотреть

соответствующие постановления и архивные документы правительства Республики Корея, материалы Министерства по делам объединения Республики Корея, касающиеся использования английского языка; проанализировать северокорейские учебные пособия и официальные документы с целью выявления особенностей преподавания английского языка в КНДР; предложить периодизацию англо-корейского языкового контакта, отражающую ключевые этапы его развития.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ АНГЛО-КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Страны Корейского полуострова в соответствии с классификацией Б. Качру [Kachru, 1985] могут быть причислены к странам «расширяющегося круга», в которых английский язык имеет статус иностранного. Однако с социолингвистической точки зрения ситуация в двух корейских государствах значительно отличается. В связи с этим представляется важным изучить историю англо-корейского языкового контакта и проанализировать предпосылки, обусловившие разные результаты языкового контакта в двух странах.

Существуют различные взгляды на периодизацию англо-корейского языкового контакта. Так, Чон Кютхэ выделяет три этапа англо-корейского языкового контакта: 1) знакомство с английским языком на Корейском полуострове (1880–1945); 2) приобретение английским языком имиджа языка передового государства (1945–1985); 3) получение английским языком статуса языка мирового общения и рост спроса в южнокорейском обществе на его изучение (1986 – по настоящее время) [Jung, 1998, с. 14]. С другой стороны, Чон Чисон предлагает выделять следующие этапы языкового контакта, соотносящиеся при этом с разными периодами становления преподавания английского языка: поздний период государства Чосон (1883–1910); период японского колониализма (1911–1945); период после освобождения от японского колониализма (1945–настоящее время) [정지선, 2007, с. 3]. М. Ч. Пэк [Baik, 1995] выделяет следующие этапы: 1) подписание договоров с США и Великобританией (1885–1919); 2) культурное и языковое посредничество Японии (1919–1945); 3) усиление влияния США в Республике Корея и последующее развитие прямых контактов и англо-корейского билингвизма после 1945 года. Следует отметить, что данные подходы к периодизации сосредоточены главным образом на состоянии языкового контакта в Республике Корея. Рассмотрим историю англо-корейского языкового контакта с учетом его

специфики как на севере, так и на юге полуострова. Наиболее логичным представляется выделение трех основных периодов по мере изменения статуса и роли английского языка.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (1876–1945)

На данном этапе происходит знакомство с английским языком, а также формируется система преподавания английского языка, в корейский язык начинают проникать первые англицизмы (как правило, косвенным путем).

Корея вплоть до конца XIX века была относительно закрыта от западного мира. В период правления тэвонгуна Хынсона проводилась политика самоизоляции страны, отношение к европейцам и их культуре оставалось настороженно враждебным, все попытки заключить соглашения о торговле с западными державами отвергались. После неудачной попытки Франции вторгнуться в Корею в конце 60-х годов XIX века, а также отражения нескольких воинственных экспедиций американского флота (1866, 1871) корейское правительство усилило курс на еще большую изоляцию. Так, по всей Корее по приказу тэвонгуна были установлены каменные стелы, на которых было высечено «Если не бороться с вторжением западных варваров, значит встречать их с миром, а стремиться к такому миру – значит продавать страну». Реализация подобной политики помогла, с одной стороны, уберечь страну от иноземного вторжения, а, с другой стороны, замедлила открытие страны [국사편찬위원회, 2009]. В 1873 году власть была передана сыну тэвонгуна государю Кочжону, супруга которого, королева Мин, поддерживала открытие страны внешнему миру. Можно сказать, что процесс открытия Кореи начался в 1876 году с подписания Канхваского договора с Японией, затем в 1882 году был подписан корейско-американский договор о дружбе и торговле, аналогичный договор был подписан также в 1882 году с Великобританией. Открытие страны внешнему миру и развитие торговли способствовало более активным языковым контактам. До японской аннексии в 1910 году английские заимствования попадали в корейский язык через китайский. В китайском языке английские слова записывались иероглифами в соответствии с их значением (калькирование) или (в случае имен собственных) близкими по звучанию иероглифами (транслитерация), а затем эти слова, попадая в корейский язык, читались в соответствии с правилами чтения иероглифов в корейском языке. В период японского колониализма (1910–1945) английские заимствования стали попадать в корейский язык в основном через японский язык [강신항, 1991]. Европейская культура начала проникать в Японию гораздо раньше, чем

в Корею, и японский язык на тот момент уже активно заимствовал иностранные слова. Во время колониального периода в корейский язык через японский попало большое количество англицизмов, в том числе многочисленные технические, спортивные, экономические, медицинские и прочие термины, наименования современных европейских бытовых реалий и т. п. [Jung, 1998]. Прямые контакты в рассматриваемый отрезок времени носили единичный характер, в связи с чем количество заимствованных напрямую английских слов было крайне малым¹. Следует отметить, что с конца XIX века в Корее началось преподавание английского языка в качестве иностранного, однако, несмотря на это, английский язык долгое время не играл значимой роли в языковом пространстве на Корейском полуострове и преподавался как иностранный язык для ограниченного круга лиц. Тем не менее можно сказать, что преподавание английского как иностранного стало важнейшим каналом, позволившим корейцам познакомиться с английским языком. Официально английский язык в Корее стали преподавать в 1883 году в созданной при поддержке правительства школе Тонмунхак с целью подготовки переводчиков. Впоследствии в 1886 году школа получила название Югён конвон, а затем в 1895 году – Школа иностранных языков. Проникновению английского в Корею в доколониальном периоде также способствовало появление первых западных христианских миссионеров. Открытие ими миссионерских школ внесло свой вклад в развитие преподавания английского языка, поскольку английский язык был одним из основных предметов.

В период японского колониализма преподавание иностранных языков было сильно ограничено. Английский язык был заменен японским. В 1911 году Школа иностранных языков прекратила свое существование. Однако после Первомартовского движения (1919) японское правительство было вынуждено объявить о переходе к «культурному правлению», в рамках которого в феврале 1922 года японская администрация издала приказ об образовательной деятельности в Корее, согласно которому корейцы получили право открывать частные высшие учебные заведения и вечерние школы. В 1924 году был основан Императорский университет Кэйдзё, одним из предметов на вступительных экзаменах в нем стал английский язык, а на юридическом факультете была открыта кафедра английского языка. В старших классах общеобразовательных школ иностранный язык (в числе которых был английский)

¹Южнокорейский лингвист Кан Синхан выделяет всего три англицизма, которые «вероятнее всего попали в корейский язык не через японский, а в результате прямого контакта: 커피 (coffee), 잉크 (ink), 알코올 (alcohol)» [강신항 1991, с. 575].

стал обязательным предметом. Кафедра английского языка была также создана в Женской профессиональной школе Ихва. Всё большее количество корейцев начали изучать английский язык. Однако с началом Второй мировой войны английский язык был объявлен языком врага, и вплоть до 1945 года преподавание английского практически не велось. Стоит отметить, что в целом возможность изучать и пользоваться английским языком в тот период имели, как правило, лишь представители высших сословий. Кроме того, с точки зрения практической значимости владение английским языком не было востребовано в виду редких прямых языковых контактов и непривлекательности английского языка в глазах самих корейцев, который считался в тот период языком «европейских варваров» [Jung, 1998].

ВТОРОЙ ПЕРИОД (1945–1990)

Этот период ознаменован рядом важных событий: освобождение от японского колониализма (1945) и образование двух государств – КНДР и Республики Корея (1948). На этом этапе происходит изменение статуса английского языка и становление системы академического преподавания иностранных языков в обеих странах.

После окончания Корейской войны (1950–1953) роль США на юге полуострова становится поистине гегемонистской во всех сферах, а английский язык (особенно американский вариант) приобретает статус самого популярного и престижного иностранного языка. В этот период в Республике Корея вместе с активным развитием прямых языковых контактов происходит изменение отношения южных корейцев к английскому языку: американцы больше не «европейские варвары» в глазах корейцев, из варваров они превращаются в спасителей и союзников.

После окончания Корейской войны Республика Корея под руководством проамериканского президента Ли Сынмана взяла курс на близкое партнерство и всестороннее развитие сотрудничества с США. Кроме того, с 1945 по 1950 год в южной части полуострова действовала американская военная администрация, которая имела контроль над всеми сферами корейского общества. Сразу после освобождения Кореи возобновилось преподавание английского языка, в учебном плане увеличилось количество учебных часов в соответствии с рекомендациями американской военной администрации. С этого времени английский язык стал одним из самых важных предметов в южнокорейских общеобразовательных школах. Ряд исследователей отмечают, что в послевоенные годы на Юге получает распространение своеобразный корейский пиджин на основе английского, который широко

использовался уличными торговцами, корейскими работниками на американских военных базах, расположенных на территории Республики Корея, а также в различного рода заведениях в прилегающих к американским военным базам районах [Algeo, 1960; Baik, 1995]. Кроме того, с момента освобождения и вплоть до середины 60-х годов преподавание английского языка в Республике Корея велось преимущественно волонтерами из числа сотрудников американских военных баз. В связи с этим большая часть английских заимствований того времени, которая попала в корейский язык, представляла собой армейский жаргон и названия предметов быта, что также способствовало формированию англо-корейского пиджина. К концу XX века англо-корейский пиджин в большей или меньшей степени исчез, однако привнес в корейский язык многочисленные заимствования [Tyson, 1993].

С середины 1960-х годов политика Министерства образования была направлена на развитие академического преподавания английского языка в общеобразовательных школах. Кроме того, к этому времени увеличилось количество корейцев, получивших образование в США и Великобритании в области лингвистики и методики преподавания английского языка как иностранного, что также внесло вклад в развитие преподавания английского языка в стране. В этот период изучение английского стало приобретать всё более массовый характер: английский стал единственным иностранным языком, входящим в систему школьных выпускных экзаменов, а также получил статус самого главного иностранного языка при поступлении в университет [Baik, 1995]. После 70-х годов в Республике Корея сформировалась прослойка элиты, прекрасно владеющей английским языком, укрепился положительный имидж США, изучение английского языка приобрело более массовый характер, стало выходить большое количество научной и художественной литературы, переведенной с английского языка.

С другой стороны, на севере Корейского полуострова с момента образования КНДР преподавание английского языка и языковые контакты с носителями английского языка были ограниченными. Более того, в 1948 году преподавание английского было отменено, в школах стал изучаться только русский язык. Уже с середины 60-х годов в КНДР стал делаться акцент на важности изучения иностранных языков, в связи с чем с 1964 года в школах снова стали преподавать английский (в основном британский вариант), т.е. началось преподавание двух иностранных языков (русского и английского) при сохранении преобладающей доли русского языка в системе школьного образования [Kim, Choi, 1999]. При этом если обучение русскому велось с целью

сотрудничества с СССР, то английский изучался не только как фактический *lingua franca*, но и, главным образом, как язык потенциального противника. Неудивительно, что северокорейские учебники по английскому языку, вышедшие до начала XXI века, содержат большое количество военных выражений и терминов. С 70-х годов отмечается уменьшение доли русского языка и усиление роли английского языка в системе образования. Как отмечает Ким Чэён, возросшее внимание к английскому в целом может быть объяснено необходимостью развития международных и дипломатических отношений [김재용, 1995]. Так, с середины 70-х годов английский язык становится основным иностранным языком в школах, на его изучение отводится больше часов, чем на русский. В 80-х годах в КНДР всё больше подчеркивается роль изучения иностранных языков с целью научно-технического развития страны. В феврале 1983 года Ким Ир Сен, обращаясь с речью к ученым страны, призвал их изучать в совершенстве как минимум один иностранный язык, а в речи 1984 года он отметил важность развития изучения иностранных языков в школах для развития научно-технической сферы и освоения передовых мировых технологий¹. Подобный курс на изучение иностранных языков в целом и английского языка в частности получил дальнейшую реализацию в том числе и в форме развития системы обучения для одаренных детей и детей элиты. Так, в КНДР действуют специализированные школы иностранных языков (в том числе Пхеньянская школа иностранных языков), средняя школа № 1 для талантливых детей. При этом, как правило, у большинства жителей КНДР практически нет возможности контактировать с носителями английского языка в повседневной жизни. Таким образом, основным средством знакомства с английским языком остаются учебники и учебные материалы.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (1990 – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

На данном этапе языкового контакта происходит дальнейшее усиление роли английского языка в обеих странах, хоть и в разной степени.

В рассматриваемый период английский язык становится главным иностранным языком в Республике Корея, значительно растет его престиж, начинает активно развиваться повсеместное изучение английского языка в качестве иностранного, английский язык становится особым символическим капиталом. Более того, с конца XX века в Республике Корея разворачиваются дебаты о придании английскому языку статуса официального. В настоящее

¹Официальный блог Министерства по делам объединения РК. URL: [북한옛보기] 외국어 교육 – 통일신문 (дата обращения: 25.07.2025)

время английский язык не имеет подобного статуса в Южной Корее, однако владение английским тесно связано с престижем, карьерным ростом, властью и языковой идеологией [Park, 2011]. В 1995 году президент Ким Ён Сам провозгласил курс на глобализацию с целью интеграции Южной Кореи в мировое сообщество², что также ускорило процессы экономической неолиберализации. Повышенный спрос на рынке труда на навыки устной коммуникации в неолиберальной экономике сконструировали английский язык как неотъемлемую часть набора навыков успешного работника [Heller, 2010]. В связи с этим правительство должно было уделять большое внимание развитию системы обучения английскому языку с одной стороны, а с другой – с целью подготовки перспективных кадров, способных повысить конкурентоспособность страны на мировом рынке, в стране происходил радикальный сдвиг в образовательных ценностях от эгалитаризма к элитарности [Shin, 2016]. Так, к примеру, в 1995 году Комиссией по реформе образования при президенте Ким Ён Саме был предложен и успешно принят обширный неолиберальный пакет реформ образования под названием «План реформы образования для создания новой системы обучения»³. Благодаря этому Плану в 2000-х годах в стране были открыты различные виды элитных английских специализированных школ. Политика неолиберализма, а также коммодификация и рост престижа английского языка способствовали в дальнейшем масштабному развитию «индустрии английского языка» в Республике Корея.

Изменения в статусе и значимости английского языка произошли и в КНДР в течение рассматриваемого периода. Распад СССР оказал влияние на дальнейшее сокращение изучения русского языка и укрепление статуса английского как первого иностранного языка в КНДР. Одной из основных целей изучения английского языка стало знакомство с передовым мировым опытом в сфере науки и технологий. Установление дипломатических отношений между КНДР и Великобританией в 2000 году также способствовало в определенной мере развитию преподавания английского языка в КНДР. Вплоть до 2017 года в Пхеньяне вел работу Британский совет, занимавшийся подготовкой преподавателей английского языка, разработкой учебных

²Министерство внутренних дел и безопасности Республики Корея, Архив администрации президента. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&artid=1308055&catid=c_pa02062 (дата обращения: 25.07.2025)

³Министерство внутренних дел и безопасности Республики Корея. Национальный архив. URL: <https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=003284&sitePage=> (дата обращения: 25.07.2025)

материалов, планов и т. п.¹. В период правления Ким Чен Ына английский язык стал рассматриваться не только как средство получения новейших знаний, но и как инструмент коммуникации. Примером этого может служить серия северокорейских учебников по английскому языку для школы (1–6 классы), вышедшая в 2012 году в пхеньянском издательстве «Иностранная литература», которая отличается четкой направленностью на развитие коммуникативных навыков и содержит большое количество диалогов на различные повседневные темы (свободное время, погода, школьная жизнь, спорт, еда и т. п.).

Важным событием данного периода является принятие шестого учебного плана для школ в 2013 году, в котором также подчеркивалась первоочередная роль знакомства с передовыми мировыми технологиями и научными знаниями, а также необходимость владения иностранными языками. Предмет «иностранная язык» был заменен на «английский язык», а русский язык был выведен из учебного плана. Кроме того, количество часов на изучение английского языка было увеличено. Так, в настоящее время количество часов в северокорейских средних школах, отводимых для изучения английского языка (408 часов), больше, чем в южнокорейских средних школах (340 часов)². Владение английским языком в КНДР, также как и в Республике Корея, является важным навыком и может открывать престижные карьерные возможности (работа во внешней торговле или во внешней политике и т. п.).

¹Yonhap News Agency. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20170907036700014> (дата обращения: 25.07.2025)

²Министерство внутренних дел и безопасности Республики Корея, Архив администрации президента. URL: https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp?spMode=view&artid=1308055&catid=c_pa02062 (дата обращения: 25.07.2025)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Англо-корейский языковой контакт имеет относительно недавнюю историю на Корейском полуострове. На начальном этапе языковые контакты носили опосредованный характер, преимущественно через китайский и японский языки. После 1948 года языковые контакты на Севере стали носить крайне ограниченный косвенный характер (главным образом, в условиях учебной ситуации). Можно сказать, что основные задачи изучения английского языка менялись со сменой глав КНДР. Так, при Ким Ир Сене одной из важнейших целей изучения английского языка было владение языком потенциального противника, при Ким Чен Ире, в свою очередь, подчеркивалась важность освоения передовых знаний в научно-технической сфере. В настоящее время при Ким Чен Ыне акцент также делается на необходимости приобретения новейших мировых знаний, вместе с тем признается роль английского языка в качестве средства международного общения. С другой стороны, в Республике Корея с середины XX века активно развивались прямые языковые контакты и англо-корейский билингвизм вследствие тесных связей с США во всех сферах. В Южной Корее особый престиж английского языка, его роль в качестве культурного капитала и социального лифта обусловили резкий рост индустрии английского языка. Несмотря на очевидные различия двух стран, можно отметить общие тенденции: усиление роли и значимости английского языка в системе образования (особенно в XXI веке), определенная доля элитарности изучения английского, а также приобретение английским языком роли своеобразного социального лифта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Baik M. J. Language, ideology, and power: English textbooks of two Koreas: PhD thesis in Linguistics. Urbana, 1995.
2. Jung K. T. Contact and convergence of English in Korea: PhD thesis in Linguistics. Urbana, 1998.
3. 남혜령 한국사회의 계층 별 영어교육열과 교육격차에 관한 연구. 사회학석사학위논문. 서울. 2011 = Нам Херён. Повышенный спрос и образовательный разрыв в изучении английского языка у представителей разных социальных классов в Республике Корея: магистерская диссертация по социологии. Сеул, 2011.
4. 김태령 영어 학습의 사회문화적 의미와 영어교육에의 함의: 네 가지 사회학적 접근법 // 영어영문학연구. 2015. Vol. 41 (3). P. 105–134. = Ким Тхэрён. Социокультурная значимость изучения английского языка и ее влияние на обучение английскому: четыре социологических подхода // Studies in English Language & Literature. 2015. Vol. 41 (3). P. 105–134.
5. Kang H. S. Changes in English language policy in Kim Jong Un's North Korea // English Today. 2020. Vol. 36 (1). P. 30–36.
6. Прошина З. Г. Английский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России: Проблемы опосредованного перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2002.

7. Шевчук Н. М. Английский язык в Республике Корея // Вестник Башкирского университета. 2011. Вып. 16 (4). С. 1287–1289.
8. Kachru B. Standards, codification and sociolinguistic realism: English language in the outer circle // *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* / Ed. by R. Quirk, H. G. Widowsion. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 11–30.
9. 정지선 우리나라 영어교육의 역사와 그 시사: 교육학석사학위논문. 서울, 2007. = Чон Чисон. История преподавания английского языка в Республике Корея: магистерская диссертация по методике. Сеул, 2007.
10. 국사편찬위원회 국사. 서울: 교육인적자원부. 2009. = Национальный институт истории Кореи. История Кореи. Сеул: Министерство образования и развития человеческих ресурсов, 2009.
11. 강신항 현대 국어 어휘사용의 양상. 서울: 태학사, 1991. = Кан Синхан. Использование лексики современного корейского языка. Сеул: Тэхакса, 1991.
12. Algeo J. Korean Bamboo English // *American Speech*. 1960. Vol. 35. P. 115–123.
13. Tyson R. English loanwords in Korean: patterns of borrowing and semantic change // *The JSLAT*. 1993. Vol. 1. P. 29–36.
14. Kim E. J., Choi Y. H. (1999). An analysis of English textbooks and English teaching methods in South and North Korea // *English Teaching*. 1999. Vol. 54 (4). P. 177–198.
15. 김재용 북한의 세대 갈등과 신세대 // *통일한국*. 1995. Vol. 133. P. 88–91. = Ким Чэён. Конфликт поколений и новое поколение в КНДР // *Объединенная Корея*. 1995. No. 133. С. 88–91.
16. Park J. S.-Y. The Promise of English: Linguistic Capital and the Neoliberal Worker in the South Korean Job Market // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2011. Vol. 14 (4). P. 443–455.
17. Heller M. The Commodification of Language // *Annual Review of Anthropology*. 2010. Vol. 39 (1). P. 101–114.
18. Shin H. Language 'skills' and the neoliberal English education industry // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2016. Vol. 37 (5). P. 509–522.

REFERENCES

1. Baik, M. J. (1995). *Language, ideology, and power: English textbooks of two Koreas*: PhD thesis in Linguistics. Urbana.
2. Jung, K. T. (1988). *Contact and convergence of English in Korea*: PhD thesis in Linguistics. Urbana.
3. 남혜령 (2011). 한국사회의 계층 별 영어교육열과 교육격차에 관한 연구. 사회학석사학위논문. 서울. = Nam, H. R. (2011). *A study on English education fever and education gap among social classes in Korean society*. MA in Social Sciences. Seoul. (In Korean)
4. 김태령 (2015). 영어 학습의 사회문화적 의미와 영어교육에의 함의: 네 가지 사회학적 접근법. 영어영문학연구, 41(3), 105–134. = Kim, Tae Young (2015). *The Sociocultural Meaning of English Learning and Its Implication to English Education: Four Sociological Approaches*. *Studies in English Language & Literature*, 41(3), 105–134. (In Korean)
5. Kang, H. S. (2020). Changes in English language policy in Kim Jong Un's North Korea. *English Today*, 36(1), 30–36.
6. Proshina, Z. G. (2002). *Anglijskij jazyk kak posrednik v kommunikacii narodov Vostochnoy Azii i Rossii: Problemy oposredovannogo perevoda=English as a medium of communication between the peoples of East Asia and Russia: Problems of indirect translation*: PhD thesis in Philology. Vladivostok. (In Russ.)
7. Shevchuk, N. M. (2011). English language in the Republic of Korea. *Bulletin of Bashkir University*, 16(4), 1287–1289. (In Russ.)
8. Kachru, B. (1985). Standards, codification and sociolinguistic realism: English language in the outer circle. In Quirk, R., Widowsion, H. G. (Eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* (pp. 11–30). Cambridge: Cambridge University Press.
9. 정지선 (2007). 우리나라 영어교육의 역사와 그 시사: 교육학석사학위논문. 서울. = Jung, J. S. (2007). *A study on the history of English education in Korea*. MA in Linguistics. Seoul. (In Korean)
10. 국사편찬위원회 (2009). 국사. 서울: 교육인적자원부. = National Institute of Korean History (2009). *Korean History*. Seoul: Ministry of Education and Human Resources Development. (In Korean)
11. 강신항 (1991). 현대 국어 어휘사용의 양상. 서울: 태학사. = Kang, S. H. (1991). *Aspects of Modern Korean Vocabulary Usage*. Seoul: Taehaksa. (In Korean)
12. Algeo, J. (1960). Korean Bamboo English. *American Speech*, 35, 115–123.
13. Tyson, R. (1993). English loanwords in Korean: patterns of borrowing and semantic change. *The JSLAT*, 1, 29–36.
14. Kim, E. J., Choi, Y. H. (1999). An analysis of English textbooks and English teaching methods in South and North Korea. *English Teaching*, 54(4), 177–198.

15. 김재용 (1995). 북한의 세대 갈등과 신세대 // 통일한국, Vol. 133, 88-91. = Kim, J. Y. (1995). Generational Conflict and the New Generation in North Korea. The Unified Korea, 133, 88–91. (In Korean)
16. Park, J. S.-Y. (2011). The Promise of English: Linguistic Capital and the Neoliberal Worker in the South Korean Job Market. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 14(4), 443–455.
17. Heller, M. (2010). The Commodification of Language. *Annual Review of Anthropology*, 39(1), 101–114.
18. Shin, H. (2016). Language ‘skills’ and the neoliberal English education industry. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 37(5), 509–522.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозоль Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент
заведующий кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozol Tatiana Sergeevna

PhD in Pedagogy, Associate Professor
Head of the Oriental Languages Department
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	10.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Научная статья
УДК 81'373

Языковые особенности документного жанра в Испанской империи во второй половине XVIII века

О. В. Нешкес¹, В. В. Райтаровский²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, nesh_86@mail.ru

²Московский международный университет, Москва, Россия, v.raitarovskii@mmu.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования – провести всесторонний лингвистический анализ двух документов Испанской империи, относящихся к периоду становления новоиспанского языка. Документы датируются второй половиной XVIII века. Авторами статьи показывается историческая значимость анализируемых документов, в которых зафиксированы остаточные формы барочной каллиграфии, а также случаи расхождения между буквами, фонемами и аллофонами, выраженными с помощью алфавитных символов. Помимо этого, в статье в виде сносок даны страноведческие комментарии. В ходе работы применяются методы сравнительно-сопоставительного, историко-генетического анализа. Результаты исследования могут служить дополнительным материалом для определения лингвокультурологических особенностей документного жанра испанского языка этого периода, что имеет значение для оптимизации процесса лексико-семантической трансформации подобных текстов на русский язык.

Ключевые слова: документный жанр, орфография, синтаксис, стиль, барочная каллиграфия, новоиспанский язык, XVIII век

Для цитирования: Нешкес О. В., Райтаровский В. В. Языковые особенности документного жанра в Испанской империи во второй половине XVIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 72–79.

Original article

Linguistic Features of the Documentary Genre in the Spanish Empire in the Second Half of the 18th Century

Olga V. Neshkes¹, Viktor V. Raytarovskiy²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, nesh_86@mail.ru

²Moscow International University, Moscow, Russia, v.raitarovskii@mmu.ru

Abstract. The purpose of this study is to conduct a comprehensive linguistic analysis of two documents written in the Spanish Empire related to the period of formation of the Neo-Hispanic language. The documents date back to the second half of the 18th century. The authors of the article show the historical significance of the analyzed documents, which record residual forms of baroque calligraphy, as well as cases of discrepancies between letters, phonemes and allophones expressed using alphabetic symbols. In addition, the article provides regional geographic comments. In the study the methods of comparative and contrastive, historical and genetic analysis are used. The results of the study can serve as additional material for determining the linguocultural features of the documentary genre of the Spanish language of this period, which is important for lexical and semantic transformation of such texts into Russian.

Keywords: documentary genre, spelling, syntax, style, baroque calligraphy, New Spanish, 18th century

For citation: Neshkes, O. V., Raytarovskiy, V. V. (2025). Linguistic features of the documentary genre in the Spanish Empire in the second half of the 18th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 72–79. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании предпринята попытка изучения характерных для документного жанра Испании второй половины XVIII века орфографических, синтаксических и стилистических особенностей, которое способствует расширению знаний об этапах развития новоиспанского языка. Ведь проблематика истории языка представляется все еще актуальной и востребованной, что подтверждается интересом исследователей к области исторической дискурсологии, в русле которой изучаются функционально-языковые изменения текстов и жанров, созданных в прошедшую эпоху [Кочетова, 2015].

Многие зарубежные и российские лингвисты рассматривали в своих публикациях вопросы истории языка. Например, известные испанские грамматисты Фернандо Лазаро Карретер [Lázaro Carreter, 1974], Игнасьо Боске и Виолетта Демонте [Bosque, Demonte, 1999], Рамон Менендес Пидаль [Menéndez Pidal, 1905] на протяжении своей исследовательской деятельности освещали анализ морфологии, синтаксиса кастильского языка в разные исторические периоды. О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов [Васильева-Шведе, Степанов, 1963], М. М. Раевская выпустили солидные труды, в которых анализировали историю испанской грамматики, систематизировали методологические подходы к ее изучению. В частности, М. М. Раевская в монографии «Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.)» описала морфологию частей речи, синтаксические структуры, стилистические тенденции и грамматические категории испанского языка XVI–XVII вв. [Раевская, 2006]. Н. В. Зененко осуществила обстоятельный анализ генезиса, формирования и эволюции испанской грамматической системы [Зененко, 2015]. В свою очередь, В. М. Соколова в своей диссертационной работе проследила историю становления и развития испанской орфографии, ее научного осмысления и связанной с ней реформаторской деятельности [Соколова, 2001]. Также довольно подробно исследована история становления языка испанских литературных жанров, например, в диссертации В. П. Григорьева [Григорьев, 1983]. При этом ждут своего часа работы, которые бы осветили вопросы орфографии, синтаксиса и стилистики документного жанра и его разновидностей с момента его зарождения до современности. Настоящая статья призвана отчасти заполнить эту лакуну. Данное исследование написано с использованием методов сравнительно-сопоставительного, историко-генетического анализа, а его результаты могут быть полезны в преподавании курсов истории языка, стилистики испанского языка и перевода.

О СТАНОВЛЕНИИ ДОКУМЕНТНОГО ЖАНРА В ИСПАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В XIII веке начался процесс официального формирования испанского языка в письменной форме, что совпало с периодом правления короля Альфонса Мудрого. Под его патронажем в Толедо осуществлялся перевод официальных документов, хроник и литературных произведений на кастильский язык, ставший основой для письменного испанского. С этого момента все официальные акты и декреты составлялись и подписывались на кастильском наречии (*castellano*), распространенном в Испании и ее заморских колониях.

В начале XVIII века была учреждена Испанская Королевская Академия, целью которой являлось завершение процесса стандартизации литературного испанского языка и устранение избыточной барочной витиеватости стиля. Академия руководствовалась принципами фонологического анализа, этимологии и языковой практики. Уже к середине XVIII века были введены правила расстановки ударений, восстановлены различия между буквами *B* и *V*, латинизирована орфография слов греческого происхождения и упразднены некоторые сочетания согласных [Ortografía de la lengua castellana, 1754; Соколова, 2001]. Однако предположение о том, что письменный испанский язык XVIII столетия практически не отличается от современного, будет ошибочным.

Нами ранее предпринимался анализ в контексте исторической прагматики памятников письменности XVIII века, а именно служебной документации (донесений испанских послов, инструкций и указов государственных секретарей правительства Испании, а также вице-королей в Испанской Америке)¹, что было отражено в специальных публикациях [Нешкес, 2022].

Сравнительно-сопоставительный анализ орфографии этих документов показывает, что формирование новоиспанского языка в тот период еще не было завершено. Наиболее характерные примеры орфографической нестабильности включают вариации в использовании *b* и *v*, *u* и *i*, а также опущение графического ударения. Примечательным является и то, что одни и те же авторы в своих рукописях допускали различное орфографическое написание. Следующие примеры это иллюстрируют.

¹В рамках исследования были использованы архивные рукописи второй половины XVIII века на испанском языке объемом более 150 страниц.

“*Muy* señor mío: Ha llegado *ultimamente* de Kamtschatka un Mercado Ruso...”¹ – «Милостивый государь! Недавно с Камчатки прибыл российский купец...» [Петров, 2020, с. 80].

“*Muy* señor mío: habiendo empleado el mayor desvelo para averiguar que suceso ha tenido esta Nación en sus expediciones entre el Kamtschatka y la *America*, en que tiempo las han hecho, el nombre de sus sujetos que ha empleado en ellas, y que ventajas y descubiertas les han procurado, he llegado finalmente a conseguir una relación detallada...”² – «Достопочтенный господин, приложив наибольшие усилия, чтобы выяснить, сколь значительно го успеха добилась эта нация в своих экспедициях между Камчаткой и Америкой, в какое время они были сделаны, а также узнать имена задействованных в них подданных и их вклад в результаты экспедиций, я в конце концов решил составить детальный отчет...» [там же, с. 87].

“Parece sin embargo que a la Francia podía *haverle* obligado, a obrar con más cautela, la pieza que ya en 1747 le jugaron los Holandeses. Recelosos estos el rompimiento, que *huvo despues* entre ambas Potencias, *embiaron* orden a un Comisario que teman en Elseneur para que prohibiese a todas las Embarcaciones de su Nacion que pasasen por allí.”³ – «Очевидно, Франция решила разыграть пьесу, которую в 1747 г. уже успели сыграть голландцы. Опасаясь последствий произошедшего разрыва отношений между двумя державами, был отправлен приказ комиссариату в Хельсингер о запрете всем судам проходить там под флагом данного государства» [там же, с. 167].

Вместе с тем во второй половине XVIII века на фоне развития системы делопроизводства в Испанской империи произошла частичная стандартизация документного жанра, в частности служебной дипломатической корреспонденции.

¹Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy, enviado al Secretario de Estado del gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las expediciones de los comerciantes rusos a América del Norte. Petersburgo, 19/30 de Marzo de 1764. Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100 (Донесение испанского посланника в России графа Ласи государственному секретарю правительства Испании о об экспедициях российских купцов в Северную Америку, Санкт-Петербург, 19/30 марта 1764 г.)

²Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy, al secretario de Estado del gobierno español, marqués de Grimaldi, sobre los descubrimientos rusos en América. Sn. Petersburgo, 8/19 de Marzo de 1773. Archivo General de Indias, Estado 86 B. 100 (Донесение испанского посланника в России графа Ласи государственному секретарю правительства Испании маркизу де Гримальди о русских открытиях в Америке Санкт-Петербург, 8/19 марта 1773 г.)

³Memoria sobre los medios de fomentar el Comercio de España en los Puertos de Rusia escrita en el Mes de Septiembre de 1791. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691 (Отчет о способах содействия испанской торговле в российских портах, сентябрь 1791 г.)

Следует отметить, что в целом в Западной Европе того времени наблюдалось закрепление бюрократической системы управления, что неизбежно приводило к стандартизации форм документов [Литвак, 2018]. Структура документов приобрела фиксированную форму и включала вступительную, основную часть с фактическими данными и аргументами, а также выводы и заключение.

В текстах, например, дипломатической переписки часто использовались традиционные формулы, такие как *Excelentísimo Señor (Vuestra Preвосходительство)* и *Dios guarde a V. E. muchos años como deseo (Да хранит вас Бог многие годы, как я желаю)*, которые сохраняются и в современном протоколе [Нешкес, 2022]. То же характерно и других видов служебных документов.

Документы стали не только средством передачи информации, но и инструментом воздействия на адресата. Авторы официальных писем того времени избегали категоричных утверждений и использовали эмфатические конструкции для привлечения внимания адресата. Оценочная лексика имела эвфемистический характер. Например, вместо термина «угроза» (*amenaza*) применялись выражения, не содержащие негативной коннотации, такие как «нежелательное событие» [Терентий, 2016, с. 105].

Предложения Академии стали официальной нормой в Испании, постепенно распространившись на испаноязычные страны Америки. Однако, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, в документном жанре наблюдается вариативность в орфографии и синтаксисе. Орфография второй половины XVIII века была более разнообразной и менее стандартизированной по сравнению с современным испанским. В текстах встречаются архаизмы, нестандартные буквосочетания, двойные гласные и усеченные формы слов. Синтаксис письменных документов отличался гибкостью. Использовались различные варианты порядка слов и синтаксических конструкций, нехарактерные для современного узуса. Для экономии пространства в письмах применялись сокращения, выносные буквы и удвоенные буквы для обозначения множественного числа.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРФОГРАФИИ, СИНТАКСИСА И СТИЛЯ В ИЗУЧАЕМЫХ ДОКУМЕНТАХ

В настоящей статье продемонстрирован анализ орфографии, синтаксиса и стилистики двух официальных писем, которые являются примером документного жанра второй половины XVIII века, в них можно наблюдать характерные особенности испанского языка того времени.

Исследуемые документы были адресованы испанской короне из Лимы (Перу). Ниже представлены их изображения (рис. 1–2), а также расшифровка и перевод на русский язык с последующим анализом.

В представленном документе содержатся случаи синтаксического построения фраз с элементами фюзии предлога с артиклем и с местоименными формами, как например, *porlas, ala, enlo, desu*. Отсутствует стабильность употребления тильды – *á que vs a que, és manifesto vs es manifesto, util vs útil, estan vs están*. Выделяется пример гиперкорректного употребления артикля при неопределенном прилагательным *el suyo*. Встречаются случаи использования вместо запятой союза *y* – *Lima y Junio*. Допущена супрессия смыслообразительной буквы *h* в глагольной форме *hay*, в силу чего звучащая одинаково форма *ay* визуально воспринимается как междометие. Обнаружена подмена буквой *g* буквы *j*, что свидетельствует о незнании автором данного послания этимологии отличных по своим орфографическим и фонетическим функциям латинских букв *g* и *j*.

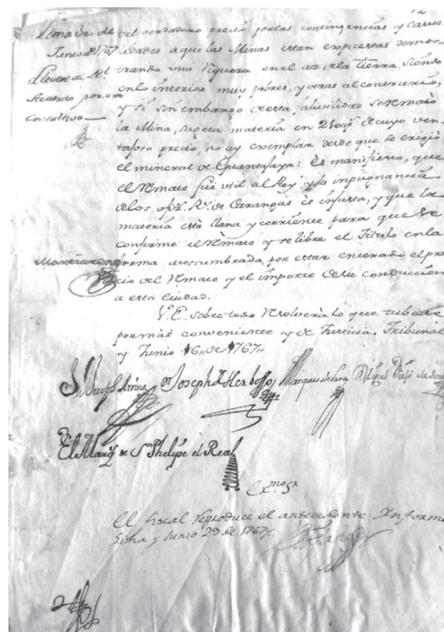

Рис. 1. Документ от 1767 года

Таблица 1.

РАСШИФРОВКА ТЕКСТА ДОКУМЕНТА ОТ 1767 ГОДА С ПЕРЕВОДОМ С ИСПАНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Оригинальный текст на испанском языке с сохранением исходной орфографии источника	Перевод документа на русский язык
<p>Lima 3 de Junio de 1767 Llevere al RL Acuerdo por u otro consultado</p>	<p>Лима, 3 июня 1767 г. Доставить в королевский двор Проверено и согласовано</p>
<p>del verdadero precio porlas contingencias y casualidades à que las Minas estan expuestas demostrando una Riqueza en la tierra siendo en lo interior muy pobres, y otras al contrario, y sin embargo, cuesta aliviada se remató la Mina, sugeta materia en 2 sellos, el cuyo ventajoso precio, no ay exemplar desde que le exigió el mineral de Guantajaya: ès manifesto que elremate fue util alRey: y la inpugnancia delos offis. Rs. de Carangas ès injusta, y que la materia està llana y corriente para que se confirme elremate y se libre el Titulo enla forma acostumbrada por estar enterado el precio del remate y el importe desu conducción a esta ciudad.</p>	<p>о реальной цене случайностей и совпадений, которым подвержены рудники, демонстрирующие богатство сперва, но весьма бедные в своих недрах, а другие [рудники. – Прим. О. Н. и В. Р.], – наоборот, и тем не менее этот был продан с молотка (что в подтверждение скреплено двумя печатями), столь удачная цена не имеет примера с тех пор, как потребовалась руда из Гуантахайя¹: очевидно, что аукцион был выгоден королю; и оспаривание этого королевскими чиновниками в Карангасе² несправедливо, и что вопрос ясен и актуален для подтверждения продажи и передачи прав в обычном порядке, поскольку аукционная цена и сама сумма перевода в этот город известны. На усмотрение Вашего Превосходительства все, что Вы сочтете прежде всего наиболее подходящим и справедливым.</p>
<p>V.E. sobre todo resolverá lo que tuviese pormás conveniente y de Justicia.</p> <p>Tribunal y Junio 16 de 1767 Dn Joseph Jovina Joseph de Herboso Marques de Lizarrá Miguel de Sota El Marqs de Sn Phelipe el Real</p>	<p>Суд, 16 июня 1767 г. Дон Жозеф [Хосеп] Жовина [Ховина] Жозеф [Хосеп]³ де Эрбосо Маркиз де Лисарра Мигель де Сота Маркиз де Сан Фелипе Реаль</p>
<p><i>El fiscal responde el antecedente informe Lima y Junio 29 de 1767</i></p>	<p><i>Прокурор с ответом на предыдущее донесение Лима, 29 июня 1767 г.</i></p>

¹Рудник на одноименной горе в Чили. Ранее, в XVIII веке территория современного Чили входила в состав вице-королевства Перу.

²Карангас – одна из провинций современной Боливии. В XVIII в. Боливия, как и Чили, входила в состав вице-королевства Перу.

³Вероятно, автор письма был каталонского происхождения. В переводе мы решили оставить два варианта транскрипции.

Один из элементов ценности данного документа с точки зрения истории языка – употребление существительного *impugnancia*, в котором некорректно передано правописание кастильского слова *impugnancia* и которое было со временем вытеснено синонимом *refutación*.

Обнаружен случай устаревшего уже к восемнадцатому веку написания слова *exemplar* через букву *x* вместо буквы *j*, которая, как в топониме *México*, стала читаться как глухая велярная фонема. Автор документа сохранил написание *Joseph* и *Phelipe* через греческий этимологический диграф *ph*, который в староиспанском и среднеиспанском сосуществовал наряду с щелевым лабио-дентальным *f* и только в XVIII веке был исключен Испанской Королевской Академией.

Второй документ характеризуется в основном теми же особенностями, что и первый. И это логично, поскольку оба документа датированы второй половиной XVIII века и были написаны в одном и том же месте – в Лиме.

Он представляет собой официальный текст, предназначенный как для информирования (*El Corregidor de Vilcashuamán me ha dado cuenta del reconocimiento q.e ha practicado en el mineral de de azouge del cerro de Zapra de aquella Jurisdicción*), так и для воздействия на адресата (*q.e en su visita me exponga V.S. lo q.e le parezca ser más conveniente en*

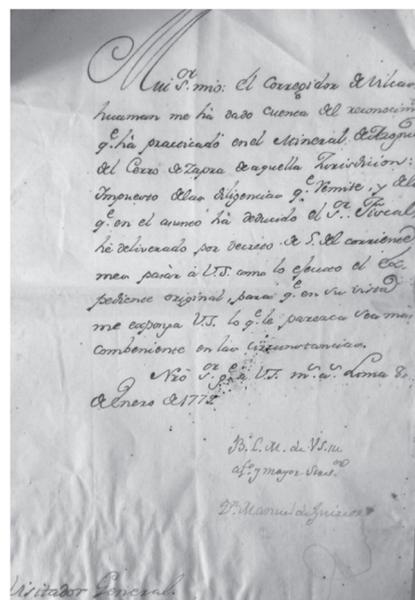

Рис. 2. Документ от 1779 года

las circunstancias). Его форма соответствует выработанному стандарту документооборота, где обязательным является указание даты, места написания, адресанта. По своей структуре документ выдержан строго: он включает вводную часть с обращением, постулирующую часть с изложением сути дела и резюмирующую, содержащую выводы.

Таблица 2

РАШИФРОВКА ТЕКСТА ДОКУМЕНТА ОТ 1779 ГОДА С ПЕРЕВОДОМ С ИСПАНСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Оригинальный текст на испанском языке с сохранением исходной орфографии источника	Перевод документа на русский язык
<p>Mui S.or mio: el Corregidor de Vilcashuamán me ha dado cuenta del reconocimiento qe . hà practicado enel Mineral deAzogue del Cerro de Zapra de aquella Jurisdicion: Impuesto dedar diligencias qe remite, y delo qe. en el asunto hà deducido el S.or Fiscal, hè deliverado por decreto de S. del corriente mes pasár a V.S. como lo ejecuto el ex.Pediente original, para qe . en su visita me exponga V.S. lo qe . le parezca ser mas combeniente en las circunstancias. Nro S.or qe . a V.S....</p> <p>Lima 8 de Enero de 1779</p> <p>B.L.M. de VS. aFe y mayor Serv.or Dn. Manuel de Guirior</p>	<p>Милостивый государь!</p> <p>Исправник Вилькасуамана сообщил мне о разведке, которую он провел на месторождении ртути в Серро де Сапра¹ в этой юрисдикции: в отношении судебных издержек и о том, к какому выводу пришел прокурор по данному делу.</p> <p>Я рассмотрел указ Его Превосходительства от текущего месяца, который в оригинальной версии направлен Вашей Светлости, дабы Вы могли во время своего визита представить, что Вам кажется наиболее подходящим в данных обстоятельствах.</p> <p>Храни Вас Господь долгие годы</p> <p>Лима, 8 января 1779 г.</p> <p>Целую руку Вашего Превосходительства Ваш покорный слуга Дон Мануэль де Гириор</p>

¹Месторождение в провинции Ункайо, Перу. Ункайо после начала испанской колонизации стала вторым по значению после Лимы регионом. Также Ункайо граничит на юге с Ункавелике – крупнейшим в то время месторождением ртутного минерала. Необходимость в ртути была связана с добычей серебра из низкосортных руд. Открытие ртутных месторождений позволило отказаться от дорогостоящей трансатлантической доставки ртути из рудников Альмадены на юге Испании.

В документе используется традиционная для той эпохи форма обращения – вокатив “*Muy señor mío*” и апеллятив “*Vuestra Señoría*”. Заключительная часть содержит ритуальные формулы прощания: “*Dios guarde a V.S.*”; “*B. L. M. [Besa la mano] de V.S.*”; “*a Fe y mayor servidor V. Manuel de Guirior*”.

К XX–XXI векам многие клише и формулы подверглись изменениям. В современных бюрократических документах чаще всего для обозначения времени и места используется предлог *en*, тогда как в анализируемом документе употребляется в той же функции предлог *a* (например, *a enero, a Lima*).

Документ не содержит категоричных утверждений, полной уверенности в достоверности информации. Экспрессия достигается за счет эфематического выделения высказываний и логического подчеркивания связи с моментом речи с использованием глагольно-временной формы *pretérito perfecto (he deliberado)*.

Текст письма отражает пример официальной переписки между испанской короной и наместниками в Испанской Америке. В конце послания указан автор – Мануэль де Гириор, который в 1775 году был назначен вице-королем Перу. На этом посту он предпринял меры по модернизации экономики колонии, включая горнодобывающую промышленность и торговлю.

В данном документе, помимо стандартных сокращений, характерных для указанного времени, применяются выносные орфографические символы для экономии пространства: “*Nro S.^{or} q.^e . a V.S. m.a.*” (*Nuestro Señor guarde a Vuestra Señoría muchos años*), “*q.^e a su alma g.a.*” (*que a su alma guarde*), “*B. L. M. de V.S.*” (*Besa la mano de Vuestra Señoría*).

Наблюдается характерная для переходного периода от старых норм орфографии к новым вариативность, отмеченная Н. В. Ивановой¹, в написании слабой гласной в нисходящем дифтонге (например, *mui vs muy, Reyno vs Reino*).

Глагольное окончание в имперфектной форме глагола в документе передано с использованием буквы *v* (*pensava*), а не *b* (*pensaba*), что, вероятно, связано с тем, что обе буквы в интервокальной

¹Иванова Н. В. История испанского языка: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 42.

позиции произносились, как и ныне, одинаково как звонкий щелевой билабиальный [β] – (*pen'saβa*)².

В документе зафиксировано отсутствие диакритического знака тильды для указания правильного ударения на третий слог от конца – *America vs América*.

В синтагматической акцентуации формы вспомогательного глагола выделяются тонически, но орфографически ударение не указывается. В документе глагольная форма в перфекте помечена автором послания с помощью тильды (*há dado vs ha dado, há deducido vs ha deducido*). Это можно считать случаем смешения орфографии и фонологии. Наконец, можно заметить, что названия месяцев писались с заглавной буквы (*Diciembre, Enero, Febrero, etc.*).

С точки зрения стилистики документ содержит элементы барокко, которые проявляются в синтаксических конструкциях предложений, например: *para que en su visita me exponga V.S. lo que le parezca ser más conveniente en las circunstancias*, и в графичности шрифта с использованием различных художественных образов (см. в тексте замысловатые и сложные фигуры заглавных букв, в которых угадываются известные традиции искусства инициала и декоративных шрифтов манускриптов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ орфографии и синтаксиса представленных документов позволяет сделать вывод о специфических особенностях документного жанра второй половины XVIII века, которые отличают его от современного испанского языка. Эти особенности включают в себя использование характерных клише, риторических приемов и орфографических конструкций, которые были типичны для жанра официальной корреспонденции той эпохи. Кроме того, в рассмотренных документах обнаруживаются архаичные черты орфографии, которые относят к узусу до XVIII века. Представляется перспективным в дальнейшем рассмотреть на более обширном материале уже XVIII–XIX вв. динамику орфографических и синтаксических изменений документного жанра.

²Райтаровский В. В., Таймур М. П. Скороговорки на испанском языке. Практический фонетический курс для начинающих. М.: Русайнс, 2024. С. 15.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочетова Л. А. Историческая дискурсология как вектор развития теории дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 323–334.
2. Lázaro Carreter F. Lengua Española, historia, teoría y práctica. Ediciones Anaya, 1974. Vol. 2.
3. Bosque I., Demonte V. Gramática descriptiva de la lengua española Vol. 1–3. Real Academia Española. Madrid, 1999.
4. Menéndez Pidal R. Manual elemental de gramática histórica española. V. Suárez, 1905.
5. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1963.

6. Раевская М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI–XVII вв.). М.: URSS: Ленанд, 2006.
7. Зененко Н. В. Грамматическое пространство в контексте испаноязычного менталитета // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 134–142.
8. Григорьев В. П. Жанрово-стилистическая определенность текста и становление языка испанской национальной литературы: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1983.
9. Ortografía de la lengua castellana compuesta por la Real Academia española. Segunda edición. Madrid: Real Academia Española, 1754.
10. Соколова В. М. История становления и развития испанской орфографии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
11. Нешкес О. В. Лингвопрагматическая характеристика испанского дипломатического дискурса (на материале испанских дипломатических донесений второй половины XVIII века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1 (856). С. 78–83. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_1_856_78.
12. Петров А. Ю. и др. Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / сост. под общ. ред. А. Ю. Петрова; ред.-сост. В. Н. Косторниченко. Рязань: Из-во Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, 2020.
13. Литвак Н. В. Становление дипломатической службы как рефлексивного института: обоснование концепции: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2018.
14. Терентий Л. М. Интенциональная структура дипломатического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016.

REFERENCES

1. Kochetova, L. A. (2015). Historical Discourse Studies in the Theory of Discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 6(717), 323–334. (In Russ.)
2. Lázaro Carreter, F. (1974). *Lengua Española, historia, teoría y práctica* (vol. 2). Ediciones Anaya.
3. Bosque, I., Demonte, V. (1999). *Gramática descriptiva de la lengua española* (vol. 1–3). Real Academia Española. Madrid.
4. Menéndez Pidal, R. (1905). *Manual elemental de gramática histórica española*. V. Suárez.
5. Vasil'eva-Shvede, O. K., Stepanov, G. V. (1963). *Teoreticheskaya grammatika ispanskogo yazyka* = Theoretical grammar of the Spanish language. Moscow. (In Russ.)
6. Raevskaya, M. M. (2006). *Ispanskoe yazykoe soznanie Zolotogo veka (XVI–XVII vv.)* = Spanish linguistic consciousness of the Golden Age (16th–17th centuries). Moscow: URSS: Lenand. (In Russ.)
7. Zenenko, N. V. (2015). The Grammatical Space in the Context of the Hispanic Mindset. *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 134–142.
8. Grigor'ev, V. P. (1983). *Zhanrovo-stilisticheskaya opredelennost' teksta i stanovlenie yazyka ispanskoy nacional'noy literatury* = Genre and stylistic definition of the text and the formation of the language of Spanish national literature: Senior Doctorate in Philology. Leningrad. (In Russ.)
9. Ortografía de la lengua castellana compuesta por la Real Academia española (1754). Segunda edición. Madrid: Real Academia Española.
10. Sokolova, V. M. (2001). *Istoriya stanovleniya i razvitiya ispanskoy orfografii* = History of the formation and development of Spanish orthography: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Neshkes, O. V. (2023). Studying the specificity of the genre of diplomatic report in the second half of the 18th century. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(879), 50–56. (In Russ.)
12. Petrov, A. Yu. (Ed.). (2020). *Rossiya i Ispaniya na severozapade Ameriki vo vtoroy polovine XVIII veka (po materialam ispanskih arhivov)* = Russia and Spain in the Northwest of America in the second half of the 18th Century (on materials from Spanish archives): monograph in documents. Compiler, under general editorship of A. Yu. Petrov; compiling editor V. N. Kostornichenko. Ryazan: Ryazan State University named after S. A. Yesenin Publishing house. (In Russ.)
13. Litvak, N. V. (2018). *Stanovlenie diplomaticheskoy sluzhby kak reflektivnogo instituta: obosnovanie koncepcii* = Formation of the diplomatic service as a reflexive institution: substantiation of the concept: Senior Doctoral thesis in Social Sciences. Moscow. (In Russ.)
14. Terentiy, L. M. (2006). *Intencional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa* = Intentional structure of diplomatic discourse: Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нешкес Ольга Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

Райтаровский Виктор Владимирович

кандидат филологических наук
доцент кафедры романо-германской филологии и востоковедения Института иностранных языков
АНОВО «Московский международный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Neshkes Olga Vladimirovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Political Sciences
at the Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Raytarovskiy Viktor Vladimirovich

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology and Oriental Studies
Institute of Foreign Languages
Moscow International University

Статья поступила в редакцию	12.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Просодические особенности спонтанной и псевдоспонтанной речи (сравнительный анализ на материале немецкого языка)

М. В. Попова¹, А. Д. Фролова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹neunerin@gmail.com

²gmuft@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящего исследования состоит в выявлении различий между спонтанной и псевдоспонтанной речью на основе измерений просодических характеристик, в частности частоты основного тона, интенсивности звукового сигнала, темпа и показателя паузации, в речи одного человека в различных коммуникативных ситуациях. В качестве материала использовались записи речи одного диктора на немецком языке в форматах интервью и научно-популярного блога. Применялся метод акустического анализа с использованием программ Praat и SRM. В результате исследования были установлены значимые различия в просодических характеристиках, что позволяет рассматривать псевдоспонтанную речь как отдельный тип речи. Результаты исследования представляют важность для фоностилистики, речевой прагматики и автоматического анализа речи.

Ключевые слова: просодические характеристики, спонтанная речь, псевдоспонтанная речь, акустический анализ, темп речи, частота основного тона, фоностистика

Для цитирования: Попова М. В., Фролова А. Д. Просодические особенности спонтанной и псевдоспонтанной речи (сравнительный анализ на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 80–86.

Original article

Prosodic Patterns in Spontaneous and Pseudo-Spontaneous Speech (a comparative study based on the German language)

Marianna V. Popova¹, Anastasiya D. Frolova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹neunerin@gmail.com

²gmuft@yandex.ru

Abstract: The aim of the present study is to identify differences between spontaneous and pseudo-spontaneous speech based on the measurement of prosodic characteristics, in particular fundamental frequency, sound intensity, speech rate, and pause parameters, in the speech of a single speaker in different communicative situations. The material included recordings of a German-speaking speaker in the formats of an interview and a popular science blog. The acoustic analysis method was applied using the Praat and SRM software. The study revealed significant differences in prosodic features, which support the classification of pseudo-spontaneous speech as a distinct speech type. The findings are relevant for phonostylistics, speech pragmatics, and automatic speech analysis.

Keywords: prosodic features, spontaneous speech, pseudo-spontaneous speech, acoustic analysis, speech rate, fundamental frequency, phonostylistics

For citation: Popova, M. V., Frolova, A. D. (2025). Prosodic Patterns in Spontaneous and Pseudo-Spontaneous Speech (a comparative study based on the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 80–86. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях цифровой медиасреды активное распространение получают речевые форматы, создающие эффект непосредственного взаимодействия со слушателем. Одним из таких форматов является псевдоспонтанная речь, которая по своим просодическим характеристикам имитирует спонтанную, но по факту представляет собой заранее написанный текст, читаемый диктором по суфлеру таким образом, чтобы вызвать у слушателя впечатление естественности и непринужденности. Несмотря на широкое использование подобной формы речи в современных средствах массовой информации, ее статус не закреплен в научной литературе, а просодическая специфика остается малоизученной, что определяет актуальность настоящего исследования.

Новизна исследования заключается в сравнительном анализе просодических параметров спонтанной и псевдоспонтанной речи на материале одного и того же диктора. Практическая ценность исследования связана с возможностью применения его результатов в области фоностилистики, медиакоммуникации, автоматического распознавания речевых жанров и обучения публичной речи.

Материалом послужили аудиофрагменты речи немецкого журналиста и образовательного блогера Мирко Дрочмана (Mirko Drotschmann), более известного как автора популярного немецкоязычного образовательного канала *MrWissen2Go*, в формате интервью (спонтанная речь) и научно-популярного блога (псевдоспонтанная речь). Общая длительность аудиофрагментов составила 11 минут (по 5 минут 30 секунд на каждый тип). Обоснованность включения второго корпуса в разряд псевдоспонтанной речи подтверждается как визуально (движение глаз диктора), так и результатами предварительного фоностилистического анализа.

В ходе исследования были проанализированы акустические показатели частоты основного тона (ЧОТ минимальная, максимальная, средняя, медианная, σ), интенсивности звукового сигнала (ИЗС максимальная, средняя, медианная) и темп (полный, артикуляторный, длительность пауз).

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: псевдоспонтанная речь, представляющая собой чтение подготовленного текста, сформулированного и просодически оформленного как спонтанная речь с целью оказать определенное влияние на реципиента, будет значимо отличаться просодическим оформлением от истинно спонтанной речи, что позволяет говорить о псевдоспонтанной речи как об отдельном типе речи.

Сообразно цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Изучить специальную литературу по теме исследования методами анализа и синтеза.
2. Сформировать аудиокорпус методом эмпирического отбора речевого материала.
3. Провести акустический анализ параметров частоты основного тона, интенсивности звукового сигнала, темпа речи и длительности пауз – методом инструментального акустического анализа с использованием программ Praat (Version 6.0.36. 2017) и Speech Rate Meter (SRM) (Версия SRM+. 2021).
4. Сопоставить полученные данные по каждому типу речи – методом сравнительно-сопоставительного анализа.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Согласно Т. М. Надеиной, просодию можно определить «как совокупность характеристик звучащей речи, зоной действия которых является последовательность сегментных единиц и которые соотносятся с различными акустическими параметрами речевого сигнала» [Надеина, 2004, с. 13].

К акустическим параметрам просодии относят:

- а) ЧОТ и ее изменения (Гц);
- б) интенсивность звука и ее вариации (дБ);
- в) долгота слога, паузы и их модификации (мс) [Попова, 2021].

Важно отметить, что просодическое оформление звучащей речи решающим образом зависит от степени подготовленности речи и прагматической задачи диктора [Великая, 2009; Дунашова, 2021].

Благодаря исследованиям Л. А. Дергачевой и Е. И. Галяшиной были выделены характерные признаки типов звучащей речи и соотнесены с типологией форм звуковых текстов, с учетом особенностей их формирования и реализации, в результате чего была разработана классификация звучащих текстов:

- «1. Чтение написанного и продуманного текста (монолог, диалог или полилог):
 - 1.1. Чтение “собственного” письменного текста
 - 1.2. Чтение “чужого” письменного текста
2. Пересказ написанного или прочитанного текста:
 - 2.1. Пересказ “собственного” письменного текста
 - 2.2. Пересказ “чужого” письменного текста
 - 2.3. Воспроизведение текста с субтитров
3. Подготовленный текст, не оформленный в виде полного письменного текста, но

существующий в виде тезисов, планов или набросков <...>

4. Квазиспонтанный текст – подготовленное (обдуманное), но не записанное высказывание <...>
5. Спонтанная речь (неподготовленный текст)» [Дергачева, 2014, с. 203].

Спорным, по нашему мнению, является п. 2.3 – воспроизведение текста с субтитров, который входит в п. 2. «Пересказ написанного или прочитанного текста», в то время как воспроизведение субтитров является, по сути своей, чтением и, следовательно, может быть отнесено к п. 1. Отметим также, что настоящая классификация не учитывает прагматическую задачу диктора и в связи с этим оставляет без внимания ситуации, в которых заранее подготовленный текст читается диктором с суфлера, однако диктор с помощью просодического оформления пытается создать впечатление спонтанного монолога. В настоящее время подобная практика широко распространена среди блогеров. В этой связи мы полагаем, что ошибочно будет относить данный тип речи к какому-либо из пунктов классификации.

Следует также отметить, что мы целенаправленно отказались от термина «квазиспонтанная речь» как разновидности спонтанной речи в силу неполного соответствия исследуемых нами образцов с ее определением как «речи, в определенной степени подготовленной», однако не записанной [там же, с. 201]. В настоящем исследовании анализу были подвержены фрагменты чтения по суфлеру обдуманного и написанного текста, при этом как сами формулировки, так и их просодическое оформление были призваны, по нашему мнению, вызвать у слушающего впечатление спонтанного говорения. Исходя из этого было решено назвать такой тип речи «псевдоспонтанным».

Полученные в результате акустического анализа данные ЧОТ с последующей статистической обработкой данных представлены в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧОТ
ПОДГОТОВЛЕННОЙ И СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Речь	ЧОТ (Гц)				
	min	max	mean	median	σ
Спонтанная	49,5	213,7	119,7	118,2	16,2
Псевдоспонтанная	51,4	253,2	112,7	109,7	27

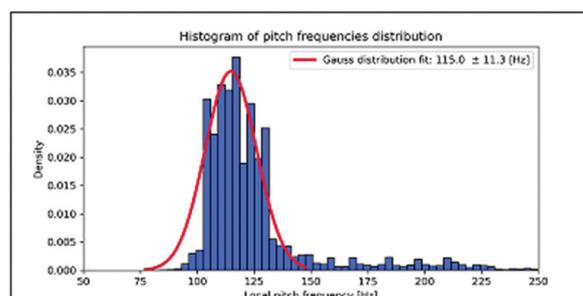
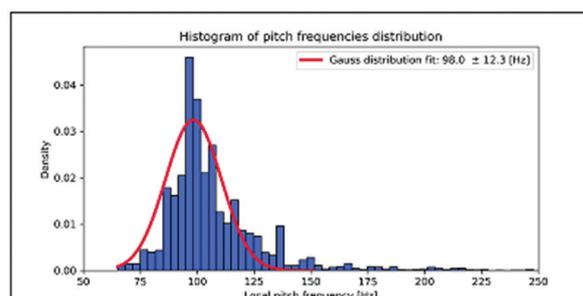

Рис. 1. Гистограмма распределения значений ЧОТ: подготовленная речь (сверху) и спонтанная речь (внизу)

Одной из наиболее важных акустических характеристик просодии является ЧОТ. Отметим, что, согласно исследованиям, у мужчин в возрасте от 20 до 80 лет, говорящих на немецком языке, средние значения ЧОТ варьируются в диапазоне 110–130 Гц [Потапова, Потапов, 2006]. Диапазон ЧОТ среднестатистического взрослого мужчины варьирует от 75 до 200 Гц [Дунашова, 2021]. Медианные значения стандартны, при этом медиана ЧОТ ниже в отрывке из научно-популярного блога, что можно объяснить глубоким падением тона, свойственным конечным синтагмам многосинтагматических предложений и являющимся одним из отличительных признаков подготовленной речи. Спонтанная речь, напротив, характеризуется отсутствием нисходящего движения тона в конце фразы и глубокого падения тона в целом, а также преобладанием восходящего и ровного типов движения тона, так как «планирование и продуцирование спонтанного монолога происходит параллельно», вследствие чего высказывания часто носят эллиптический характер [Великая, 2009, с. 169]. Отметим, что максимальные показатели ЧОТ в спонтанной речи ниже, чем в подготовленной, что, согласно работам Р. К. Потаповой и Е. И. Галяшиной, является одной из особенностей просодического оформления спонтанной речи [Потапова, Потапов, 2006; Галяшина, 2003]. Согласно результатам их исследований в спонтанно продуцируемых текстах «выше доля просодических моделей незавершенности и неполной завершенности», что объясняет более низкие показатели частоты основного тона [Галяшина, 2003, с. 33].

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить стандартному отклонению и различию данных в зависимости от степени подготовленности речи. Стандартное отклонение используется для того, чтобы описать разброс значений, оно «является показателем отклонения отдельных значений от их средней величины» [Шевченко и др., 2017, с. 88]. Речь дикторов в научно-популярных шоу хотя и не может в полной мере быть отнесена к академической публичной речи, тем не менее также представляет собой монологический, заранее подготовленный и написанный текст, приобретающий в процессе взаимодействия оратора и публики черты диалога, поскольку «обращенность к аудитории – важная характеристика риторической коммуникации» [Дунашова, 2021, с. 25]. Наблюдаемые различия в просодических характеристиках, в частности, контрасты между высокими и низкими тонами, представляют собой характерную черту риторического дискурса [Просодия публичной речи, 2013]. Данный факт обуславливает существенное различие в величине стандартного отклонения ЧОТ в подготовленной речи (27 Гц) по сравнению со спонтанной речью (16,2 Гц), что отражено в таблице 1.

Перейдем к данным ИЗС, представленным в таблице 2.

Таблица 2

ХАРАКТЕРИСТИКИ ИЗС В ПОДГОТОВЛЕННОЙ И СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Речь	ИЗС (дБ)		
	max	mean	median
Спонтанная	82,7	69,5	65,6
Псевдоспонтанная	83,7	70,3	65,6

В рамках анализа параметров интенсивности звукового сигнала было установлено, что, несмотря на полное совпадение медианных значений, наблюдается отличие в максимальных показателях. Это может объясняться тем, что ведущий научно-популярного шоу зачастую использует изменения уровня громкости речи для выделения особенно важных моментов и привлечения к ним внимания слушателей. Следует отметить, что в настоящем исследовании использовались показатели ИЗС, полученные из общедоступных аудиофайлов, которые, как правило, подвергаются обработке перед публикацией для повышения качества звука. Несмотря на усредненность медианных значений интенсивности, более высокий максимум в псевдоспонтанной речи подтверждает гипотезу о риторически мотивированном интенциональном варьировании, что согласуется с наблюдениями Е. Л. Фрейдиной, которая подчеркивает важность

экспрессивной интонации для привлечения и удержания внимания аудитории в публичных форматах [Просодия публичной речи, 2013].

Данные спектрального анализа темпа спонтанной и подготовленной речи представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Информационное окно SRM: подготовленная речь (слева) и спонтанная речь (справа)

Описывая характеристики темпа речи, важно отметить, что в настоящем исследовании мы рассматриваем его как комплексный компонент просодии, включающий в себя следующие параметры:

- 1) полный темп (количество слов, произнесенных в одну минуту с учетом длительности межфразовых пауз) / Speech Rate (wpm);
- 2) артикуляторный темп (количество слов в минуту без учета длительности межфразовых пауз) / Articulation Rate (wpm);
- 3) показатель паузации (среднеквадратичное значение длительности межсинтагменных и межфразовых пауз) / Phrase Pauses score (sec) [Лобанов, Житко, 2021].

Анализ темпоральных характеристик речи в выбранных отрывках показал значительную зависимость результатов от коммуникативной ситуации и степени подготовленности высказывания. Согласно современным лингвистическим исследованиям, средний полный темп немецкой речи составляет от 90 до 120 слов в минуту ($\approx 3,5$ слогов в секунду), а артикуляционный темп – от 4,4 до 6 слогов в секунду для подготовленной речи [Lorenzen, 2004]. Для спонтанной речи эти параметры составляют примерно 4,96 слогов в секунду и 6,21 слогов в секунду соответственно [Pfitzinger, 1999].

В исследуемом нами примере подготовленной речи наблюдается темп выше среднего (полный темп – 164 слова в минуту \approx около 5,5 слогов в секунду; артикуляционный темп – 182 слова в минуту \approx 6,1 слогов в секунду). Полученные результаты, на наш взгляд, могут быть обусловлены уже упомянутой выше тенденцией к диалогизации

монологической речи в случаях, когда она направлена на установление контакта и взаимодействие говорящего со слушателями. В представленном примере спонтанной речи темп практически полностью соответствует среднестатистическим данным (полный темп – 153 слова в минуту \approx 5,1 слогов в секунду; артикуляционный темп – 178 слова в минуту \approx 5,9 слогов в секунду). Отметим, что средний показатель длительности пауз в спонтанном монологе (0,47 сек.) выше, чем в подготовленном (0,4 сек.). Это можно объяснить тем, что в спонтанной речи помимо синтаксических и эмфатических пауз реализуются также хезитационные паузы, возникающие в речи, например, при перефразировании и повторах. Кроме того, паузы в спонтанной речи зачастую длиннее, чем в подготовленной, средние и краткие по длительности паузы практически отсутствуют [Галяшина, 2003].

Сравнительная характеристика просодических параметров спонтанной и псевдоспонтанной речи представлена в таблице 3.

Таблица 3

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРОСОДИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ СПОНТАННОЙ
И ПСЕВДСПОНТАННОЙ РЕЧИ

Просодическая характеристика	Псевдоспонтанная речь	Спонтанная речь
Среднее ЧОТ (Гц)	134	126
Стандартное отклонение ЧОТ (Гц)	27	16,2
Максимум ИЗС (дБ)	82	76
Полный темп (слов / мин)	164	153
Артикуляторный темп (слов / мин)	182	178
Средняя длительность пауз (сек)	0,40	0,47

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что наиболее показательными являются различия в значениях средней частоты основного тона и ее стандартного отклонения, а также значения параметров паузации, полного и артикуляторного темпа, что позволяет предварительно сделать заключение о них как об отличительных особенностях псевдоспонтанной речи. Следует также подчеркнуть, что псевдоспонтанная речь демонстрирует совокупность характеристик, сочетающих признаки как подготовленной, так и спонтанной речи: с одной стороны, высокий темп и вариативность частоты основного тона указывают на произнесение заранее сформулированного текста,

ориентированного на риторический эффект, с другой – наличие отдельных просодических элементов, имитирующих естественность, приближает такую речь к спонтанной. Таким образом, просодическая структура псевдоспонтанной речи подчинена прагматическим задачам создания иллюзии непринужденного общения со слушателем.

Результаты исследования также подтверждают эффективность использования вариативной интонации и изменения громкости как приемов аудиторного воздействия в научно-популярной коммуникации. Это делает необходимым переосмысление классификаций звучащих текстов с учетом новых жанров, формируемых цифровой средой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило определить степень варьирования значений просодических характеристик в псевдоспонтанной и спонтанной речи одного и того же диктора. Анализ таких акустических характеристик, как ЧОТ, ИЗС, спектральный анализ темпа и паузация, выявил существенные различия в речи диктора, обусловленные степенью подготовленности высказывания. Было установлено, что подготовленная речь характеризуется более высокими показателями стандартного отклонения частоты основного тона, интенсивности звукового сигнала и темпа, что, по нашему мнению, можно объяснить использованием просодических средств для контрастного выделения наиболее важной информации и привлечения внимания аудитории, а также отсутствием необходимости обдумывать мысль непосредственно в момент речи.

Таким образом, данные подтверждают наличие устойчивых различий между спонтанной и псевдоспонтанной речью, что позволяет выделить последнюю в самостоятельный тип речи. Эти различия носят не только количественный, но и функциональный характер, отражая коммуникативные цели говорящего. Псевдоспонтанная речь реализует стратегию вовлечения аудитории путем имитации спонтанности, сохраняя при этом четкую структурированность и подготовленность. В будущем данное направление перспективно для применения в автоматических системах распознавания речевых жанров, в обучении публичной речи и медиакоммуникации. Полученные результаты могут также представлять интерес для дальнейших исследований в области фоностилистики, а также изучения просодических особенностей различных типов речи и механизмов речевого воздействия. Мы полагаем, что необходимы исследования псевдоспонтанной речи на больших корпусах ввиду популярности данного типа речи среди блогеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Надеина Т. М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
2. Попова М. В. Сравнительный анализ понятий «просодия», «интонация» и смежных специальных терминов в лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 150–160.
3. Великая Е. В. Просодия в стилиевой дифференциации языка: монография. М.: Прометей, 2009.
4. Дунашова А. В. Стилистическая вариативность просодических характеристик языковой личности // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7. № 1. С. 22–30.
5. Дергачева Л. А. Стилистическое и звуковое своеобразие квазиспонтанной речи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 2. С. 201–207.
6. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006.
7. Галяшина Е. И. Установление факта предварительной подготовки письменных и устных текстов: метод. рекомендации. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2003.
8. Шевченко Т. И. [и др.]. Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / Т. И. Шевченко, Е. А. Буряя, И. Е. Галочкина и др.; под ред. Е. А. Бурой, Т. И. Шевченко. Дубна: Феникс+, 2017.
9. Просодия публичной речи: монография / Е. Л. Фрейдина и др. М.: Прометей, 2013.
10. Лобанов Б. М., Житко В. А. Метод статистической оценки просодических параметров темпа речи (на материале русской речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Международной конференции «Диалог», г. Москва, 16–19 июня 2021 г. М.: РГГУ, 2021. Вып. 20. С. 1120–1129.
11. Lorenzen R. Eine akustisch-phonetische Untersuchung zur Stimmverstellung. Kiel, 2004.
12. Pfitzinger H. Local Speech Rate Perception in German Speech // 14th International Congress of Phonetic Sciences. San Francisco, 1999. P. 893–896.

REFERENCES

1. Nadeina, T. M. (2004). Prosodicheskaya organizatsiya rechi kak faktor rechevogo vozdeistviya = Prosodic organization of speech as a factor of speech impact : abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Popova, M. V. (2021). Comparative analysis of the concepts of “prosody”, “intonation” and related special terms in linguistics. Vestnik of Moscow State University. Humanities, 11(853), 150–160. (In Russ.)
3. Velikaya, E. V. (2009). Prosodiya v stilevoi differentsiatsii yazyka = Prosody in the stylistic differentiation of language: monograph. Moscow: Prometei. (In Russ.)
4. Dunashova, A. V. (2021). Stylistic variation of prosodic patterns of a linguistic persona. Theoretical and Applied Linguistics, 7(1), 22–30. (In Russ.)
5. Dergacheva, L. A. (2014). Linguostylistic features of quasi-spontaneous speech. Bulletin of Tver State University. Philology, 2, 201–207. (In Russ.)
6. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). Yazyk, rech', lichnost' = Language, speech, identity. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
7. Galyashina, E. I. (2003). Ustanovlenie fakta predvaritel'noi podgotovki pis'mennykh i ustnykh tekstov = Establishing the fact of preliminary preparation of written and oral texts: Method. Recommendations. Moscow: GU EKTS MVD Rossii. (In Russ.)
8. Shevchenko, T. I. et al. (2017). Metody analiza zvuchashchei rechi: novye izmereniya i rezul'taty = Methods of analysis of sounding speech: new measurements and results. Dubna: Feniks+. (In Russ.)
9. Freidina, E. L. et al. (2013). Prosodiya publichnoi rechi = Prosody of public speech: monograph. Moscow: Prometei. (In Russ.)
10. Lobanov, B. M., Zhitko, V. A. (2021). Method for Statistical Estimation of the Prosodic Parameters of Speech Tempo (based on Russian speech). In Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'ny'e texnologii (issue 20, pp. 1120–1129): Proceedings of the international scientific conference “Dialog”. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
11. Lorenzen, R. (2004). Eine akustisch-phonetische Untersuchung zur Stimmverstellung. Kiel.
12. Pfitzinger, H. (1999). Local Speech Rate Perception in German Speech. In 14th International Congress of Phonetic Sciences (pp. 893–896). San Francisco.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ**Попова Марианна Викторовна**

кандидат филологических наук

доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

Фролова Анастасия Дмитриевна

преподаватель кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**Popova Marianna Viktorovna**

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of German Phonetics

Faculty of the German Language

Moscow State Linguistic University

Frolova Anastasiya Dmitrievna

Lecturer at the Department of German Phonetics

Faculty of the German Language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Роль языка вьетнамских СМИ в формировании этнического самосознания

В. А. Сербин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vietvladimir@gmail.com

Аннотация. Цель настоящего исследования – проанализировать, каким образом язык вьетнамских средств массовой информации способствует формированию этнического самосознания в условиях цифровизации и международной интеграции. Эмпирическую базу составили тексты государственных и альтернативных медиа (печатные и онлайн-издания), а также примеры дискурсивных стратегий, применяемых в медиaprостранстве. Методология включает прагматический и стилистический анализ, а также сравнительно-сопоставительный подход. Установлены лексико-стилистические особенности официальных СМИ, формирующие образ национального единства, и практики альтернативных платформ, акцентирующие региональную идентичность. Отдельное внимание уделено трансформациям языка под влиянием заимствований и глобальных медиатрендов.

Ключевые слова: вьетнамские СМИ, этническое самосознание, национальная идентичность, язык медиа, лексика, дискурс, заимствования, международная интеграция, диалекты, этнические маркеры

Для цитирования: Сербин В. А. Роль языка вьетнамских СМИ в формировании этнического самосознания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 87–95.

Original article

The Role of Vietnamese Media Language in Shaping Ethnic Self-Consciousness

Vladimir A. Serbin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vietvladimir@gmail.com

Abstract. The paper aims to examine how the language of Vietnamese mass media contributes to the formation of ethnic self-consciousness in the context of digitalization and international integration. The empirical base includes texts from state and alternative media (print and online editions), as well as documented examples of discursive strategies employed in contemporary Vietnamese media space. The methodological framework combines pragmatic and stylistic analysis as well as a comparative approach. The research identifies lexico-stylistic features of official media promoting national unity and strategies employed by alternative platforms that emphasize regional identity. Particular attention is given to the transformation of media language under the influence of lexical borrowing and global media trends.

Keywords: Vietnamese media, ethnic self-consciousness, national identity, media language, lexis, discourse, borrowing, international integration, dialects, ethnic markers

For citation: Serbin, V. A. (2025). The Role of Vietnamese Media Language in Shaping Ethnic Self-Consciousness. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 87–95. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современные медиа обладают уникальной способностью формировать не только информационное пространство, но и культурные ориентиры общества. Они предлагают своим пользователям тщательно выстроенные нарративы, наполненные национальными ценностями и усиленные визуальными и аудиальными средствами, создавая при этом развлекательный эффект, воздействующий сразу на несколько сенсорных каналов восприятия. В этом контексте их влияние на процесс самовосприятия личности и формирование коллективной идентичности становится бесспорным, особенно в эпоху цифровых технологий, когда идентичность все более «социально опосредована» [Harré, 1983].

Несмотря на то, что данная идея была высказана несколько десятилетий назад, она остается актуальной и в современной медиасреде, где границы между личной, этнической и национальной идентичностью становятся все более размытыми.

Этническое самосознание соотносится с национальной идентичностью в контексте Вьетнама, учитывая многонациональный состав страны. Вьетнам, обладая богатым историческим наследием и этнокультурным многообразием, демонстрирует особую динамику формирования этнического самосознания в условиях активной международной интеграции и интенсивного проникновения лексических и культурных заимствований. Средства массовой информации (СМИ) играют ключевую роль в этом процессе, выступая инструментом не только передачи культурных ценностей, но и конструирования национального дискурса, влияющего на процессы самоидентификации общества.

Актуальность исследования обусловлена трансформацией роли СМИ в условиях цифровой эпохи: они перестают быть лишь каналом распространения информации и становятся мощным инструментом влияния на массовое сознание. Вьетнамские медиа выполняют не только информационную, но и идеологическую функцию, формируя общественное мнение и воздействуя на восприятие национальной идентичности. В условиях активного взаимодействия локальных и глобальных дискурсов анализ их языковых стратегий приобретает особую значимость.

Научная новизна заключается в том, что ранее недостаточно изучались конкретные языковые механизмы формирования этнической идентичности именно в контексте вьетнамских СМИ, особенно с учетом их специфики и влияния международной интеграции и распространения заимствований.

Материал исследования включает публикации ведущих вьетнамских СМИ (печатных и онлайн-изданий), а также примеры дискурсивных стратегий, применяемых в медиaprостранстве. Для анализа использованы методы прагматического и стилистического анализа, а также сравнительно-сопоставительный подход. Такой комплексный подход позволил выявить языковые средства, с помощью которых формируется образ этнического единства и конструируется национальная идентичность в различных типах медийных дискурсов.

Для достижения данной цели решаются следующие задачи:

- определить основные лексико-стилистические особенности языка государственных СМИ Вьетнама;
- рассмотреть роль региональных диалектов и этнических маркеров в альтернативных медиа;
- оценить влияние международной интеграции и распространения заимствований на языковые трансформации в медиaprостранстве Вьетнама и их роль в процессах национальной самоидентификации.

Прежде чем приступить к нашему исследованию, следует уточнить, что понимается под этническим самосознанием, а также провести анализ существующих работ по данной теме.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Этническое самосознание представляет собой осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической общности, что выражается в идентификации себя с ее культурными, историческими и социальными особенностями. Этот процесс включает когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Когнитивный аспект отражает знания о своей этнической группе, ее истории, языке и традициях; эмоциональный компонент проявляется в чувстве гордости, сопричастности или, наоборот, отчуждения; поведенческий аспект выражается в сохранении и воспроизводстве культурных норм и традиций в повседневной жизни.

Исследования, посвященные этническому самосознанию, подтверждают его сложную многоуровневую природу. Ф. С. Файзуллин определяет этническое самосознание как отражение бытия этнических общностей, формируемое под влиянием различных факторов, включая язык, культуру, территорию и религиозные принципы [Файзуллин, 2013]. Оно развивается в ходе исторических процессов и формирует устойчивые механизмы самоидентификации и социального взаимодействия. Подобный

подход поддерживается и другими исследователями, отмечающими, что этническое самосознание позволяет людям осознанно идентифицировать себя с определенным этносом и поддерживать культурную преемственность [Бромлей, 1983; Козлов, 1969].

Современные исследования подчеркивают, что язык играет ключевую роль в формировании этнического самосознания, обеспечивая трансляцию ценностей и норм, а также выступая этнодетерминирующим фактором [Бражникова, 2023; Зененко, 2018]. Исследования С. И. Баляева и Ф. С. Файзуллина показывают, что этнические стереотипы, формируемые СМИ, не только закрепляют существующие образы этнических групп, но и оказывают влияние на восприятие идентичности внутри самой группы [Баляев, 2012]. Баляев указывает, что в зависимости от политического и социального контекста стереотипы могут быть как консолидирующими, так и деструктивными.

Исследования медиалингвистического аспекта этнического самосознания показывают, что язык в СМИ является инструментом не только передачи информации, но и конструирования социальной реальности [Прошенкова, 2010, с. 61]. В частности, изучение лексики, семантики и риторических стратегий показывает, как СМИ формируют образы «своих» и «чужих», создавая устойчивые нарративы идентичности. В частности, Баляев подчеркивает, что медиадискурс регулирует восприятие этнических групп и может как укреплять национальную идентичность, так и приводить к ее трансформации [Баляев, 2012].

Определение этнического самосознания и его зависимость от языковых механизмов в СМИ позволяет перейти к рассмотрению конкретных лексико-стилистических особенностей языка государственных медиа Вьетнама.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СМИ

Государственные СМИ Вьетнама играют ключевую роль в формировании национального единства, выступая в качестве основного инструмента интеграции. Их главная задача заключается в создании единого в идеологическом плане дискурса, отражающего основные ценности общества. Для этого в текстах широко используется стандартизированная лексика, подчеркивающая важность коллективных усилий и национального духа. Например, такие выражения, как *đại đoàn kết dân tộc* (великое национальное единство), *xây dựng đất nước phồn vinh* (создание процветающей страны) и *chủ nghĩa yêu nước* (патриотизм), регулярно появляются в официальных сообщениях, особенно в речи политических

лидеров и государственных новостных порталах, таких как *Báo Nhân Dân* (газета «Народ») и VTV1.

Одна из ключевых стилистических особенностей языка государственных СМИ состоит в использовании формально-нейтрального и официального стиля, исключающего акцентирование этнических различий. Такой подход позволяет создавать универсальное информационное пространство, которое понятно для всех этнических групп страны. Например, в материалах на платформе *Báo Nhân Dân* можно наблюдать строгое следование официальным литературным нормам вьетнамского языка, которые преимущественно опираются на северный диалект (ханойский говор) и отсутствие региональных диалектизмов. Это способствует восприятию контента как объективного и инклюзивного, что особенно важно в условиях этнокультурного многообразия страны.

Важным элементом языковой политики в СМИ является контроль над терминологией, связанной с межэтническими отношениями. Так, вместо использования терминов, акцентирующих различия между этническими группами, применяются обобщенные понятия, такие как *cộng đồng các dân tộc Việt Nam* (сообщество народов Вьетнама), *người con đất Việt* (дети вьетнамской земли) или *đồng bào* (соотечественники, букв. 'дети из одной утробы'). Этот термин, активно используемый со времен Хо Ши Мина, подчеркивает идею общего происхождения всех вьетнамцев, восходя к мифу о драконе и фее. Согласно легенде, их дети родились из одного мешка, в котором было 100 яиц (*bọc trăm trứng*), символизируя кровное единство нации, которое сохраняется вне зависимости от региональных или социальных различий.

В случае необходимости упоминания о каких-либо народностях используется понятие *dân tộc thiểu số* (национальные меньшинства) вместо конкретных этнонимов, таких как Хмонг, Таи, Зяо и др. Для терминов, которые могли бы подчеркнуть различия между этническими группами, СМИ используют обобщенные или позитивно окрашенные формулировки, среди которых *vùng sâu vùng xa* (отдаленные районы, вместо «этнические меньшинства в труднодоступных районах») или *văn hóa truyền thống các dân tộc* (традиционная культура народов, вместо указания на различие между этническими традициями).

При описании развития общества и этнических отношений государственные СМИ используют единые, инклюзивные формулировки, избегая разделения населения по национальному признаку:

Chính sách hỗ trợ vùng khó khăn – политика поддержки **сложных регионов** (вместо указания конкретных этнических групп);

Xóa đói giảm nghèo cho mọi người dân – борьба с бедностью **для всего населения** (вместо «поддержка бедных этнических меньшинств»).

О. В. Новакова полагает, что свою идентичность восточные общества сохраняют только путем восстановления прежней системы ценностей в новом контексте [Новакова, 2021]. Данная тенденция наблюдается и во Вьетнаме. В языке государственных СМИ Вьетнама активно используются отсылки к исторической памяти для консолидации общества и легитимации государственной политики. Вьетнамские СМИ регулярно обращаются к периодам, интерпретируемым как «золотые века», таким как эпоха Хонг Дык (XV в.) или правление императора Минь Манга (XIX в.), представляя их как периоды процветания и укрепления национального суверенитета [там же]. Например, выражения: *Lịch sử hào hùng của dân tộc ta* (героическая история нашей нации) и *Học tập và noi gương tổ tiên* (учиться и следовать примеру предков) – подчеркивают преемственность исторического опыта и его значимость для современности. Подобная риторика формирует представление о Вьетнаме как о государстве с глубокими историческими корнями, способном преодолевать современные вызовы благодаря национальному единству и культурно-этнической устойчивости.

Особое место в языковых маркерах СМИ, способствующих консолидации общества, занимает мифологическая составляющая, связанная с легендой о происхождении вьетнамского этноса, в официальной риторике Вьетнама, особенно в программных речах политических лидеров, нередко звучит выражение *con Rồng cháu Tiên* (дети дракона и феи). Этот образ символизирует идею этнического единства и подкрепляет государственную идеологию, согласно которой все вьетнамцы происходят от общих предков, независимо от этнической принадлежности. В политическом дискурсе также часто встречаются отсылки к королям Хунгам как основателям первого вьетнамского государства, что выражается в таких фразах, как *cháu vua Hùng* (потомки королей Хунгов) и пословице *Con người có tổ, có tông. Như cây có cội, như sông có nguồn* (У людей есть предки и род, как у дерева – корни, как у реки – исток). Эти выражения не только укрепляют национальную идентичность, но и служат инструментом поддержания общественной сплоченности. Аналогично, культ личности Хо Ши Мина приобретает сакральное значение, его образ позиционируется как продолжение традиционной государственной идеологии. СМИ часто подчеркивают роль Хо Ши Мина и исторических героев, таких как Чан Хынг Дао, в качестве духовных покровителей и символов

национального единства, используя выражения вроде *noi gương Bác Hồ* (следовать примеру дяди Хо) и *tinh thần Trần Hưng Đạo* (дух Чан Хынг Дао).

Государственные СМИ активно используют риторические приемы, направленные на эмоциональное воздействие. В политических речах и официальных публикациях встречаются метафоры, подчеркивающие силу и стойкость вьетнамского народа:

Việt Nam **kiên cường** vượt qua thử thách. –
Вьетнам **стойко** преодолевает испытания.

Đất nước **vững vàng** tiến lên. –
Страна **уверенно** движется вперед.

Tinh thần **bất khuất** của dân tộc ta. –
Несгибаемый дух нашего народа.

Данный подход можно наблюдать в репортажах о многонациональных фестивалях, таких как *Lễ hội văn hóa các dân tộc Việt Nam* (Фестиваль культуры народов Вьетнама), где акцент делается на общей культурной интеграции, а не на индивидуальных особенностях каждого этноса. Аналогичная стратегия прослеживается в освещении национальных праздников, например, *Ngày hội Đại đoàn kết toàn dân tộc* (День великого национального единства), где подчеркивается сплоченность всех этнических групп страны вокруг общих исторических и культурных ценностей.

В медийном пространстве такие события преподносятся как проявление единства национального духа и гармоничного сосуществования различных народов под эгидой общего вьетнамского наследия. СМИ подчеркивают не только культурное многообразие, но и его роль в формировании единой национальной идентичности. Таким образом, концепция этнического и культурного единства, основанная на мифологических и исторических нарративах, находит отражение не только в официальных речах, но и в повседневных медиапрактиках.

Однако стандартизированный язык государственных СМИ имеет и определенные ограничения. Вопросы этнической идентичности часто рассматриваются через призму общей национальной политики, что снижает степень индивидуализации восприятия отдельных этнических групп. Например, уникальные традиции народа хмонг, такие как ритуал *phar ta* (духовное подношение), или фестиваль *Gạo Tày* у народа Тэй, редко получают глубокое освещение в государственных медиа. В то же время, культурные элементы, которые можно представить в контексте национального единства, такие как празднование *Tết Nguyên Đán* – Нового года

по лунному календарю или фестивалю *Trung Thu* – «Праздника середины осени», широко освещаются и позиционируются как объединяющие символы.

В условиях активного экономического роста и технологического прогресса наблюдается интенсивное расширение понятийного аппарата, что сопровождается возрастанием количества заимствований в языке государственных СМИ. Наиболее заметны заимствования из английского языка, что подтверждает наш ранее сформулированный тезис: «на современном этапе развития вьетнамского языка основным языком, из которого заимствуется лексика, является английский» [Сербин, 2021, с. 119]. Так, в репортажах на телеканале VTV1 часто можно встретить англицизмы, такие как *startup*, *blockchain*, *AI*, *IoT*, *IPO* и др. Эта тенденция указывает одновременно на стремление заполнить лексические лакуны и на курс Вьетнама к включению в глобальное информационное и технологическое пространство. Однако, наряду с вновь появившимися понятиями, нередко наблюдается их постепенная адаптация и вьетнамизация, обусловленная как фонетическими и грамматическими особенностями национального языка, так и политикой, направленной на сохранение чистоты национального языка.

Рассмотрев лексико-стилистические особенности государственных СМИ в формировании этнического самосознания, представляется важным обратиться к роли альтернативных медиа в этом процессе.

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ И ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕДИА

В отличие от государственных СМИ, ориентированных на стандартизированный и формально-нейтральный язык, альтернативные медиа Вьетнама часто используют региональные диалекты и этнические маркеры как инструмент привлечения аудитории, выражения локальной идентичности и укрепления связи с представителями различных этнических групп. Эти платформы, включая независимые новостные сайты, блоги, каналы YouTube, подкасты и социальные сети, служат пространством для более свободного самовыражения и отображения культурного многообразия страны.

Одним из главных отличий альтернативных медиа является активное использование региональных диалектов, преимущественно в устной и аудиовизуальной коммуникации. Особенностью представления диалектов в альтернативных медиа служит их различное позиционирование в зависимости от региональной принадлежности. Так, южный диалект (особенно говор Хошимина и дельты Меконга) активно используется в юмористическом

контенте и развлекательных программах, так как воспринимается аудиторией как неформальный, открытый и подходящий для шуток и сатиры. Примеры такого контента можно найти на популярных каналах YouTube «Color Man», «Dura Leo», в юмористических шоу «Cười xuyên Việt» и многочисленных роликах TikTok. Северный диалект (ханойский говор), напротив, традиционно считается основой национального литературного стандарта и широко представлен во всех жанрах медиа – от официальных государственных программ до юмористических и сатирических проектов «1977 Vlog», «Kem Xôi TV», «Loa Phường». Благодаря этому он воспринимается как универсальный и не привязанный исключительно к формальным или аналитическим жанрам. Центральный диалект (особенно говор провинции Тхыатхьен-Хюэ и города Хюэ) чаще всего используется в историко-культурных, туристических, документальных и познавательных передачах, чтобы подчеркнуть культурную уникальность и богатую историческую память региона. Примеры можно встретить на региональных телеканалах (VTV Huế, HuếTV) или канале *Nét Huế*.

Такое различное представление диалектов в альтернативных медиа подчеркивает региональное языковое и культурное разнообразие Вьетнама и одновременно способствует формированию устойчивых стереотипов о характере и особенностях жителей каждого региона страны.

Кроме того, диалекты в альтернативных медиа часто используются для создания юмористического или сатирического эффекта. Например, в TikTok и YouTube регулярно появляются короткие видео, в которых разыгрываются речевые контрасты между носителями разных региональных вариантов. Например, южане иронизируют над «жесткой» интонацией северян, а северяне – над расслабленным произношением южан. Особое место в этом ряду занимает говор провинции Нгеан, считающийся одним из самых трудно понимаемых среди носителей других регионов. В массовом восприятии он часто ассоциируется с чрезмерной сжатостью звуков, гортанностью и нестандартной лексикой, что делает его объектом шуток и пародий. Так, в популярных роликах можно услышать фразы вроде *Răng rúa mi đi mô rồi hây?* (Куда ты опять делся?), которые для многих вьетнамцев из других регионов звучат почти как иностранная речь. Языковая вариативность становится инструментом для пародий на различные социальные группы, что делает контент более привлекательным для широкой аудитории. В сатирических передачах, таких как *Ghiền Mi Gõ*, подобные диалектные особенности используются для создания юмористических типажей и социальных карикатур, усиливая комический

эффект и способствуя вирусному распространению «продукта».

Важным аспектом является использование этнических маркеров, которые помогают подчеркнуть культурную специфику контента и повысить его привлекательность для представителей этнических меньшинств. Например, в альтернативных медиа часто встречаются заимствования из языков малых народов, таких как *pơ thi* (традиционный ритуал у народности Ба На) или *cồng chiêng* (гонги, используемые в ритуалах горных народов). В таких проектах, как «Radio Tây Nguyên» и «VTV5 – Đài Truyền hình dân tộc», активно применяются местные выражения, этнографические термины и даже уникальные фразеологизмы, характерные для различных этнических групп Вьетнама.

Кроме лексических особенностей, альтернативные медиа используют визуальные и аудиальные этнические маркеры. Например, блогеры TikTok, представляющие народы хмонг, тэй, нунг или эде, не только говорят на своем языке, но и демонстрируют традиционные костюмы, музыкальные инструменты и элементы быта, делая свои видео более колоритными и аутентичными. Некоторые блогеры, такие как *A Páo Vlog*, активно продвигают культуру своего народа, рассказывая о традиционных праздниках, особенностях национальной кухни и истории этнических групп. Такой подход создает эффект «этнического повествования», позволяя зрителям погрузиться в локальные традиции, минуя стандартизированные форматы официальных СМИ.

Продолжением этой тенденции становится интеграция этнокультурных кодов в музыкальные и сценические форматы, особенно на площадке YouTube. Здесь традиционные жанры, такие как *quan họ*, *hát chầu văn* или горские протяжные мелодии, нередко перерабатываются в современных аранжировках, сохраняя при этом региональную интонационную и символическую структуру. Так, в вирусном клипе *Bắc Bling (2024)* певица *Hòa Minzy* объединяет визуальные и речевые элементы фестиваля *Hội Lim* с народным песенным жанром *quan họ* и ритмикой EDM, создавая поликодовый текст, в котором диалект, костюм, музыка и ритуальный контекст работают совместно. Похожим образом в выступлении *Kiều Anh* с номером *Phong Nữ – Cô Đồi Thượng Ngàn* ритуал *hát chầu văn*, связанный с культом Матери (*thờ Mẫu*), переосмысливается как сценическая композиция, сочетающая традиционные инструменты, вокал и обрядовую пластику. В свою очередь, диджей *2pillz* интегрирует звучание национальных инструментов и этническую мелодию в электронную музыку, формируя гибридный звуковой ландшафт. Все эти практики демонстрируют, как современные альтернативные медиа

формируют новое пространство репрезентации локальной идентичности, в котором этнические знаки обретают актуальность через взаимодействие различных выразительных кодов.

Тем не менее, роль альтернативных медиа в сохранении и популяризации региональных диалектов и этнических идентичностей нельзя недооценивать. Они создают пространство, в котором малые народы и региональные группы могут говорить на своем языке, обсуждать свои проблемы и транслировать свою культуру широкой аудитории. Например, этнические радиостанции, такие как *Đài Phát thanh và Truyền hình Tây Bắc*, ориентированные на народы северо-западного Вьетнама, не только сохраняют язык хмонг, но и предоставляют платформу для обсуждения социально-экономических и культурных вопросов, актуальных для этой общины.

Таким образом, альтернативные медиа Вьетнама играют важную роль в популяризации региональных диалектов и этнических особенностей, предлагая более гибкий и аутентичный формат коммуникации. В то же время формирование этнического самосознания в языке СМИ тесно связано с процессами лексических заимствований, обусловленными активной международной интеграцией Вьетнама.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ НА ЯЗЫК СМИ

Активная международная интеграция и распространение заимствований оказывают значительное влияние на язык СМИ, приводя к трансформации лексики, стилистики и коммуникативных стратегий. В условиях цифровой эры медиaproстранство становится всё более международным, а языковые процессы в СМИ отражают сложные тенденции взаимодействия глобального и локального дискурсов. Это проявляется в заимствовании иностранных слов, адаптации англоязычных терминов, использовании гибридных языковых форм и изменении традиционных журналистских стандартов.

Одним из ключевых последствий международной интеграции для медийного языка является распространение англицизмов. В современных СМИ, особенно в цифровых и молодежных платформах, всё чаще встречаются заимствования из английского языка, такие как *trend* (*тренд*), *hashtag* (*хештег*), *influencer* (*инфлюенсер*), *livestream* (*прямая трансляция*) и *fact-checking* (*проверка фактов*). Например, во вьетнамских новостных порталах и социальных сетях можно встретить заголовки типа *Hot trend*

TikTok или *KOLs đang làm mưa làm gió trên mạng xã hội*, где *KOLs* (Key Opinion Leaders)¹ обозначает лидеров мнений (Лидеры мнений бушуют в соцсетях). Такие выражения становятся частью современного медиадискурса, поскольку они делают контент более привлекательным для молодежной аудитории, ориентированной на мировые тренды.

Наряду с этим наблюдается и более глубинная трансформация, при которой заимствуется не только лексика, но и стилистика англоязычной журналистики. Онлайн-издания вроде *VNExpress* и *Zing News* чаще используют заголовки, построенные по западному образцу: краткие, динамичные, рассчитанные на немедленное привлечение внимания. В них заметна ориентация на риторику кликабельности: *Bí kíp thành công của CEO trẻ tuổi (Секрет успеха молодого CEO)*², *Điều bất ngờ về xu hướng NFT³ (Неожиданные факты о тренде NFT)* и другие примеры демонстрируют адаптацию под алгоритмическую логику платформ. В результате заголовков начинает функционировать как автономный медиатекст, теряющий связь с традиционной структурой новостного сообщения. Это свидетельствует о глубинной трансформации журналистского дискурса под влиянием глобальных медиастандартов.

Международная интеграция также влияет на тональность и стилистику СМИ. Если ранее журналистика в большинстве стран придерживалась официально-нейтрального или академического стиля, то сегодня наблюдается переход к неформальной и персонализированной подаче материала. Это особенно заметно в онлайн-журналистике и социальных медиа, где широко используется разговорная лексика, мемы, эмодзи и сленговые выражения. Например, заголовки в социальных сетях часто оформляются в формате, близком к разговорному стилю: *Sốc! Một YouTuber nổi tiếng bị bóc phốt lừa đảo! (Шок! Известного YouTube-блогера разоблачили на мошенничестве!)* Такой стиль делает информацию более доступной для массовой аудитории, но одновременно снижает стандарты формальной журналистики.

Одним из характерных трендов последних лет становится рост мультимодальности, сочетающей текст с визуальными и аудиальными элементами. Влияние англоязычных и западных СМИ приводит к тому, что инфографика, короткие видеоролики и интерактивные элементы становятся важной

частью журналистики. Например, на платформах *Tuổi Trẻ Online* и *VietnamNet* всё чаще публикуются новости в формате коротких видеозаметок с субтитрами, что напоминает формат, популярный в западных медиа, таких как *BBC News* или *CNN*.

Однако активное заимствование зарубежных моделей несет в себе вызовы для языковой идентичности СМИ. Возникает риск потери национальных языковых черт, ослабления традиционной журналистской этики и растущая зависимость западных стандартов подачи информации. Например, во Вьетнаме некоторые языковеды обеспокоены тем, что чрезмерное использование англицизмов может привести к снижению интереса к вьетнамскому языку и его культурным кодам⁴. Кроме того, под влиянием глобальных медиатрендов в новостях стало больше сенсационности, кликбейта и упрощенных интерпретаций сложных проблем, что снижает качество информационного контента.

В ответ на эти вызовы многие государственные СМИ и академические круги стремятся защитить языковую идентичность. Например, академия общественных наук Вьетнама активно изучает влияние иностранных заимствований и предлагает рекомендации по их адаптации в национальный контекст. Одновременно некоторые государственные каналы, такие как *Báo Nhân Dân*, намеренно сохраняют традиционные лексические и стилистические нормы: *Startup – Khởi nghiệp (стартап)*; *Brand – Thương hiệu (бренд)*; *CEO (Chief Executive Officer) – Giám đốc điều hành (исполнительный директор)*; *Livestream – Phát trực tiếp (прямая трансляция)* и др.), избегая чрезмерного влияния англицизмов и западных стандартов подачи информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что вьетнамские СМИ играют ключевую роль в формировании этнического самосознания, используя различные лексико-стилистические, дискурсивные и медиалингвистические механизмы. Государственные медиа демонстрируют тенденцию к стандартизации языка, подчеркивая ценности национального единства, патриотизма и исторической преемственности. С помощью унифицированных формулировок, мифологических нарративов и стилистически-нейтральных выражений они формируют идеологически выстроенное медиaproстранство, ориентированное на интеграцию этнически разнородного населения.

¹URL: <https://vtv.vn/xa-hoi/bao-ve-ban-sac-van-hoa-viet-nam-truoc-su-xuyen-tac-doc-hai-idol-hech-chuan-20230429005629016.htm> (дата обращения: 10.07.2025).

²URL: <https://vnexpress.net/bi-quyet-thanh-cong-cua-ceo-nvidia-4723184.html> (дата обращения: 10.07.2025).

³URL: <https://tuoitre.vn/thay-doi-cach-nghi-ve-truyen-thong-giai-tri-viet-nam-20220421070605646.htm> (дата обращения: 10.07.2025).

⁴URL: <https://www.sggp.org.vn/cao-xuan-hao-va-noi-tran-tro-giu-gin-tieng-viet-post146480.html> (дата обращения: 10.07.2025).

⁵URL: <https://baocaovien.vn/tin-tuc/nguoi-tre-noi-chem-tieng-anh-can-lam-chu-va-thuan-thuc-ngon-ngu/56591.html> (дата обращения: 10.07.2025).

Альтернативные медиа создают возможности для выражения локальной идентичности, активно используя региональные диалекты, этнические маркеры и визуально-звуковые коды, что способствует популяризации локальных культур и укреплению этнической идентичности. Популярные медиаплатформы (*YouTube, TikTok, Instagram*) позволяют представителям этнических меньшинств выражать свою культурную принадлежность, демонстрируя языковое и культурное разнообразие Вьетнама.

Международная интеграция и распространение англоязычных заимствований существенно трансформируют медиадискурс, стимулируя адаптацию западных моделей подачи новостей и мультимедальных форматов. Это позволяет сделать медиа более динамичными и привлекательными, особенно для молодой аудитории, но одновременно ставит под вопрос устойчивость национальных языковых норм. В условиях давления со стороны глобальных стандартов перед вьетнамским медиаполем

встает задача сохранения языковой и культурной самобытности.

Таким образом, современное медиaprостранство Вьетнама развивается в условиях напряженного взаимодействия между государственными и альтернативными медиа, локальными и глобальными дискурсами, единообразием и многообразием. Язык в этом контексте выполняет не только коммуникативную, но и символическую функцию, он становится пространством, где пересекаются национальное, региональное и глобальное.

Дальнейшее развитие вьетнамских СМИ будет зависеть от способности интегрировать инновационные подходы к коммуникации, сохраняя при этом национальную и этническую специфику. Важно, чтобы язык СМИ продолжал выполнять свою интеграционную функцию, не ущемляя языковое и культурное многообразие страны, а также способствовал формированию устойчивой и самобытной национальной идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Harré R. *Personal Being: A Theory for Individual Psychology*. Cambridge: Harvard University Press, 1983.
2. Файзуллин Ф. С. Этническое самосознание и факторы его формирования // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2013. Т. 18. № 3. С. 58–65.
3. Бромлей Ю. В. *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 1983.
4. Козлов В. И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы // Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1969.
5. Бражникова И. Е. Национальная идентичность и ее языковая репрезентация в мексиканском лингвокультурном пространстве // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 1. С. 54–61. DOI :10.37482/2687-1505-V239.
6. Зененко Н. В. Этническое самосознание и лингвистический национализм (на материале испанского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 10 (803). С. 59–69.
7. Баляев С. И. Этнический стереотип как социально-перцептивный феномен группового самосознания // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2012. № 4. С. 9–11.
8. Прощенкова Н. В. Лексика как отражение этнического самосознания (на материале близкородственных языков) // Этнопсихологические проблемы в современном мире : Материалы международной научно-практической конференции, Благовещенск, 01 марта 2010 года / отв. ред. Е. В. Афонсенко. Вып. IV. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2010. С. 130–135.
9. Новакова О. В. Национальные ценности, вызовы модернизации и религиозная ситуация во Вьетнаме в XXI веке // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности: Статьи международной онлайн конференции, Москва, 21–22 октября 2020 года. М.: Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. С. 265–281.
10. Сербин В. А. О заимствованиях в военной терминологии современного вьетнамского языка // *Litera*. 2021. № 1. С. 110–124.

REFERENCES

1. Harré, R. (1983). *Personal Being: A Theory for Individual Psychology*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Faizullin, F. S. (2013). Ethnic consciousness and its forming factors. *Herald of the Academy of sciences of the Republic of Bashkortostan*, 18(3), 58–65. (In Russ.)
3. Bromlej, Yu. V. (1983). *Essays on the Theory of Ethnos*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

4. Kozlov, V. I. (1969). Population Dynamics: Methodology and Key Factors. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Brazhnikova, I. E. (2023). National Identity and Its Linguistic Representation in the Mexican Linguocultural Space. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki, 23(1), 54–61. DOI :10.37482/2687-1505-V239. (In Russ.)
6. Zenenko, N. V. (2018). Ethnic identity and Linguistic Nationalism (Based on the Spanish). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(803), 59–69. (In Russ.)
7. Balaev, S. I. (2012). Ethnic Stereotype as a Socio-Perceptive Phenomenon of Group Identity. Sborniki konferencij NITs "Sociosfera", 4, 9–11. (In Russ.)
8. Proshchenkova, N. V. (2010). Lexis as a reflection of ethnic self-consciousness (based on related languages). In Afonassenko, E. V. (Ed.), Ethnopsychological issues in the modern world (Vol. IV, pp. 130–135): proceedings of the international scientific-practical conference, Blagoveshchensk, March 1, 2010. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. (In Russ.)
9. Novakova, O. V. (2021). National values, challenges of the modernisation and religious situation in Vietnam in the XXI century. In Independent Vietnam: national interests and values (pp. 265–281): proceedings of the international online conference, 2020, October 21–22, Moscow.M.: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
10. Serbin, V. A. (2021). On Borrowings in the Military Terminology of the Contemporary Vietnamese Language. Litera, 1, 110–124. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сербин Владимир Алексеевич

кандидат филологических наук

доцент Военного учебного центра

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serbin Vladimir Alekseevich

PhD in Philology

Associate Professor at the Military Training Center

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	14.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Научная статья
УДК 81'42:[37:81'243:81'232]

Экология образовательного медиадискурса: функционал «emocio et rasio»

О. В. Сергеева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
docsov117@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются наиболее значимые функциональные особенности экологического проявления когнитивно-аффективной сферы языковой личности в современном образовательном медиадискурсе. Для достижения этого в рамках антропоцентрического, когнитивного и экологического подходов применяются такие методы, как индуктивно-дедуктивный метод, описательный метод, лингвокогнитивный анализ, концептуальный анализ, контент-анализ, дискурс-анализ, функциональный анализ, интерпретативный анализ, количественный анализ. Материалом выступают отобранные приемом сплошной выборки российские и зарубежные образовательные и околообразовательные медиатексты. Установлено, что в современном образовательном медиадискурсе выделяются следующие функциональные особенности экологического проявления *emocio et rasio*: естественный интеллект, эмоциональный интеллект, искусственный интеллект.

Ключевые слова: образовательный медиадискурс, языковая личность, экология, функционал, эмоциональное и рациональное, естественный интеллект, эмоциональный интеллект, искусственный интеллект

Для цитирования: Сергеева О. В. Экология образовательного медиадискурса: функционал «emocio et rasio» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 96–104.

Original article

Ecology of the Educational Media Discourse: Functionality “Emocio et Racio”

Olga V. Sergeeva

Kuban State University, Krasnodar, Russia
docsov117@mail.ru

Abstract. The article identifies the most significant functional features of the ecological manifestation of the cognitive-affective sphere of the linguistic personality in the modern educational media discourse. To achieve this, methods such as inductive-deductive method, descriptive method, linguocognitive analysis, conceptual analysis, content analysis, discourse analysis, functional analysis, interpretive analysis, and quantitative analysis are used within the framework of anthropocentric, cognitive, and environmental approaches. The material is selected using a continuous sample of Russian and foreign educational and near-educational media texts. It has been established that the following functional features of the ecological manifestation of *emocio et racio* are distinguished in the modern educational media discourse: natural intelligence, emotional intelligence, artificial intelligence.

Keywords: educational media discourse, language personality, ecology, functionality, *emocio et racio*, natural intelligence, emotional intelligence, artificial intelligence

For citation: Sergeeva, O. V. (2025). Ecology of the educational media discourse: functionality “emocio et racio”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 96–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Возрастающий интерес к изучению лингвосемиотической вербализации рациональных и эмоциональных концептов [Красавский, 2001; Karpovskaya, Shiryayeva, Zheltukhina, 2019; Желтухина, Парамонова, Бусыгина, 2023], вербальных и невербальных средств формирования и передачи эмотивного смысла [Желтухина, 2003; Патюкова, 2008; Prosen, Vitulić, Škraban, 2014], эмоциогенности языка СМИ в рамках лингвистической теории эмоций [Wierzbicka, 1999; Шаховский, 2008; Прибрам, 2009; Нечай, Буянова, 2016] акцентирует проблему экологии языка, чувств и разума [Naugen, 1972; Сковородников, 2000; Брусенская, Куликова, 2018; Шаховский, 2019], *emotio* и *ratio* в их различных проявлениях и корреляциях в современном реальном [Zhao, Tamir, 2022; Желтухина, Спорова, 2024; Сергеева, Желтухина, 2024] и виртуальном коммуникативном пространстве [Guseinova, Gorozhanov, Kosichenko, 2019; Gorozhanov, 2019; Sergeeva, Zheltukhina, Ponomarenko, 2025], в том числе в образовательном медиадискурсе [Иванян, 2016; Казанцева, 2019; Потеряхина, Багиян, 2021; Сергеева, 2023]. Данная проблема решается во всем многообразии лингвистических и междисциплинарных направлений от изучения вербальных средств на разных уровнях языка до комплексного анализа вербальных, невербальных и смешанных средств в разных типах текстового материала, передающих рациональное и эмоциональное в сообщениях о предметах, явлениях и событиях в образовательной медиакommunikации. В рамках антропоцентрического и когнитивного, экологического подходов в центре исследований такого рода стоит человек с его естественным и эмоциональным интеллектом, а также анализируется взаимодействие языковой личности с искусственным интеллектом с учетом экологичности порождаемой и воспринимаемой информации. Цель данной статьи – выявление наиболее значимых функциональных особенностей экологического проявления когнитивно-аффективной сферы языковой личности в современном образовательном медиадискурсе, изучение которых представляется перспективным для лингвистических и междисциплинарных исследований на будущие годы: изучение естественного интеллекта, эмоционального интеллекта и искусственного интеллекта на материале образовательного медиадискурса в экологическом ракурсе.

Новизна данного исследования заключается в установлении функционала экологического проявления *emotio et ratio* акторов современного образовательного медиадискурса. Теоретическая

значимость результатов работы состоит в том, что они вносят вклад в развитие лингвоэкологии, дискурсивной лингвистики, медиалингвистики, лингвосемиотики, психо- и социалингвистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, лингвистики эмоций, теории воздействия, теории языковой личности. Практически ценными представляются выявленные функциональные особенности экологического проявления когнитивно-аффективной сферы языковой личности в современном образовательном медиадискурсе для преподавания гуманитарных и технических дисциплин, а также для профессиональной деятельности специалистов по филологии, журналистике, педагогике, психологии, социологии, политологии, информационным технологиям и т. д. в современной образовательной цифровой медиасреде.

Остановимся на наиболее значимых функциональных особенностях экологического проявления когнитивно-аффективной сферы языковой личности в современном образовательном медиадискурсе, выявленных в процессе анализа фактического материала, а именно: естественного интеллекта, эмоционального интеллекта языковой личности и ее взаимодействия с искусственным интеллектом в экологическом аспекте.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЯВЛЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Медиатексты и специальные источники подчеркивают, что важными задачами языковой личности педагога в образовательном медиадискурсе являются формирование и развитие у обучающихся критического мышления [Demidov, Syrina, Tretyakov, 2020].

Когнитивно-критическая функция – функция, которая заключается в том, что естественный интеллект языковой личности реализует когнитивные процессы, направленные на формирование и развитие навыков аналитического, логического и критического мышления, чтобы обучающиеся и обучающие могли осмысленно воспринимать информацию, анализировать ее глубже, оценивать ее достоверность и применять полученные знания эффективно для решения проблем обучения или создания и реализации новых идей. Под «когнитивным» подразумевается использование таких процессов мышления, как запоминание, восприятие, внимание и решение задач. «Критическая» составляющая указывает на способность рассматривать различные точки зрения, находить недостатки и преимущества, а также аргументировать выводы.

Внедрение данной функции в образовательные медиасистемы может быть усилено с помощью искусственного интеллекта, который помогает строить индивидуальные траектории обучения, подбирать сложные задачи и адаптировать процесс обучения в современной цифровой медиасреде под когнитивные способности каждой языковой личности.

Обучение критическому анализу поступающей информации позволит распознавать фейки в образовательной медиакommunikации, что будет способствовать экологичности образовательного медиадискурса.

Фейки в образовательном медиадискурсе представляют собой ложную или неточную информацию, создающую риск дезинформации в образовательном медиaprостранстве и неправильного понимания учебных материалов [Трофимов, 2025], образовательных и околообразовательных медиaproцессов. Недостаточное внимание к обучению критическому мышлению и цифровой грамоте в современной цифровой медиасреде делает обучающихся фейкоуязвимыми. Обучающиеся делятся непроверенной информацией, часто не осознавая ее недостоверности, а социальные сети, а также мессенджеры, особенно принадлежащие Meta¹, увеличивают охват этой информации и скорость ее распространения, что влияет на качество образования.

Основные медиасoобщения акцентируют внимание на нехватке навыков критического анализа информации у обучающихся, что позволяет фейкам легче проникать в образовательные медиaproцессы. Недостаток систем проверки фактов в образовательных учреждениях может способствовать распространению фейковых материалов, представляющих угрозу их репутации и подрыву доверия со стороны обучающихся и общества. Образовательные учреждения должны принимать активное участие в распространении достоверной информации и противодействии дезинформации, обсуждать последствия распространения фейков в обществе и защите прав, создавать международные инициативы по борьбе с фейками в образовательных системах (например, в рамках БРИКС и т. п.).

Верящие фейкам обучающиеся могут делать ошибки в продолжении образования, выборе карьеры, основываясь на ложных предположениях и представлениях (например, информация о возможности быстро и дешево получить высшее образование, когда образовательная организация не имеет соответствующей лицензии). Малоизученные аспекты медиаобразования не позволяют

¹ Компания Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации.

обучающимся разобраться в вопросах достоверности и надежности информации. В связи с этим в образовательные программы для обучающихся и обучающихся нужно включать анализ фейковых новостей как медиаобразовательный аспект (например, часть образовательной дисциплины «Русский язык и культура речи» и т. п., модуль об информации по различению фактов и фейков), чтобы научить активно защищать свои взгляды, основанные на фактах, от фейковой информации, распознавать фейки, пользоваться ресурсами для проверки фактов (например, Snopes, FactCheck и др.), участвовать в открытых обсуждениях, где можно делиться разной информацией и проверять ее друг с другом, разрабатывать проекты, в которых обучающиеся анализируют примеры фейков и обсуждают их влияние на общество, а также бороться с фейками в образовательном медиаконтексте, не допуская использование в обучении недостоверной и искаженной информации по дисциплинам.

В результате анализа фактического материала установлено, что к основным функциям, которые реализуются в образовательном медиадискурсе в процессе медиатрансляции, нарушающим его экологичность, относятся также следующие:

1) **фальсифицирующая функция** – функция, в основе которой лежит намеренная медиатрансляция ложных сведений об образовательной медиасфере для введения в заблуждение обучающихся и их родителей через создание ложного впечатления о квалификации сотрудников образовательного учреждения, о качестве образования и др. (например, фейковые учебные заведения в интернете как несуществующие или предоставляющие недостоверную информацию о своей аккредитации (о ее наличии вместо ее отсутствия по всем или некоторым курсам и программам в офлайн- и онлайн-форматах), ложные отзывы о курсах и учебных заведениях, рейтингах, поддельные документы, статьи или материалы), что в конечном итоге подрывает доверие к системе образования;

2) **дезинформирующая функция** – функция, коррелирующая с фальсифицирующей функцией, которая базируется на намеренной или ненамеренной медиатрансляции искаженных фактов, необъективных и предвзятых материалов, социальных мифов, общих мифов об обучении, ложных представлений о научных фактах, которые могут укореняться в учебных материалах, непроверенных источников (из-за отсутствия желания и возможности проверки фактов), недостоверных источников, игнорирования альтернативных источников и т. п. Это затрудняет формирование научно грамотного и корректного мнения по изучаемым проблемам у обучающихся и подрывает доверие к настоящей

научно-образовательной деятельности (например, публикация фальшивых научных исследований, недоказанных теорий, проектов, статей, монографий, курсовых, дипломных и магистерских работ, которые не прошли рецензирование, содержат плагиат, со ссылками на несуществующие или неточные источники и ресурсы (например, <https://dissernet.org>); методические пособия и учебники с предвзятой информацией, высказанной автором или группой авторов с определенными взглядами (учебники по английскому языку как иностранному с продвижением нетрадиционных ценностей); методические ресурсы, формирующие ложные представления о том, как лучше всего учиться, приводящие к использованию неэффективных методов обучения и образовательным неудачам; фейковая героизация, теории заговора, фейковые теории по актуальным вопросам (пандемия, изменение климата, общественно-экономические и военнополитические события и пр.); ссылки на авторитетное мнение фейковых экспертов или недостаточно квалифицированных лиц для продвижения ложной информации о научных или образовательных вопросах и т. д.);

3) **воздействующая функция** – функция, которая основывается на апелляции фейковых медиасообщений к эмоциям, что делает их более убедительными (без убеждения!) и труднее оспариваемыми, негативно сказывается на учебной мотивации и результатах, а также влияет на психическое здоровье обучающихся, испытывающих информационный стресс, т. е. стресс, тревогу, чувство незащищенности и опасности, недоверие из-за постоянного контакта с фейками и дезинформацией [Бодров, 2000], который может перейти в синдром информационной усталости, обуславливающий неадекватное оценивание реальности, ложные умозаключения и принятие неверных решений (например, порождающие страх [Байбикова, Желтухина, Зубарева, 2014] манипулятивные эмоциональные заголовки или эмоционально окрашенные изображения для привлечения внимания и распространения недостоверной информации).

Анализ фактического материала наглядно демонстрирует активизацию в образовательном медиапространстве поисков технологий борьбы с фейками. Специалистами и экспертами в медиапрограммах предлагается анализ реальных примеров распространения фейков в образовании для понимания механизмов их воздействия и создания обучающего контента, включая вопросы изучения влияния фейков на образование в разных культурных контекстах и регионах. В интернете алгоритмы могут показывать только ту информацию,

которая подтверждает уже существующие взгляды, усугубляя проблему фейков. При этом необходимо внедрять технологии ИИ в образование для выявления и маркировки фейковых новостей, потенциально недостоверных источников. Важно развивать сотрудничество с медиаорганизациями для создания образовательных материалов, направленных на борьбу с дезинформацией, разработки платформ для обмена достоверной информацией и проверенными исследованиями (например, <https://ru.ruwiki.ru>).

Важными результатами проведенного анализа фактического материала можно назвать следующие:

- выявлены основные лингвистические механизмы защиты от фейков в образовательном медиадискурсе, которые состоят в обучении анализу и интерпретации фактов с фокусированием на корректном толковании терминов в разных науках, многозначных понятий в контексте;
- выявлены метафоры, риторические вопросы и другие манипулятивные языковые средства, запугивающие адресата, подменяющие факты мнением;
- распознаны разные стили и стереотипы;
- рассмотрена информация в более широком контексте для выявления недочетов и несоответствий;
- выявлена ясность и точность утверждений, особенно в сенсационных текстах;
- зафиксировано наличие личной заинтересованности автора или иного лица «кому выгодно?» для установления авторитетности и объективности источника;
- проанализирована тональность текста (позитивная или негативная) для оценки намерений медиаадресанта и возможных манипуляций;
- проведен сравнительный анализ различных источников на предмет их лексической структуры и подачи информации, логических ошибок, сложных грамматических конструкций, запутывающих и искажающих смысл, несоответствий, необоснованных выводов, преувеличений и утверждений, использования фактов и статистики без искажений;
- выявлены интертекстуальные связи для понимания возможных неверных толкований информации, интерпретации визуализации данных (графиков и таблиц) для распознавания возможных манипуляций с числовой информацией;
- сформулированы контрвопросы и контраргументы и др.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Еще одной из основных задач языковой личности педагога выступает развитие эмоционального интеллекта у обучающихся в образовательном медиадискурсе, что будет способствовать созданию лингвоэкологической цифровой среды в современном образовательном медиaprостранстве. Эмоциональный интеллект выполняет следующие функции в образовательном медиадискурсе:

1) **когнитивно-регулятивная функция** – функция понимания и управления эмоциями, которая заключается в осознании и восприятии собственных эмоций и чувств окружающих для создания более комфортной и поддерживающей образовательной среды, регулировании стресса и эмоций в условиях высокой нагрузки и давления образовательного процесса, повышении устойчивости обучающихся к неудачам и трудностям, уверенности в своих способностях к обучению, развитию эмоциональной грамотности для эффективного контроля эмоций и их влияния на поведение в образовательной медиасреде;

2) **кооперативная функция** – функция эмпатии и межличностного взаимодействия, которая состоит в углублении взаимодействия и улучшения коммуникации между обучающимися и обучающими благодаря развитию эмпатии, повышению навыков активного слушания и конструктивного диалога для лучшего обмена идеями между обучающимися, умении уважать культурные различия и развитию кросс-культурной коммуникации в глобализированном образовательном медиaprостранстве, а также навыков сотрудничества, поддерживающих эффективную групповую работу и проекты;

3) **самореализационная функция** – функция мотивации и личностного развития, которая реализуется в увеличении мотивации, вовлеченности и самоорганизации обучающихся в процессе обучения, развитии долгосрочных жизненных навыков управления отношениями, решения конфликтов, самосознания, формировании лидерских качеств и навыков управления командами, необходимых для профессионального роста, способности самореализовываться с учетом изменений в образовательной среде и внедрении практических заданий для освоения эмоциональных навыков;

4) **социально-адаптационная функция** – функция создания сред и структур для развития эмоционального интеллекта, которая раскрывается в формировании безопасного образовательного медиaprостранства, где обучающиеся могут

открыто выражать свои чувства и мысли, улучшения климата в классе за счет интеграции элементов эмоционального интеллекта среди обучающихся и обучающихся, интеграции медиаконтента и технологий, стимулирующих развитие эмоционального интеллекта, в образовательные медиaplatformы для улучшения онлайн-обучения, разработке учебных программ и упражнений (ролевых игр и проектов), способствующих активному развитию эмоционального интеллекта.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЯВЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Искусственный интеллект все более активно интегрируется в образовательный медиадискурс, приводя к значительным изменениям в подходах к обучению посредством медиа, образовательному и околообразовательному медиавзаимодействию, включая этику, защиту личных данных, безопасность и справедливое использование технологий.

Проведенный анализ позволил выявить следующие основные функции экологического проявления искусственного интеллекта в образовательном медиадискурсе:

1) **индивидуально-адаптационная функция** – функция персонализированной, инклюзивной, адаптивной деятельности, которая заключается в том, что искусственный интеллект позволяет создавать адаптивные образовательные платформы, которые подстраиваются под индивидуальные потребности, стиль обучения и уровень подготовки каждого обучающегося, анализируя данные о его действиях и успехах для формирования персонализированных рекомендаций по материалам и методам обучения и эмоциональные реакции обучающихся на основе их взаимодействия с контентом для адаптации методов преподавания, помогая в преодолении языковых и культурных барьеров через перевод и адаптацию материалов на разные языки и для различных культурных контекстов, а также обеспечивая поддержку инклюзии через адаптацию контента и создание доступных образовательных материалов для обучающихся с особыми потребностями;

2) **содержательная функция** – функция разработки и курирования контента, создания содержательных моделей, которая состоит в том, что искусственный интеллект может помочь в создании образовательного контента, включая создание тестов, учебных материалов, программ в зависимости от потребностей обучающихся, в сопровождении и упорядочивании учебного контента, облегчая

поиск актуальной информации для обучающихся, в продуцировании модели и симуляции для изучения сложных тем, таких как экономика, биология и физика, делая обучение более наглядным, в разработке междисциплинарных тем и проектов, которые побуждают обучающихся к глубокому анализу и исследованию, а также в интеграции различных дисциплин, открывая новые горизонты для применения знаний в реальном мире;

3) **деятельностная функция** – функция анализа больших данных, моделирования поведения, развития критического мышления, интерактивного обучения, которая осуществляется в том, что искусственный интеллект играет ключевую роль в образовательном медиадискурсе, анализируя большие объемы данных для выявления тенденций и паттернов, которые способствуют улучшению учебных стратегий и методов, моделируя поведение обучающихся для более точного составления учебных планов, развивая критическое мышление через сценарные симуляции и аналитические задачи, создавая интерактивные обучающие системы с виртуальными помощниками и чат-ботами, обеспечивающими круглосуточный доступ к образовательным ресурсам, внедряя игровые элементы для геймификации обучения, чтобы повысить мотивацию и вовлеченность обучающихся, а также применяя передовые технологии в языковом обучении, анализируя произношение, предоставляя обратную связь и создавая интерактивные уроки;

4) **оптимизирующая функция** – функция оптимизации образовательного медиaprостранства, а также поддержки акторов и развития образовательного и околообразовательного медиaproцессов, которая раскрывается в том, что искусственный интеллект играет важную роль в поддержке учителей, родителей, обучающихся через управление образовательным учреждением, тренировку и создание сообществ обучения, оптимизируя рутинные задачи, такие как оценка и аналитика, формируя онлайн-сообщества для обмена опытом, предоставляя родителям отчеты о прогрессе детей для повышения вовлеченности, укрепляя профессиональное развитие преподавателей через персонализированные курсы и ресурсы, активно внедряя решения для дистанционного обучения и создавая интерактивные образовательные среды с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности для повышения увлеченности обучающихся;

5) **оценочно-прогнозирующая функция** – функция тестирования, оценки, мониторинга, прогнозирования, которая реализуется в том, что искусственный интеллект может автоматизировать процессы тестирования и оценки, позволяя создавать более объективные и разнообразные методы оценки

знаний, анализировать задания обучающихся и предоставлять мгновенную обратную связь, что позволяет быстро реагировать на ошибки и улучшать понимание материала, отслеживать прогресс студентов в реальном времени, предоставляя как обучающимся, так и обучающим возможности для своевременной коррекции учебных планов; методы машинного обучения используются для прогнозирования учебных достижений и определения наиболее эффективных методов обучения.

В перспективе ИИ будет развиваться, открывая новые возможности для преобразования образовательного медиадискурса и методов обучения на всех уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фактического материала позволил выявить функциональные особенности экологического проявления рации и эмоцию в образовательном медиадискурсе, а именно: естественного, эмоционального и искусственного интеллекта.

Установлено, что в современном образовательном медиадискурсе выделяются функциональные особенности экологического проявления естественного интеллекта (когнитивно-критическая, фальсифицирующая, дезинформирующая, воздействующая), эмоционального интеллекта (когнитивно-регулятивная, кооперативная, самореализационная, социально-адаптационная), искусственного интеллекта (индивидуально-адаптационная, содержательная, деятельностная, оптимизирующая, оценочно-прогнозирующая).

Функциональные особенности экологического проявления естественного интеллекта в образовательном медиадискурсе акцентируют важность борьбы с фейками и необходимость развивать навыки критического мышления в рамках медиаобразования у обучающихся и обучающихся. Эти идеи помогут углубить понимание проблемы фейков и разработать стратегии для их предотвращения в образовательной медиасреде. Лингвистические средства защиты от фейков помогут выработать у обучающихся навыки, необходимые для уверенного распознавания и анализа фейков в образовательном медиадискурсе.

Функциональные особенности экологического проявления эмоционального интеллекта в образовательном медиадискурсе подчеркивают значимость интеграции эмоционального интеллекта в образовательную медиакommunikацию для создания более эффективной и поддерживающей образовательной медиасреды, демонстрируя его влияние на все стороны учебного процесса и личностного развития обучающихся.

Функциональные особенности экологического проявления искусственного интеллекта в образовательном медиадискурсе иллюстрируют экологическое значение искусственного интеллекта в современном образовательном медиадискурсе и его потенциал для улучшения образовательного медиаопыта, подчеркивают богатство возможностей, которые предоставляет ИИ в образовании в современной цифровой медиасреде, способствуя более эффективному, персонализированному, доступному

и экологичному процессу обучения. Все возможные угрозы, которые несет ИИ в образовательном медиадискурсе, свидетельствуют о когнитивных трансформациях в сознании медиаадресанта и медиаадресата, которые порождают как нарушение экологичности, так и обеспечение экологичности образовательного медиаконтента. Лингвосомиотическое исследование данной проблемы будет актуальным в ближайшей и долгосрочной перспективе с учетом взаимодействия разных семиотических систем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.
2. Karpovskaya N. V., Shiryayeva O. V., Zheltukhina M. R. Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor // *XLinguae*. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 173–182.
3. Желтухина М. Р., Парамонова Д. В., Бусыгина М. В. Человек и его дискурс – 7: медиаобраз – гражданин – государство – культура. М., Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2023.
4. Желтухина М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиаальной коммуникации на избирательный процесс // *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс*. Сб. науч. трудов ИЯ РАН. М.: Азбуковник, 2003. С. 109–132.
5. Патюкова Р. В. Образность речи как составляющая эмотивности // *Культурная жизнь Юга России*. 2008. № 4. С. 103–105.
6. Prosen S., Vitulić H. S., Škraban O. P. Teachers' emotional expression in the classroom // *Hacettepe Egitim Dergisi*. 2014. Vol. 29. P. 226–237.
7. Wierzbicka A. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
8. Шаховский В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис, 2008.
9. Прибрам К. *Языки мозга: экспериментальные парадоксы и принципы нейробиологии*. М.: Либроком, 2009.
10. Нечай Ю. П., Буянова Л. Ю. Эмотивность и эмоциогенность языка. Механизмы экспликации и концептуализации М.: Флинта, 2016.
11. Haugen E. The ecology of language // *The ecology of language: Essays*. Stanford: Stanford University Press, 1972. P. 325–339.
12. Сковородников А. П. К становлению лингвоэкологической терминологии // *Речевое общение: специализированный вестник*. 2000. № 3 (11). С. 70–78.
13. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. *Экологическая лингвистика*. М.: Флинта: Наука, 2018.
14. Шаховский В. И. Экологическая многоликость коммуникативных сред человека // *Этнопсихоллингвистика*. 2019. № 2. С. 80–101.
15. Zhao Z., Tamir D. I. Egocentric Projection is a Rational Strategy for Accurate Emotion Prediction // *PsyArXiv Preprints*. 2022. P. 1–39. DOI: 10.31234/osf.io/eun4s.
16. Желтухина М. Р., Спорова И. П. Человек и его дискурс – 8: политическое медиавоздействие – цифровые технологии – гражданская лингвопрагматика. М., Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2024.
17. Сергеева О. В., Желтухина М. Р. *Лингвопрагматика языковой личности педагога*. М.: ИНФРА-М, 2024.
18. Guseinova I. A., Gorozhanov A. I., Kosichenko E. F. Development of linguistic institutional educational virtual environment at Moscow State Linguistic University (2016–2018) // *SHS Web of Conferences: The conference proceedings, Volgograd, 23–28 апреля 2019 года*. Vol. 69. Volgograd: EDP Sciences, 2019. P. 00045. DOI: 10.1051/shsconf/20196900045.
19. Gorozhanov A. I. *Institutional Educational Virtual Environment for Linguistic Purposes: Theory and Practice*. Казань: Бук, 2019.
20. Sergeeva O. V., Zheltukhina M. R., Ponomarenko E. B. Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 291–310.
21. Иванян Е. П. Лингвоэкология педагогической речи // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. № 11–12. С. 48–56.

22. Казанцева Е. А. Экология академического дискурса. Уфа: БашГУ, 2019.
23. Потеряхина И. Н., Багиян А. Ю. Лингвоэкологичность установок современного виртуального педагогического дискурса (на материале англоязычных образовательных платформ) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2021. № 14. С. 142–149.
24. Сергеева О. В. Лингвоэкологические проблемы современного образовательного медиадискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 70–82.
25. Demidov A. A., Syrina T. A., Tretyakov A. I. Development of digital skills and media education system: from the organization of environmental education of preschool children to the ICT competence of teachers // Медиаобразование. 2020. № 60 (1). P. 11–23.
26. Трофимов Р. В. Лингвистические механизмы генерации фейковых новостей при помощи искусственного интеллекта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. № 25 (3). С. 87–97.
27. Бодров В. А. Информационный стресс. М: Пер Сэ, 2000.
28. Байбикова С. И., Желтухина М. Р., Зубарева Т. Т. Страхи в современном медиадискурсе: «желтые» манипуляции // Человек и его дискурс-4. М.: ИЯРАН, ИЦ «Азбуковник», 2014. С. 68–83.

REFERENCES

1. Krasavskij, N. A. (2001). Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah = Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Karpovskaya, N. V., Shiryayeva, O. V., Zheltukhina, M. R. (2019). Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor. *XLinguae*, 12(4), 173–182.
3. Zheltuhina, M. R., Paramonova, D. V., Busygina, M. V. (2023). Chelovek i ego diskurs – 7: mediaobraz – grazhdanin – gosudarstvo – kul'tura = Man and his discourse – 7: media image – citizen – state – culture. Moscow, Volgograd: PrinTerra-Dizajn. (In Russ.)
4. Zheltukhina, M. R. (2003). Specifika vliyaniya verbaliki i neverbaliki mass-medial'noj kommunikacii na izbiratel'ny`j process. Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs. Sbornik nauchny`x trudov. IYa RAN = Specifics of the influence of verbal and non-verbal mass-media communication on the electoral process. In *Mass culture at the turn of the XX–XXI centuries: Person and his discourse* (pp. 109–132): collection of scientific papers. IYA RAS; ed. by Yu. A. Sorokin, M. R. Zheltukhina. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
5. Patyukova, R. V. (2008). Obraznost' rechi kak sostavlyayushchaya emotivnosti. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* = Imagery of speech as a component of emotivity. *Cultural life of the South of Russia*, 4, 103–105. (In Russ.)
6. Prosen, S., Vitulić, H. S., Škraban, O. P. (2014). Teachers' emotional expression in the classroom. *Hacettepe Egitim Dergisi*, 29, 226–237.
7. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Shahovskij, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emocij* = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
9. Pribram, K. (2009). *Yazyki mozga : eksperimental'nye paradoksy i principy nejropsihologii* = Brain languages: experimental paradoxes and principles of neuropsychology. Moscow: Librokom. (In Russ.)
10. Nechaj, Yu. P., Buyanova, L. Yu. (2016). *Emotivnost' i emociogenost' yazyka. Mekhanizmy eksplikacii i konceptualizacii* = Emotivity and emotionality of language. Mechanisms of explication and conceptualization. M.: Flinta. (In Russ.)
11. Haugen, E. (1972). The ecology of language. In *The ecology of language: Essays* (pp. 325–339). Stanford: Stanford University Press.
12. Skovorodnikov, A. P. (2000). K stanovleniyu lingvoekologicheskoy terminologii. *Rechevoe obshchenie: specializirovannyj Vestnik* = To the formation of lingo-ecological terminology. *Speech communication: a specialized bulletin*, 3(11), 70–78.
13. Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G. (2018). *Ekologicheskaya lingvistika* = Environmental linguistics. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
14. Shahovskij, V. I. (2019). *Ekologicheskaya mnogolikost' kommunikativnyh sred cheloveka. Etnopsiholingvistika* = Ecological diversity of human communicative media. *Ethnopsycholinguistics*, 2, 80–101. (In Russ.)
15. Zhao, Z., Tamir, D. I. (2022). Egocentric Projection is a Rational Strategy for Accurate Emotion Prediction. *PsyArXiv Preprints*, 1–39. DOI: 10.31234/osf.io/eun4s.
16. Zheltukhina, M. R., Sporova, I. P. (2024). Chelovek i ego diskurs – 8: politicheskoe mediavozdejstvie – cifrovye tehnologii – grazhdanskaya lingvopragmatika = Person and his discourse – 8: political media impact – digital technologies – civil linguistic pragmatics. Moscow, Volgograd: PrinTerra-Design. (In Russ.)

17. Sergeeva, O. V., Zheltukhina, M. R. (2024). Lingvopragmatika yazykovoj lichnosti pedagoga = Linguopragmatics of the teacher's linguistic personality. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
18. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I., Kosichenko, E. F. (2019). Development of linguistic institutional educational virtual environment at Moscow State Linguistic University (2016–2018). In SHS Web of Conferences: The conference proceedings, Volgograd, 23–28 apr. 2019 года (p. 00045). Vol. 69. Volgograd: EDP Sciences. DOI: 10.1051/shsconf/20196900045.
19. Gorozhanov, A. I. (2019). Institutional Educational Virtual Environment for Linguistic Purposes: Theory and Practice. Kazan: Buk.
20. Sergeeva, O. V., Zheltukhina, M. R., Ponomarenko, E. B. (2025). Genre Features of the Educational Media Discourse in the Context of Information Ecology and Cyber Security. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics, 16(1), 291–310.
21. Ivanyan, E. P. (2016). Lingvoekologiya pedagogicheskoy rechi. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences = Linguoecology of pedagogical speech. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 11–12, 48–56. (In Russ.)
22. Kazanceva, E. A. (2019). Ekologiya akademicheskogo diskursa = Ecology of academic discourse. Ufa: BashGU. (In Russ.)
23. Poteryahina, I. N., Bagiyan, A. Yu. (2021). Lingvoekologichnost' ustanovok sovremennogo virtual'nogo pedagogicheskogo diskursa (na materiale angloyazychnyh obrazovatel'nyh platform). Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki = Linguoecology of the installations of modern virtual pedagogical discourse (based on the material of English-language educational platforms). Professional communication: topical issues of linguistics and methodology, 14, 142–149.
24. Sergeeva, O. V. (2023). Lingvoekologicheskie problemy sovremennogo obrazovatel'nogo mediadiskursa. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Linguoecological problems of the modern educational media discourse. Bulletin of Chelyabinsk State University, 9(479), 70–82. (In Russ.)
25. Demidov, A. A., Syrina, T. A., Tretyakov, A. I. (2020). Development of digital skills and media education system: from the organization of environmental education of preschool children to the ICT competence of teachers. Media-obrazovanie = Mediaeducation, 60(1), 11–23.
26. Trofimov, R. V. (2025). Lingvisticheskie mekhanizmy generacii fejkovyh novostej pri pomoshchi iskusstvennogo intellekta. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki» = Linguistic mechanisms for generating fake news using artificial intelligence. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences, 25(3), 87–97. (In Russ.)
27. Bodrov, V. A. (2000). Informacionnyj stress = Information stress. Moscow: Per Se. (In Russ.)
28. Bajbikova, S. I., Zheltukhina, M. R., Zubareva, T. T. (2014). Ctrahi v sovremennom mediadiskurse: «zheltye» manipuljaccii = Fears in the modern media discourse: “yellow” manipulations. In Chelovek i ego diskurs-4 = Man and his discourse-4 (pp. 68–83). Moscow: IYaRAN, Azbukovnik. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергеева Ольга Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английской филологии
факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergeeva Olga Viktorovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of English Philology
Romano-Germanic Philology Faculty, Kuban State University

Статья поступила в редакцию	20.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication

Конъюнкция деонтического и алетического показателей: структура и семантика

А. В. Сьцько

*Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск, Республика Беларусь
sytko.mglu@gmail.com*

Аннотация: Цель исследования – выявление структурных и семантических характеристик конъюнктивных структур с деонтическим и алетическим предикатами (алетико-деонтических комплексов). Используются методы структурного и семантического анализа. На материале корпусных данных русского и немецкого языков рассматриваются различные синтаксические модели чистой и противительной конъюнкции, фиксирующие равноправные взаимоотношения деонтического и алетического показателя. Устанавливаются семантические характеристики данных синтаксических структур и различия в модальной семантике, возникающие при изменении последовательности предикатов.

Ключевые слова: деонтический предикат, алетический предикат, конъюнкция, противительность, возможность, необходимость, обязательность, отрицание

Для цитирования: Сьцько А. В. Конъюнкция деонтического и алетического показателей: структура и семантика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 105–114.

original article

Conjunction of Deontic and Alethic Modal Indicators: Structure and Semantics

Anna V. Sytko

*Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk, Republic of Belarus
sytko.mglu@gmail.com*

Abstract. The aim of the study is to identify the structural and semantic characteristics of conjunctive structures with deontic and alethic predicates (alethic-deontic complexes). Based on the corpus data of the Russian and German languages and using structural and semantic analysis, the study considers different syntactic structures models of pure and adversative conjunction that demonstrate equal relationships between the deontic and alethic indicators. It establishes the semantic characteristics of these syntactic structures and the differences in modal semantics that arise when the sequence of predicates changes.

Keywords: deontic predicate, alethic predicate, conjunction, adversative, possibility, necessity, obligation, negation

For citation: Sytko, A. V. (2025). Conjunction of deontic and alethic modal indicator: structure and semantics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 105–114. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Социальное поведение человека связано с постоянным осмыслением различных ситуаций и умозаключениями об их возможных изменениях, что предполагает оценку действия(-й), которое(-ые) индивид рассматривает в первую очередь в плане соблюдения установленных норм и следования принятым правилам. Подобное отношение упорядочивает социальное бытие и обеспечивает результативное, практичное взаимодействие в социуме. В модальном высказывании о необходимости сосуществуют различные установки (эпистемическая, аксиологическая, алетическая и волевая), которые взаимодействуют друг с другом как линейно, так и иерархически, формируя его различные смыслы. Исследовательская ориентация на комплексный подход к анализу семантики высказывания, в частности, модального, обуславливает актуальность работы.

Семантическую основу, презумпцию долженствования составляют две модальные установки – алетическая и аксиологическая. Несмотря на то, что возможность и необходимость / долженствование выступают по отношению к друг другу противоположностями, алетическая модальность является субстратом деонтического суждения, поскольку необходимое действие должно быть прежде всего осуществимым, «возможным при естественных условиях» [Кант, 2010, с. 421]. Деонтическая модальность, в сущности, подразумевает возможность [Падучева, 2019; Шатуновский, 1996], онтологическая сущность которой заключается в физических свойствах реального мира и логических свойствах мышления [Бондаренко, 1979]. Наряду с осуществимостью действия алетическая установка в деонтическом суждении указывает также на наличие выбора. И. Б. Шатуновский называет долженствование «модальностью выбора», который подразумевает, что «говорящий сравнивает потенциальную ситуацию необходимости действия Р как средство достижения гипотетического результата (полезно)» [Шатуновский, 1996, с. 221–222]. Н. Д. Арутюнова обращает внимание на то, что «мы имеем нормативы только для тех классов объектов, относительно которых возникает или в принципе мыслима *ситуация выбора*» [Арутюнова, 1988, с. 52], выбора действия Р из нескольких альтернатив, которое приведет к позитивным изменениям [Шатуновский, 1989; Сабанеева, 2005].

Деонтический и иные модальные предикаты могут вступать как в равноправные, так и неравноправные отношения [Сытько, 2023]. Гипотезой исследования послужила идея о том, что в равноправных отношениях, которые наиболее очевидным образом реализуются конъюнкцией, позиция

деонтического показателя в сочинительном ряду будет оказывать влияние на семантику алетико-деонтического комплекса и на реализуемые им коммуникативные смыслы.

Для установления структуры алетико-деонтического комплекса (последовательности предикатов), а также вербального состава высказывания, в котором используется конъюнкция предикатов, и лексико-грамматических маркеров различной семантики, сопровождающих модальный комплекс, использовался метод структурного анализа; на этапе раскрытия семантики модальных комплексов и описания оттенков значений модальных предикатов – метод семантического анализа (в том числе в варианте компонентного анализа). Источником материала и примеров послужили корпуса национальных языков (для русского – НКРЯ¹ и для немецкого – DWDS²), предоставляющие большую репрезентативную эмпирическую базу, что позволяет зафиксировать все модели конъюнкции.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка установления синтаксических моделей манифестации взаимодействия деонтической модальности и ее субстрата, алетической установки, а также выявления семантических сдвигов, происходящих под влиянием структурных модификаций модального комплекса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Реализация взаимоотношений алетики и деонтики в формальной структуре высказывания оказывается весьма вариативной (см. рис. 1)³, представленной равноправными отношениями сочинительной и противительной конъюнкции как с одним и тем же смысловым глаголом, так и с разными смысловыми глаголами. При этом конъюнктивных моделей с одним и тем же смысловым глаголом зафиксировано большее разнообразие.

ЧИСТОЕ СОЧИНЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Чистое сочинение деонтического и алетического показателей демонстрирует, согласно Н. Д. Арутюновой, «"конъюнктивные множества", объединенные одинаковой оценочной характеристикой и мыслимые синтагматически» [Арутюнова, 1988, с. 58]. Оно реализуется конъюнкцией:

¹Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.03.2025).

²Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 12.03.2025).

³Используемые на рисунке лексемы обозначают исключительно модальную установку, но не отражают языковые особенности.

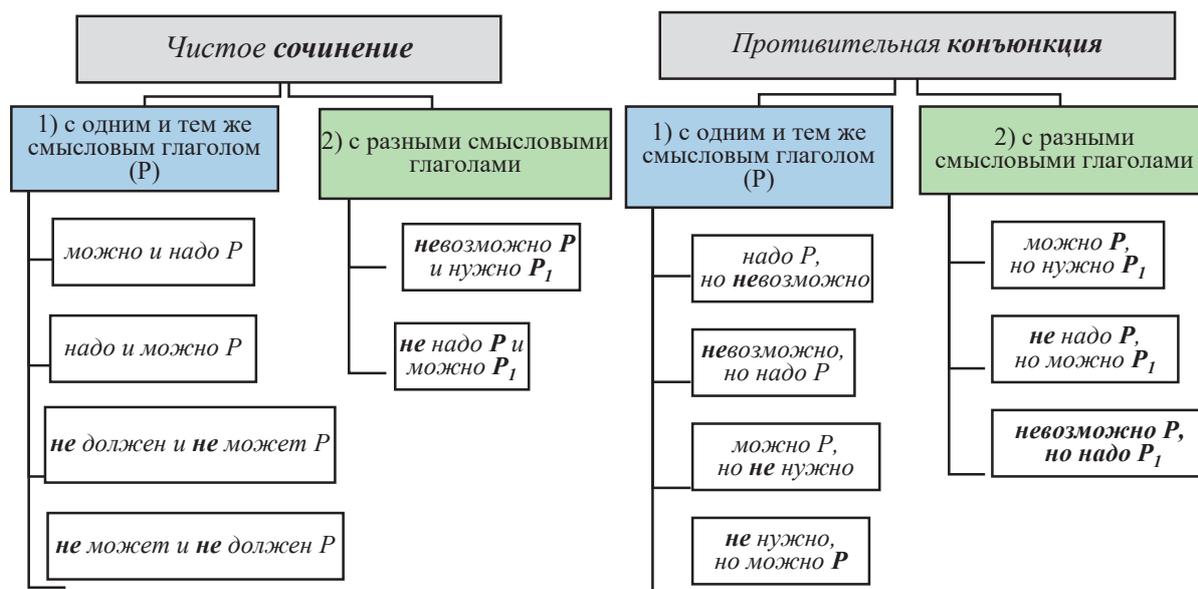

Рис. 1. Типы конъюнкции деонтического и алетического предикатов

- 1) модальных показателей с одним и тем же смысловым глаголом (действие P);
- 2) модальных показателей с разными смысловыми глаголами.

1. Конъюнкция модальных показателей, указывающих на отношение к одному и тому же смысловому глаголу (можно **и** надо P; надо **и** можно P; надо, можно сделать P; *man muss **und** kann P; man kann **und** muss P; P ist möglich **und** notwendig*), позволяет «минимизировать долю недоказуемого» [Демьянков, 2022, с. 40], что, в свою очередь, делает модальное высказывание экспрессивным. Экспликация алетического предиката позволяет нейтрализовать возможный контраргумент со стороны адресата о неосуществимости необходимого действия. При этом отмечается неравноценность модальных предикатов: финальную позицию в комплексе занимает предикат, обозначающий наиболее релевантную для ситуации модальную установку. Так, В. З. Санников отмечает, что для сочинительных конструкций неравноценность элементов является обычной [Санников, 2008], однако неравноценность не означает их необратимость. При этом изменение последовательности предикатов, их перестановка ведет как к изменению смысла, так и к модификации оказываемого прагматического эффекта.

• **Можно и надо P**

1а. При финальной позиции деонтического предиката в сочинительном комплексе между

модальными показателями наблюдается стандартное соотношение деонтики и алетики, указывающее на отношения формально-логического следствия (S *может и должен сделать P*). Алетический показатель в модальном комплексе эксплицирует два этапа операции импликации (предположение о выборе действия P и мнение о существовании условий для его осуществления); само алетическое суждение выступает посылкой, а деонтическое – умозаключением-выводом:

- 1) А обещал я это потому, что **ты** это **сделать можешь и надо это сделать** – понимаешь? – тут ее ждут (Ю. Домбровский. *Рождение мыши. 1951–1956*).
- 2) Ich glaube, wir **können und müssen** zum nächsten Buch übergehen... (*Das Literarische Quartett vom 13. Juni 1996*) – Я думаю, мы можем и должны перейти к следующей книге...

Предикаты в модальном комплексе образуют настолько спаянное единое целое, что определить, к какому из них относятся маркеры инференции, используемые в формально-грамматической структуре (*выходит, следовательно, получается, значит – also, folglich*), не представляется возможным:

- 3) Разумный человек говорит, что с тобой ничего плохого не случится, **значит**, ему **можно и нужно** верить (М. Блехман. *Римские цифры // Ковчег. 2012*).

Алетический показатель выступает в качестве дедуктивного аргумента убеждения в побуждении, роль которого выполняет деонтическое высказывание. Именно поэтому в подобных конструкциях используется лексическая интенсификация алетического предиката (при помощи лексем *очень, вполне, durchaus* и т. п.: **очень можно / очень даже можно и нужно**), что подчеркивает важность довода об осуществимости:

- 4) Niemals darf der Staat alleine sich verantwortlich fühlen, sondern er muss immer den Eigentümer, den Unternehmer mit ins Boot nehmen. Aber dann ist staatlicher Eingriff in bestimmten Fragen **durchaus möglich und notwendig** (Rede von A. Merkel. 04.10.2010). – Государство никогда не должно чувствовать себя единолично ответственным, оно всегда должно вовлекать владельца, предпринимателя. Но тогда вмешательство государства в определенные вопросы, безусловно, возможно и необходимо.

В подобного рода комплексах алетический показатель может также реализовать семантику деонтической возможности, сильно смещенной в зону алетического смысла (т. е. предоставление возможности для осуществления: «разрешено, имеет право»), что осложняет деонтическую интерпретацию показателя *можно* без экспликации источника нормы, ср.:

- 5) Наверное, свою роль сыграли и смерть Сталина, и арест Берии. Писатель решил, что сейчас **можно и нужно** сделать то, что еще недавно казалось нереальным. Оказалось – **и теперь нельзя**. Фадеева уже не слушают (В. О. Авченко. Фадеев. 2017).

Отметим, что если смысловым глаголом выступает речевой глагол, т. е. речь идет о перформативном высказывании, то возможна только последовательность «алетический + деонтический предикат», поскольку в модальном перформативе именно деонтический предикат маркирует значимость информации, представленной пропозицией речевого глагола:

- 6) **Можно и необходимо еще добавить** следующее: в пяти верстах от города, вниз по нашей речке, с востока выбегает чудный родник кристаллически прозрачной влаги (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. 1923–1924. № 1).

- **Надо и можно P**

1б. Вынесение в коммуникативный фокус алетического показателя делает высказывание еще более экспрессивным, поскольку для убеждения, укрепления веры адресата в осуществимости необходимого действия P происходит своего рода риторический повтор имплицированного алетического предиката:

- 7) Die «FR» **muss und kann** woanders Geld finden (Der Tagesspiegel. 14.03.2003). – «ФР» должен и может найти деньги в другом месте.
- 8) Они поняли, что за свой бизнес **нужно и можно** бороться, причем совершенно честно и открыто (Б. Руденко. Убить дракона. Возможно ли победить коррупцию в России // Наука и жизнь. 2009).

В немецком языке для дополнительной интенсификации алетического компонента в подобных комплексах используется частица *auch*, которая фактически подтверждает и обосновывает уже высказанное суждение о необходимости, включающее суждение о возможности:

- 9) Doch diese Kraft muss durch politische Gestaltung in geordnete Bahnen gelenkt werden, damit sie allen zugute kommt. Dazu **müssen und können auch** Unternehmen und Unternehmer beitragen (Rede von H. Köhler. 25.04.2008). – Но эту силу необходимо направить через политику, чтобы она приносила пользу всем. Компании и предприниматели должны и могут внести свой вклад.

Употребление алетического показателя во вставной конструкции маркирует его факультативность в поверхностной структуре:

- 10) Это реальность, с которой **нужно – и можно!** – справиться (Сотрудник офиса – болезнь или диагноз? // Семейный доктор. 15.05.2003).

- **Не должен и не может P / не может и не должен P**

1в. При использовании в комплексе одного и того же смыслового глагола оба модальных предиката могут отрицаться, при этом их последовательность не влечет изменения коммуникативного смысла. Здесь отмечаются семантические

отличия комплексов в двух языках: в русском языке реализуется интенсифицированная обязательность **недействия**, в немецком фиксируется необязательность действия.

В русском языке конъюнкция двух отрицаемых модальных предикатов усиливает деонтический смысл высказывания. Деонтический предикат получает контрадикторное отрицание (*не должен* $P = \text{должен не } P$), маркирующее **обязательность недействия**. Отрицание алетического показателя определяет **невозможность** действия P в понимании его неприемлемости (*ты не можешь* $P = \text{не следует, } P \text{ неправильно}$), т. е. реализуется семантика деонтической необходимости (о синонимии предикатов возможности и необходимости в высказываниях с отрицанием в русском языке см. [Падучева, 2019]). При этом исследователи отмечают, что деонтический смысл алетического предиката определяется видом смыслового глагола: в контексте обязательности недействия используется несовершенный вид [Падучева, 2013; Падучева, 2019]. Подчеркнем, что в модальном комплексе данная закономерность реализуется непоследовательно, ср.:

- 11) Ведь далеко не все профессиональные приемы вождения можно применять на дорогах общего пользования, многие из них очень опасны и сложны, и обычный водитель **не может и не должен** их использовать (М. Довлатова. *Как я перестала бояться садиться за руль // Домовой. 04.04.2002*) – несовершенный вид.
- 12) Но его дело будет сегодня доведено до конца. Александр Второй спастись **не должен и не может**. Исполнительный комитет поручил мне руководить нынче делом (М. А. Алданов. *Историки. Части 9–17. 1942–1946*) – совершенный вид.

В немецком языке подобная конъюнкция указывается на необязательность действия вследствие его невозможности:

Der Umfang der Lebensgemeinschaft ist in Rechtsprechung und Schrifttum eingehend dargestellt worden. Bei der Wandlungsfähigkeit der Ehe ist es **nicht möglich und nicht notwendig**, diesen Begriff im Gesetz näher zu umgrenzen (*Deutscher Bundestag: Drucksache. 01.06.1973. Nr. 07/650*). – Вопросы сожительства широко представлены в судебной литературе и практике. Учитывая изменчивость брака, нет ни возможности, ни необходимости более точно определить в законе это понятие.

Вторым типом чистой конъюнкции выступают конструкции с модальными предикатами с разными смысловыми глаголами (*не надо* P и *можно* P_1). В таком случае в модальном комплексе обязательно наличие отрицания одного из модальных показателей.

- **Нельзя / не можешь / не могу** P и **нужно / должен** P_1

2а. При отрицании алетического показателя, по сути, эксплицируется причина (невозможность, отсутствие условий для осуществления действия), обуславливающая необходимость изменений. Указание на неосуществимость / невыполнимость действия P выступает аргументом долженствования, т. е. выражается зависимость установок, их логическое следование (аргумент: невозможность $P \rightarrow$ **поэтому** требуется изменение – вывод: необходимость P_1), иными словами, реализуется индуктивный способ убеждения. Так, В. З. Санников подчеркивает, что союз *и* по значению близок к конъюнкции в логике, поэтому в его значение входит причинно-следственная зависимость [Санников, 2008], например:

- 13) Ну, сказал, что приоритет русской науки во всех без исключения областях никакими разумными доводами **не может быть** обоснован и **должен рассматриваться** как акт веры – *auto da fe* (И. Грекова. *На испытаниях. 1967*).
- 14) Der Konzentrationsprozess beschleunigt sich, der Mittelstand **kann nicht** mehr mithalten und **muss** aufgeben (*Der Tagesspiegel. 05.12.2004*). – Процесс концентрации набирает обороты, малый и средний бизнес уже не могут угнаться за этим и вынуждены сдать.

В русскоязычном модальном комплексе алетический предикат с отрицанием реализует в том числе и другую семантику, а именно: **обязательность неосуществления** действия P , т. е. деонтическую необходимость. Весь комплекс выражает исключительно семантику обязательности: **обязательное** [неосуществление одного P и осуществление **другого** P]:

- 15) Вставайте, здесь больше **нельзя** оставаться, **надо** идти дальше (А. Рыбаков. *Тяжелый песок. 1975–1977*).

В подобных сочинительных структурах деонтический предикат сопровождается темпоральными маркерами (*немедленно, срочно* и т. п.: *dringend, so*

schnell wie möglich, sofort), маркирующими срочность действия, которое способно изменить ситуацию, что делает обязательность еще более категоричной:

- 16) **Продолжать оставаться** директором Русского культурно-исторического музея уже **не могу и должен немедленно сдать** свои обязанности кому-нибудь другому (В. Ф. Булгаков. *В царстве свастики. По тюрьмам и лагерям. 1958*).

- **Не надо P и можно P1**

26. Употребление в сочинительной структуре в инициальной позиции отрицаемого деонтического предиката указывает на наличие «альтернативы» [Шатуновский, 1990], т.е. отрицается необходимость (так называемое контрарное отрицание):

- 17) Среди ночи проснулась и вспомнила, что сегодня на работу идти не надо и можно спокойно еще **валяться** в постели (М. Шишкин. *Письмовник (2009) // Знамя. 2010*).

Отрицание деонтического предиката приводит к семантической трансформации модального суждения в зону алетических смыслов: *не надо P = можно делать, можно не делать P*. При этом необходимое действие оценивается говорящим негативно, поскольку рассматривается как принудительное, а возможность его не осуществлять понимается как позитивная альтернатива. Вся структура реализует два аксиологических суждения со знаком «+»: *делать необходимое P₁ (отрицательно оцениваемое) не нравится S / S не хочет (имплицитно) – 1) не надо делать P = это хорошо → 2) есть выбор: возможность делать P₁ (положительно оцениваемое)*. В таком случае происходит сопоставление не только модальностей (принуждение vs. возможность), но и действий (принудительное vs. возможное), а в результате соотносятся аксиологические установки.

Поскольку возможность не осуществлять P становится причиной возможности совершить иное P, то в модальном высказывании эксплицируется данная каузальность при помощи лексико-грамматических маркеров (*поэтому / deshalb, so, somit*).

ПРОТИВИТЕЛЬНАЯ КОНЪЮНКЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Противительная конъюнкция модальных показателей, как и чистая конъюнкция, реализуется в двух вариантах:

- 1) с одним и тем же смысловым глаголом, где противопоставляются модальные семантики;

- 2) с разными смысловыми глаголами, где противопоставление имеет различный характер.

Модальные противительные структуры используются с целью аргументирования. При этом решающим для описываемой ситуации выступает второй компонент, который определяет направленность всей фразы на тот или иной вывод (об аргументативной семантике союза *но* см. [Иоанесян, 2010]. Согласно Е. В. Урысон, благодаря такому противопоставлению «сознание “перенастраивается”» с одной оценки на противоположную [Урысон, 2006]. Противительный союз сигнализирует о «нарушении аксиологической гармонии» [Санников, 1986], поэтому подобное противопоставление В. З. Санников описывает как нарушение принципа гармоничности [Санников, 2008].

1. В противительных комплексах с идентичным смысловым глаголом отмечается обязательное отрицание, таким образом, одно исключается другим. В результате наблюдается противопоставления двух модальных семантик: обязательности выполнения действия и его **невозможности** (*надо P, но невозможно* и наоборот) или возможности действия и обязательности его **невыполнения** (*можно P, но не нужно*). Компоненты модального комплекса сами по себе противопоставлены; противопоставляется, с одной стороны, алетическая презумпция деонтического суждения, с другой стороны, алетическая установка, представленная вторым конъюнктом, что в свою очередь формирует аксиологическое суждение либо со знаком «-», либо со знаком «+»: *может_{поз} но не может_{не2}, не может_{не2} но сможет_{поз} и может_{не2} сделать_{не2} но может_{поз} не сделать_{поз}*.

- **Надо P, но невозможно**

1а. При противопоставлении обязательности и невозможности второй конъюнкт, алетический предикат, является аргументом в пользу вывода о том, что необходимое действие не выполнится. Как отмечает Ф. Кифер, из того, что **обязательно**, вовсе не следует, что это **возможно** [Kiefer, 1987]. Именно негативная перспектива обуславливает отрицательный оценочный смысл всего высказывания, поскольку фиксируется «конфликт» необходимости действия и его осуществимости субъектом, например:

- 18) Я отвечу на ваш вопрос, Павел Иванович: я знаю, что **надо** делать, **но не могу**, и что это подлость – тоже знаю (Д. С. Мережковский. *Александр Первый. 1922*).

- **Невозможно, но надо P**

16. Симметричный комплекс с обратной последовательностью (*не могу, но надо*) реализует идентичное противопоставление. Однако при таком порядке следования предикатов отсутствие возможности не является препятствием для выполнения действия: указание на невозможность, благодаря чему возникает негативная оценка, используется для интенсификации семантики принудительности или для маркирования сложности необходимого действия:

- 19) Теоретически **невозможно** за эти дни обработать такой массив информации, найти в стоге иголку. **Но надо, надо!** (А. Азольский. *Лопушок* // *Новый Мир*. 1998).

- **Можно P, но не нужно**

1в. Если второй конъюнкт представлен отрицаемым деонтическим предикатом, то реализуется контрадикторное отрицание: происходит подъем отрицания, отрицается смысловой глагол и фиксируется необходимость невыполнения действия P. В подобных структурах противопоставляется возможность и обязательность невыполнения, которая подразумевает отсутствие утилитарности или целесообразности действия P, что объясняется в дальнейшем контексте и обуславливает использование каузативных маркеров, относящихся к деонтическому предикату. Таким образом, аргументативная ориентация основывается на каузальном расширении о ненужности действия, а деонтическое суждение демонстрирует вывод:

- 20) Без собственного сайта предприятию нынче не обойтись. Точнее, обойтись **можно, но не нужно, ибо** грамотно разработанный сайт окупает себя очень быстро (С. Баричев. *Надо выделяться товаром. Открываем представительство в Интернете* // *Бизнес-журнал*. 22.01.2004).

Алетическая презумпция здесь свидетельствует о предполагаемой возможности совершения субъектом действия, которое является в ситуации неприемлемым. При такой последовательности противительных конъюнктов в алетической части реализуется негативная оценка: *возможное действие оценивается негативно* → *хорошо, если оно не будет сделано*. Отрицание деонтического предиката указывает на превентивный шаг в предотвращении действия P, что подразумевает в том числе и его нежелательность. Именно поэтому с деонтическим предикатом в подобных структурах может употребляться сравнительная степень прилагательного лучше:

- 21) То есть преодолеть-то его **можно, но лучше не надо, ибо** на смену данной системе безобразий обязательно явится новая, такая же злокачественная (В. Пьецух. *Сравнительные комментарии к пословицам русского народа* // Октябрь. 2002).

Такая противительность нетипична для немецкого языка, поскольку с глаголом *müssen* отрицание является контрарным, отрицается обязательность. Смысловой глагол при этом употребляется с первым конъюнктом, алетическим предикатом:

- 22) Eben wie ein hohles Faß. **Man kann** alles hineinpacken, aber **man muß nicht** (Tucholsky K. *Meinen Freunden den Idealisten* // *Werke – Briefe – Materialien*. Berlin: Directmedia Publ. 2000). – Как полая бочка. В нее можно положить что угодно, но не нужно.

В подобном случае используется или редко зафиксированная структура *P ist möglich aber nicht nötig*, или инфинитивная конструкция с семантикой долженствования: *es ist besser nicht zu P*. Модальный глагол *sollen*, семантика которого, как правило, тесно связана с волиитивностью, редко употребляется в значении объективной облигаторности и в конъюнктивных структурах.

- **Не нужно, но можно P**

1г. Структуры с взаимозаменяемой конъюнктов (*не нужно, но можно*) в корпусе русского языка не зафиксированы: сочетание необязательности и возможности реализуется чистым сочинением (см. выше).

При обратной последовательности конъюнктов в немецком языке противопоставляются необязательность и возможность (*nicht notwendig aber möglich*), а смысловой глагол используется со вторым алетическим конъюнктом:

- 23) Mut hier, Zweifel dort: Man **muß nicht, aber man kann vergleichen** (Berliner Zeitung. 02.08.2005). – Мужество здесь, сомнение там: необязательно, но можно сравнить.

2. При противительной конъюнкции алетического и деонтического показателей с разными смысловыми глаголами фиксируется различная семантика уступительности.

- **Можно P, но нужно P1**

2а. В случае противительной конъюнкции деонтического и алетического предикатов без

отрицания одно действие P признается выполнимым только при условии обязательного осуществления P_1 (*можно P , но надо $P_1 = P$ возможно, если выполнится P_1*), т. е. реализуется семантика целеполагания:

- 24) В Польше разные валютные запреты, продавать туда книги из заграницы **можно, но надо делать** это как-то по-особенному... (Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону. 1920–1938).

- **P невозможно, но надо P_1**

2в. При обратной последовательности конъюнктов, при отрицании возможности действия P необходимость действия P_1 также выступает условием, однако с семантикой уступки (согласие):

- 25) Я бы хотел, чтобы до определенного времени дело не получило огласки. **Замолчать** его, конечно, **невозможно, но надо обставить** все так, чтобы причиной смерти этих молодых людей был назван именно несчастный случай! (Н. Пинкертон, король сыщиков // Роковая поездка на санях. 1909).

- **Не надо P , но можно P_1**

26. Если первым конъюнктом является деонтический предикат с отрицанием, то в русском языке он указывает на полное отсутствие необходимости. В таком случае мы имеем дело со своеобразным парадоксом, где уступительность не реализуется:

- 26) Узкокобельность выражается в том, что человек искренне верит в то, что... Что есть такая работа, где ничего **делать не нужно, но можно получить** всё (Благородных недостатков Современного Искателя // Пятое измерение. 2003).

Для немецкого языка в подобных структурах реализуется условие, противоречащее ситуации во втором конъюнкте, т. е. необязательность действия обуславливает некое потенциальное развитие событий:

- 27) Sie **müssen nichts** sagen, aber es **könnte** Ihrer Verteidigung schaden («Hustle – Unehrlich währt am längsten» And This Little Piggy Had Money. Filmuntertitel. 2010). – Вам не обязательно что-то говорить, но это может повредить вашей защите.

Следует отметить, что в речи любые из рассмотренных выше конъюнктивных структур могут использоваться одновременно, что свидетельствует о еще более сложных семантико-прагматических обогачениях, например, уступительная противительность (необходимость невыполнения P) обуславливается чистой конъюнкцией модальных показателей (стандартным сочетанием возможность + необходимость P_1):

- 28) Индуса, сжегшего себя в знак протеста против конкурса красоты, который почему-то необходимо было любой ценой устроить в Индии, **нельзя одобрить, но его можно и необходимо** понять (С. С. Аверинцев. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации // Новый мир. 2001).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, алетическая установка по-разному воплощается в высказываниях, в которых реализовано деонтическое суждение (осуществимость необходимого действия P ; потенциальная возможность неосуществления P ; потенциальная возможность совершения субъектом действия P , нарушающего норму), что обуславливает различные варианты экспликации алетики, а также вариативность синтаксических структур, фиксирующих равноправные отношений деонтического и алетического предикатов.

Сочинительная и противительная конъюнкция модальных предикатов в зависимости от их последовательности реализуют разнообразные и разные смыслы. В определении смысловой нагрузки модального комплекса ведущую роль играют тождественность смысловых глаголов, используемых с обоими модальными показателями, и наличие /отсутствие отрицания (указывающего на различные алетические презумпции).

Отрицание модифицирует семантику как алетического, так и деонтического предикатов, формируя при этом их определенную синонимию, что обуславливает интенсификацию деонтической семантики при чистой конъюнкции предикатов. Наличие отрицания в комплексе изменяет аксиологическую составляющую модальных высказываний. Особенности функционирования оператора отрицания ограничивают использование некоторых типов конъюнктивных структур в немецком языке.

Алетическая семантика как субстрат деонтического суждения, эксплицированная при помощи предиката, в модальном конъюнктивном комплексе выступает различного рода аргументом, в том числе мотивационного типа, при этом

деонтическое суждение всегда является выводом. В сочинительных комплексах алетическая и деонтическая установка вступают в семантические

отношения причинно-следственной зависимости, в противительных – обусловленности различного типа (с семантикой целеполагания и уступки).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кант И. Критика чистого разума : пер. с нем. М.: Эксмо, 2010.
2. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019.
3. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М.: Яз. рус. культуры, 1996.
4. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений // Филол. науки. 1979. № 2. С. 54–61.
5. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт; отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988.
6. Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1989. С. 155–186.
7. Сабанеева М. К. Поле долженствования в латинском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Я. Э. Ахапкина [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб., 2005. С. 252–276.
8. Сытько А. В. Деонтическое высказывание: семантические характеристики и прагматический потенциал (на материале русского и немецкого языков). Минск: МГЛУ, 2023.
9. Демьянков В. З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 39–43.
10. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
11. Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013.
12. Шатуновский И. Б. Аномалия и отрицание (к проблеме перенесения отрицания) // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1990. С. 71–83.
13. Иоанесян Е. Р. Союз но: особенности употребления // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. периодический сборник статей. Вып. 2. М.: Ин-т языкознания РАН, 2010. С. 158–205.
14. Урысон Е. В. Семантика союза НО: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 22–42.
15. Санников В. З. Значение союза но: нарушение «нормального» положения вещей // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. № 5. С. 433–445.
16. Kiefer F. On Defining Modality // Folia Ling. 1987. Bd. 21 (1). P. 64–97.

REFERENCES

1. Kant, I. (2010). *Kritika chistogo razuma = Critique of Pure Reason*: trans. from German. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
2. Paducheva, E. V. (2019). *Ehgotsentricheskie edinitsy yazyka = Egocentric units of language*, 2nd ed. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
3. Shatunovskii, I. B. (1996). *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova: znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika = Semantics of a sentence and non-referential words: meaning, communicative perspective, pragmatics*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
4. Bondarenko, V. N. (1979). *Vidy modal'nykh znachenii = Types of modal meanings*. Philological sciences, 2, 54–61. (In Russ.)
5. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt = Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact*. RAS, Institute of Linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Shatunovskii, I. B. (1989). *Propozitsional'nye ustanovki: volya i zhelanie = Propositional attitudes: will and desire*. *Logicheskii analiz yazyka: problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* (pp. 155–186): The collection of articles, RAS, Institute of Linguistics. Moscow. (In Russ.)
7. Sabaneeva, M. K. (2005). *Pole dolzhenstvovaniya v latinskom yazyke = The field of obligation in the Latin language. Problemy funktsional'noi grammatiki. Polevye struktury* (pp. 252–276): The collection of articles. RAS, Institute of Linguistics. St. Petersburg. (In Russ.)

8. Sytko, A. V. (2023). Deonticheskoe vyskazyvanie: semanticheskie kharakteristiki i pragmaticheskii potentsial (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) = Deontic utterance: semantic characteristics and pragmatic potential (based on the Russian and German languages). Minsk: MSLU Publ. (In Russ.)
9. Demyankov, V. Z. (2022). Semanticheskaya reduplikatsiya v vyskazyvaniyakh o vozmozhnom = Semantic reduplication in statements about the possible. *Cognitive studies of language*, 4(51), 39–43. (In Russ.)
10. Sannikov, V. Z. (2008). Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve = Russian syntax in the semantic-pragmatic space. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
11. Paducheva, E. V. (2013). Russkoe otritsatel'noe predlozhenie = Russian negative sentence. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
12. Shatunovskii, I. B. (1990). Anomaliya i otritsanie (k probleme pereneseniya otritsaniya) = Anomaly and negation (to the problem of transferring negation). *Logicheskii analiz yazyka: protivorechivost' i anomal'nost' teksta* (pp. 71–83). The collection of articles. RAS, Institute of Linguistics. Moscow. (In Russ.)
13. Ioanesyan, E. R. (2010). Soyuz no: osobennosti upotrebleniya = Conjunction no: features of use. *Linguistics and methods of teaching foreign languages*. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. Periodical collection of articles, 2, 158–205. (In Russ.)
14. Uryson, E. V. (2006). Semantika soyuza NO: dannye yazyka o deyatelnosti soznaniya = Semantics of the conjunction NO: language data on the activity of consciousness. *Questions of linguistics*, 5, 22–42. (In Russ.)
15. Sannikov, V. Z. (1986). Znachenie soyuza no: narushenie «normal'nogo» polozheniya veshchei = The meaning of the union no: violation of the “normal” state of affairs. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language*, 5, 433–445. (In Russ.)
16. Kiefer, F. (1987). On Defining Modality. *Folia Ling.* 21(1), 64–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сытько Анна Васильевна

доктор филологических наук, доцент

заведующий кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка факультета немецкого языка

Белорусского государственного университета иностранных языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sytko Anna Vasilievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Head of the Department for German Phonetics and Grammar

Faculty for the German Language

Belarusian State University of Foreign Languages

Статья поступила в редакцию	12.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Историзмы как часть архаичной лексики английского языка

Е. О. Шевелева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
shevelev28@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – разработка методики отбора устаревшей лексики английского языка и отнесения лексических единиц к одной из групп архаичной лексики. Работа проводилась на материале английских историзмов, источником послужил корпус лексических единиц, имеющих словарные пометы *archaic* или *obsolete*, отобранных методом сплошной выборки из словаря *The Random House College Dictionary*. Для реализации поставленной цели в работе применялись дефиниционный анализ, этимологический анализ, элементы контекстуального анализа. Результатами исследования стали выработка методики отбора и анализа языкового материала, состоящая из трех основных исследовательских шагов, и установление ряда критериев отнесения устаревшей лексической единицы к разряду историзмов.

Ключевые слова: архаизация, периферия языковой системы, устаревшая лексика английского языка, архаичное значение, историзмы

Для цитирования: Шевелева Е. О. Историзмы как часть архаичной лексики английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 115–123.

Original article

Historisms as Part of English Archaic Lexis

Evgeniia O. Sheveleva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
shevelev28@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to develop a methodology of selecting English archaic lexis, as well as identifying lexical units as belonging to one of the groups of archaic lexis. The material for the research is a corpus of English lexical units labelled as archaic or obsolete, taken by means of overall selection from *The Random House College Dictionary*. To fulfill the aim, the author uses the definitional analysis, the etymological analysis, and the elements of the contextual analysis. The research results in presenting a three-step methodology of selecting and analyzing archaic language material, as well as in establishing a set of obligatory criteria for archaic lexical units to be considered as historisms.

Keywords: archaization, language periphery, English archaic lexis, archaic meaning, historisms

For citation: Sheveleva, E. O. (2025). Historisms as part of English archaic lexis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(904), 115–123. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие языка, динамизм как онтологическое свойство любого живого языка находятся в центре внимания лингвистов на протяжении длительного времени. В целом данная проблема, затрагивающая все языковые уровни, глубоко и продуктивно изучается на материале разных языков, в том числе английского. Однако внимание лингвистов при исследовании развития, например, на лексическом уровне, концентрируется, как правило, лишь на одной стороне данного процесса – на пополнении лексики языка, изучении неологизмов, окказиональных новообразований, сужения или расширения значений лексем и т. д. Вместе с тем другая сторона языкового развития – устаревание, или архаизация лексического состава – остается недостаточно изученной, а в плане английского языка можно констатировать, что ее изучение носит фрагментарный характер. Так, за последние 25 лет были защищены две кандидатские диссертации по вопросам семантики и функционирования английских историзмов [Воронцова, 2000; Некрасова, 2008] и опубликовано несколько статей по отдельным вопросам архаичной лексики английского языка. См., например, опубликованные в РФ статьи [Кузнецова, Привалова, 2013; Бойчук, Моисеева, 2016; Проконичев, 2019; Джаммаева, Хангереева, 2021; Тимофеев, 2025] и опубликованную в Беларуси статью¹. Между тем архаизация английской лексики, как и ее обогащение, является постоянной характеристикой развития английского языка и продолжает оставаться актуальной темой для исследования ввиду ее большого значения как для теоретического осмысления процессов развития английского языка, так и для его практического использования.

Представляется, что основными вопросами при изучении архаизации английской лексики являются определение статуса архаичной лексики, ее типологизация, выявление причин устаревания лексических единиц и некоторые другие.

Предметом настоящего исследования выступает один из аспектов архаизации лексики английского языка – процесс обретения той или иной лексической единицей (ЛЕ) или ее отдельным значением (лексико-семантическим вариантом, ЛСВ) статуса историзма.

Объект исследования – смысловая структура английских ЛЕ, относящихся, согласно данным англоязычных лексикографических источников,

к так называемому «архивному фонду» английского языка.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие частные задачи:

- охарактеризовать существующие подходы к классификации устаревшей лексики английского языка;
- описать этапы отбора материала исследования;
- установить критерии отнесения английских ЛЕ к такой группе устаревшей лексики, как историзмы.

Языковая система устроена таким образом, что каждый ее элемент, каждая языковая единица занимает определенное положение, располагаясь в той или иной зоне – ядерной или периферийной. В результате ряда внутренних и / или внешних причин развития языка его единицы способны совершать движение, отдаляясь от ядра системы на периферию, а в некоторых случаях имеют шанс вернуться в центр языковой системы. Данное правило справедливо как для моносемантических лексем, которые в силу своей однозначности занимают ту или иную позицию целиком, так и для полисемантических лексем, которые могут располагаться на разных уровнях системы одним или несколькими значениями или также занимать то или иное положение во всей совокупности своих ЛСВ. Центральное или периферийное положение языковой единицы или ее ЛСВ в системе определяется исходя из нескольких параметров, выделенных Ю. Д. Апресяном (ученый назвал их шкалами, или измерениями): «время, пространство, употребительность, степень сложности (производности), степень стилистической маркированности»². В настоящем исследовании на первый план выходит временной параметр и связанная с ним частота употребления.

Дальше от нулевой отметки по шкале времени (т. е. от ядерной зоны системы) расположены ЛЕ, вышедшие из употребления на каком-либо этапе развития языка. В самом общем смысле подобные ЛЕ или отдельные ЛСВ принято называть устаревшими.

Согласно словарю Языкознание. Большой энциклопедический словарь (ЯБЭС), «историзмы – это слова или устойчивые словосочетания, означающие исчезнувшие реалии (... *англ.* dog-whipper, manbote)»³. В словарной статье отмечается также, что историзмы могут относиться к глубокой древности или к недавнему прошлому. Историзмом

¹Боричевская А. А., Ерофеева М. И. Процесс архаизации слов английского языка как обязательное условие поддержания языка в состоянии коммуникативной пригодности // Издательский центр Белорусского государственного университета. 2019. URL: elib.bsu.by/bitstream/123456789/235943/4/ (дата обращения: 01.08.2025).

²Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др.; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. С. 8.

³Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 204.

может быть одно из значений многозначного слова. Историзмы принадлежат к пассивному словарю, но в отличие от архаизмов не имеют синонимов в активном словаре. В учебной и научной литературе используются в терминологическом значении, в художественной литературе – для создания исторического колорита¹.

Таким образом, новизна настоящей работы состоит в том, что в ней впервые предложена пошаговая методика отбора историзмов, заключающаяся в разработке классификационных оснований отнесения устаревших ЛЕ к данному разряду архивного фонда английского языка, представлен комплексный анализ историзмов, предполагающий совокупность исследовательских процедур дефиниционного, этимологического и контекстуального анализа, а также обоснована необходимость включения в англоязычную лексикографическую практику такой словарной пометы, как *historism*.

ТИПЫ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ

Российская лингвистическая наука имеет в целом достаточно консолидированное мнение относительно классификации устаревшей лексики. Так, крупнейшие лингвистические энциклопедические словари и справочники в качестве общего понятия для слов, вышедших из активного пласта лексики, приводят термин «устаревший». Сам же процесс перехода той или иной ЛЕ на периферию языковой системы принято называть термином «архаизация». В зависимости от причин устаревания подобные ЛЕ разделяют на архаизмы и историзмы, где под «архаизмом» (от *греч.* *archaios* – древний) в отечественной лингвистической традиции понимается лексическая единица (или выражение), обозначающая существовавшую в определенную эпоху реалию, но вышедшую из употребления и замененную в современном языке синонимом².

Одна из наиболее известных классификаций устаревшей лексики английского языка в отечественном языкознании была предложена выдающимся отечественным лингвистом И.Р.Гальпериным.

¹Там же.

²Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 204.

В своем труде «Stylistics» (1971) ученый обозначил весь вышедший из активного употребления фонд английских ЛЕ как *archaic words*, выделив при этом три стадии устаревания ЛЕ и дав соответствующие обозначения ЛЕ, находящимся на каждом из этих трех этапов:

- 1) устаревающая лексика, т. е. уходящая на периферию системы за счет снижения частотности употребления в современном английском языке, поскольку она относится к более ранним стадиям развития английского языка – *obsolescent*;
- 2) устаревшая лексика, т. е. вышедшая из употребления, но всё еще узнаваемая носителями языка – *obsolete*;
- 3) архаичная лексика, т. е. вышедшая из употребления, но уже неузнаваемая носителями языка – *archaisms proper*.

И. Р. Гальперин выделял также отдельный пласт терминов, номинирующих реалии разных эпох, называя их *historical words* и не связывая такую лексику с этапами устаревания слов³.

В более поздних работах по стилистике английского языка историзмы отнесены к архаичной лексике, поскольку их исчезновение стало результатом исчезновения соответствующего референта:

One of the reasons why words disappear is the disappearance of their referents, i. e. the objects they denoted. Such archaisms are called “material archaisms”, or “historical archaisms”...⁴ – Одна из причин исчезновения слов – это исчезновение их референтов, т. е. объектов, которые они обозначают. Подобные архаизмы называются «материальными архаизмами», или «историческими архаизмами»⁵.

В настоящее время устаревшая лексика традиционно подразделяется на три основные группы: историзмы, архаизмы (лексические, семантические, грамматические, поэтические) и устаревающая лексика. Члены всех трех групп в современном английском языке по разным причинам активно не употребляются и входят в пассивный словарь, или, выражаясь «полевыми терминами», переместились на крайнюю периферию лексической системы языка.

Иную терминологическую картину наблюдаем в англоязычных источниках, где тон научному толкованию смежных терминов задают преимущественно лексикографические издания. Так, помета

³Galperin I. R. Stylistics: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Higher School Publishing House, 1971. С. 75–76.

⁴Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 62.

⁵Здесь и далее перевод наш. – Е. Ш.

archaic употребляется применительно к словам, которые когда-то были достаточно частотны (общеприняты, распространены – *common*) в английском языке и обозначали реалии более ранних эпох, а затем стали употребляться всё реже.

В словаре *The American Heritage Dictionary* (AHD) приводится следующее определение прилагательного *archaic*:

Archaic. This label is applied to words and senses that once were common but are now rare, though they may be familiar because of their occurrence in certain contexts, such as the literature of an earlier time. Specifically, this label is attached to entry words and senses for which there is only sporadic evidence in print after 1755¹. – **Архаичный.** Данная помета применяется по отношению к словам и значениям, которые когда-то были общеупотребительны, но в настоящий момент редки, хотя они могут быть узнаваемы, поскольку встречаются в определенных контекстах, таких как литература более раннего времени. В частности, данная помета применяется к словам и значениям, о которых имеются единичные упоминания в печати после 1755 года.

В этом же источнике встречаем толкование пометы *obsolete*:

The label *Obsolete* is used with entry words and senses no longer in active use, except, for example, in literary quotations. Specifically, this label is attached to entry words and senses for which there is little or no printed evidence since 1755². – Помета 'obsolete' (устаревший) применяется к словам и значениям, которые вышли из активного употребления и встречаются лишь в цитатах из литературы. В частности, данная помета применяется в отношении слов и значений, которые практически не упоминаются в печатных источниках после 1755 года.

В качестве примера различия между терминами источник приводит лексему *entertainment*:

entertainment *n.* 5. *Archaic.* Maintenance; support.
6. *Obsolete.* Employment.

Словарь *The Random House Webster's Unabridged Dictionary* (RHWUD) практически ставит знак равенства между терминами *archaic* и *obsolete*, приводя следующие определения:

Archaic – (of a linguistic form) – commonly used in an earlier time, but rare in present-day usage except

to suggest the older time as in religious rituals or historical events³. – **Архаичный** – (лингвистический термин) – общеупотребительный в более ранние времена, но редко встречающийся сейчас за исключением случаев, когда речь идет, например, о религиозных ритуалах или исторических событиях древних времен.

Obsolete – (of a linguistic form) – no longer in use, or out of use for at least the past century. = *archaic*⁴. – Устаревший – (лингвистический термин) – более не употребляемый, вышедший из употребления как минимум век назад. = архаичный.

Трактуя соответствующую помету, словарь указывает, что слова с пометой *archaic* считались общеупотребительными до 1900 года, в то время как помету *obsolete* имеют слова, не употребляющиеся с 1750 года.

Примечательно, что в англоязычных лексикографических источниках мы не находим такого термина, как *историзм*, между тем значительный пласт англоязычной лексики составляют устаревшие слова именно этого типа. Таким образом, встает вопрос о выработке методики отбора и анализа англоязычных ЛЕ, относящихся, по нашему мнению, к группе историзмов, а также о критериях отнесения той или иной ЛЕ или ЛСВ к данной группе устаревшей лексики.

МЕТОДИКА ОТБОРА МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО АНАЛИЗ

Отбор материала исследования и работа с ним проходили в три этапа:

- на первом этапе из словаря *The Random House College Dictionary*⁵ (RHCD) методом сплошной выборки были отобраны ЛЕ или отдельные значения ЛЕ с пометами *archaic* или *obsolete*;
- на втором этапе информация по каждой отобранной лексической единице (или отдельному ЛСВ) из словаря RHCD была верифицирована по словарю *Oxford English Dictionary*⁶ (OED) – в первую очередь уточнялось архаичное значение, этимология ЛЕ, анализировались примеры употребления ЛЕ в рассматриваемом значении, частотность употребления и некоторые другие параметры;

³The Random House Webster's Unabridged Dictionary. 2001. С.108.

⁴Там же, с.1338.

⁵The Random House College Dictionary. N. Y., Toronto, 1968.

⁶Oxford English Dictionary. URL: <https://oed.com> (дата обращения: 11.08.2025).

¹The American Heritage Dictionary. 4th ed. Houghton Mifflin, 2004. P. 72.

²Там же, с. 73.

- на третьем этапе на основе информации, полученной в ходе двух предыдущих этапов, делались выводы относительно того, к какой группе архаичной лексики из классификаций, приведенных в работе, следует относить ту или иную архаичную ЛЕ (или ее значение).

Приведем в качестве примера анализ историзмов *astrology*, *bagnio* и *blackguard*.

Astrology

В словаре RHCD одно из значений существительного *astrology* имеет помету *Obs.*, т. е. является в настоящее время устаревшим: *the science of astronomy*¹ (*наука астрономия*).

Приведенная в словарной статье информация об этимологии ЛЕ – [ME < L *astrologia* < GK] – свидетельствует о том, что лексема *astrology* была заимствована в среднеанглийский период из латинского языка в форме *astrologia*, куда она пришла, в свою очередь, из греческого языка.

Обращение к словарю OED позволило расширить информацию как о самой лексеме *astrology*, так и об ее архаичном значении. Так, согласно словарю OED, существительное *astrology* было впервые зафиксировано в английском языке в среднеанглийский период (1150–1500), приблизительно в период до 1387 года, в одном из переводов Джона Тревизы (John Trevisa), переводчика. В настоящее время частотность употребления лексемы в письменном английском языке не высока и составляет около двух употреблений на миллион слов.

Что касается этимологии слова *astrology*, то словарь OED в качестве источника заимствования приводит не только латинский язык, но и французский, видимо, потому, что в некоторых случаях лексема пришла в английский язык из латыни через французский язык:

Astrology is of multiple origins. Partly a borrowing from **French**. Partly a borrowing from **Latin**. **Etymons**: French *astrologie*; Latin *astrologia*. – Астрология имеет несколько источников. Частично это заимствование из французского языка. Частично это заимствование из латинского языка. Этимоны: французское слово *astrologie*; латинское *astrologia*.

Согласно данным словаря OED, существительное *astrology* в значении «The modern science of astronomy» (современная наука астрономия) активно употреблялось в период с 1656 по 1807 год.

¹RHCD. P. 84.

В настоящее время данное значение имеет помету *Obsolete*, т. е. также считается устаревшим.

Приведем несколько примеров из словаря OED для иллюстрации того, как слово *astrology* употреблялось в указанный период в текстах разных жанров.

1674 He useth Astrology, (which the Vulgar call the Black Art)... (R. Godfrey. *Various Injuries in Physick*). – Он пользуется астрологией (которую простолудины называют Черной магией)...

1680 This is the Comet that blazes in our Sky; and threatens Ruine and Destruction to us, beyond the abodings of Astrology (J. Fell². *Serm. Preached before House of Peers*). – Это Комета, которая сверкает в нашем небе и угрожает нам Разорением и Гибелью за пределами Астрологии.

1691 Some of their Ancestry have smelt ranck of Astrology (J. Dunton³. *Voyage round the World*). – От некоторых их предков несло астрологией.

1700 I find not by the Stars we shall have ever a Black-Monday this Month, which we are very glad of, because such days are very prejudicial to the Credit of Astrology (Poor Robin⁴). – Судя по звездам, в этом месяце у нас не будет Черного понедельника, чему мы очень рады, потому что такие дни сильно подрывают авторитет астрологии.

1800 The Ephesians were anciently noted for sorcery, magic, astrology, and the rest of the black arts (Brown's *New Dictionary Bible*). – В древности эфесяне⁵ славились колдовством, магией, астрологией и прочими черными искусствами.

Согласно Большой российской энциклопедии, астрология – это «учение о предсказании будущего, основанное на изучении движений и видимости небесных светил; в более широком смысле – концепция мироздания, предполагающая существование связи между перемещением и видимостью светил на небосводе и событиями земной жизни. Развитые системы астрологии существовали в Древней Месопотамии, Греции, в странах распространения эллинистической культуры (в том числе в Египте), в Индии и Китае.

²Джон Фелл (1625–1686) – английский церковный деятель и влиятельный ученый, был деканом Крайст-Чёрч (Christ Church) в Оксфорде, а позже стал епископом Оксфордским.

³Джон Дантон (1659–1733) – английский продавец книг и писатель, автор многих политических памфлетов.

⁴Poor Robin's Almanack (Альманах бедного Робина) – серия сатирических альманахов, выходивших под этим псевдонимом в Англии с 1663 г. в течение XVII и XVIII вв.

⁵Эфесяне – христиане из язычников малоазиатского города Эфеса.

В Средние века астрология была особенно популярна в странах ислама и Западной Европы. Астрологические учения были тесно связаны с магией и алхимией. Астрология входила в число наук вплоть до эпохи Возрождения, однако достижения науки Нового времени вывели астрологию за пределы собственно научной деятельности»¹.

Данная характеристика астрологии, а также информация о лексеме *astrology*, номинирующей указанное понятие, которая была получена в ходе изучения материалов из авторитетных лексикографических источников – словарей RHCD и OED – свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что существительное *astrology* в настоящее время определяет понятие, сегодня не практикуемое, и поэтому сама лексема в рассматриваемом значении вышла из активного использования в английском языке и является историзмом.

Bagnio

В словаре RHCD одно из значений существительного *bagnio* имеет помету *Archaic*, т. е. зарегистрировано как устаревшее слово в современном английском языке:

Archaic. A prison for slaves, esp. in the Orient². –
Апх. тюрьма для рабов, особенно на Востоке.

Приведенная в словарной статье информация об этимологии ЛЕ – [*lt bagno < L balneum, balineum < Gk balaneion bath*] – свидетельствует о том, что источником заимствования лексемы *bagnio* в английский язык является итальянский язык, куда это изначально греческое слово пришло из латинского языка.

Согласно данным словаря OED³, существительное *bagnio* было впервые зафиксировано в английском языке в конце 1500-х годов. Самое раннее свидетельство OED о ЛЕ *bagnio* относится к 1587 году, когда она была употреблена в трудах Т. Сондерса (T. Saunders). В настоящее время частотность употребления лексемы в письменном английском языке крайне низкая и составляет около 0,03 употреблений на миллион слов.

Этимологически словарь OED регистрирует существительное *bagnio* как заимствование из итальянского языка, приводя в качестве этимона итальянское слово *bagno*.

По информации словаря OED, существительное *bagnio* в значении:

In North Africa, the Ottoman Empire, and Italy: a place where prisoners or enslaved people are detained; a penal institution; a prison. – В Северной Африке, Османской империи и Италии: место содержания заключенных или рабов; исправительное учреждение; тюрьма» стало употребляться с 1587 года. В настоящее время данное значение имеет помету *Obsolete*, т. е. считается устаревшим.

Приведем несколько примеров из словаря OED, которые иллюстрируют, как слово *bagnio* употребляется в исторических текстах (книгах по истории, исторических романах и др.).

1728 He sent him to his Bagnio, among the rest of his Slaves (*J. Morgan. Complete History of Algiers*). – Он отправил его в тюрьму вместе с остальными рабами.

1847 To be sent to the bagnio or the galleys (*B. Disraeli. Tancred*). – Быть отправленным в тюрьму или на галеры⁴.

1915 These prisoners ... are not in the bagnio with the others. They are still confined aboard the carack I seized (*R. Sabatini. Sea-hawk*). – Эти заключенные... не находятся в тюрьме вместе с остальными. Они по-прежнему находятся на борту захваченного мной корабля.

Таким образом, информация, полученная в ходе анализа лексемы *bagnio* по материалам словарей и на основании текстовых источников употребления, свидетельствует о том, что данное существительное в одном из своих значений определяет понятие (*тюрьма для рабов*), давно не существующее в социальной жизни общества. Это обстоятельство дало нам основание включить данное слово в этом значении в группу историзмов.

Blackguard

В словаре RHCD одно из значений существительного *blackguard* имеет помету *obsolete*, т. е. является в настоящее время устаревшим:

2. Obs. a. A body of kitchen menials. **b.** servants in an army. **c.** camp followers⁵ – **2. уст. а.** кухонная прислуга. **б.** слуги в армии; **в.** армейская обслуга

⁴«Танкред, или Новый крестовый поход» (Tancred, or the New Crusade) – роман Бенджамина Дизраэли, третий в трилогии «Молодая Англия» (Young England Trilogy). Впервые опубликован Генри Колберном в трех томах в 1847 году.

⁵RHCD, C. 140.

¹URL: <https://bigenc.ru/c/astrologia-470620> (дата обращения: 11.08.2025).

²RHCD, P. 101.

³URL: <https://oed.com> (дата обращения: 11.08.2025).

Приведенная в словарной статье информация об этимологии ЛЕ – [BLACK + GUARD, earlier meaning a body of retainers either dressed in black or criminal in character; orig. sense obscure] – позволяет говорить о том, что лексема *blackguard* была образована путем словосложения; ранее слово обозначало группу слуг, одетых в черное или отличавшихся криминальным характером; оригинальное значение не ясно.

В словаре OED соответствующее значение лексемы *blackguard* также зарегистрировано как устаревшее:

A group of servants holding a similar position in an army; (also) the army's camp followers. *Also figurative. Obsolete (historical in later use).* – Группа слуг, занимающих схожую должность в армии; (также) армейская обслуга. Используется также в переносном значении. Устаревшее (историческое в более позднем использовании).

Дополнительно отмечается, что данное существительное, известное в английском языке с середины 1500-х годов, в рассматриваемом значении входило в активный словарь английского языка в период с 1560 по 1917 год, позже стало использоваться в исторических контекстах.

В плане этимологии в словаре OED приводится следующая информация:

blackguard is formed within English, by compounding.
Etymons: *black* *adj.*, *guard* *n.* – слово *blackguard* образовано в английском языке путем словосложения.
Этимоны: *black* *прил.*, *guard* *сущ.*

Таким образом, рассматриваемое существительное тоже зарегистрировано как исконно английское сложное слово, уточнена частеречная модель его образования *adj + n → N*.

В настоящее время частотность употребления лексемы в письменном английском языке не высока и составляет около 0,2 употреблений на миллион слов.

Поскольку в настоящее время, согласно информации, полученной из лексикографических источников, лексема *blackguard* в рассматриваемом значении обозначает понятие, не типичное более для армейского быта, в работе она была включена (в данном значении) в группу историзмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Слово, как писал выдающийся отечественный лингвист В. В. Виноградов, «есть вещь культурно-историческая», слово невозможно отделить от

его исторических корней [Виноградов, 1977, с. 1]. Динамизм любого языка, его непрерывное развитие естественным образом вытесняют большое количество слов на периферию системы. Однако они продолжают играть важную роль в лексическом составе языка: приобретая соответствующие словарные пометы, архивный фонд языка протягивает нить связи между прошлым и настоящим, позволяя лингвистам наблюдать, объяснять и прогнозировать движение языковых систем.

Английский язык, как и остальные естественные живые языки, располагает значительным объемом устаревшей лексики. Между тем открытым остается вопрос о классификации данной лексики. Вопросы отбора соответствующих лексем, процедура верификация и критерии отнесения той или иной ЛЕ или ЛСВ в конкретной группе представляют сложность в силу недостаточной изученности данной проблематики.

Настоящее исследование позволило сделать следующие основные выводы:

1. В англоязычной лексикографической традиции наблюдается некоторая терминологическая размытость. Так, в лексикографических источниках словарные пометы *archaic* и *obsolete* являются подчас взаимозаменяемыми, а где-то и вовсе отсутствуют, хотя очевидно, что смысловое содержание лексемы передает информацию о несуществующей на сегодняшний день реалии.
2. В англоязычной лексикографической традиции термин «историзм» отсутствует. Между тем изучение ряда ЛЕ позволяет отнести их именно к этому разряду устаревшей лексики с соответствующей словарной пометой.
3. В части исследовательских шагов по формированию корпуса историзмов в английском языке нами выделено три основных этапа: а) сплошная выборка ЛЕ, исходя из помет *archaic* или *obsolete*, из крупного авторитетного англоязычного монолингвального лексикографического источника; б) обязательная верификация данных первичной выборки по одному из авторитетных англоязычных лексикографических источников; уточнение этимологии ЛЕ, частотности употребления в современном языке; в) рассмотрение контекстов употребления данной ЛЕ в текстах разных жанров в разные исторические периоды.

В ходе исследования установлено, что подобная многоступенчатая методика отбора и анализа лексических единиц английского языка позволяет отнести часть устаревшего словарного состава к группе историзмов, поскольку они удовлетворяют следующим классификационным критериям:

наличие в смысловой структуре ЛЕ компонентов значения, свидетельствующих об утрате обозначаемой реалии (исчезновение соответствующего референта) в связи с окончанием того или иного исторического периода; отсутствие синонима; уход ЛЕ из активного употребления более века назад; использование ЛЕ в качестве номинативного средства в научно-исторической литературе.

В заключение следует подчеркнуть, что архаичная лексика как объект исследования представляет интерес не только для лингвистов, но и для представителей смежных наук – лингвокультурологии, лингвосемиотики, литературы, истории и др., поэтому ее изучение должно носить междисциплинарный характер. Особенно это относится к первой группе – историзмам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воронцова Т. Ю. Специфика коннотативного макрокомпонента семантики историзмов современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2000.
2. Некрасова Л. С. Функционирование историзмов в современном английском тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
3. Кузнецова Н. В., Привалова Ю. В. Классификация архаизмов в английских народных песнях // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7-1. С. 78–79.
4. Бойчук И. В., Моисеева С. А. Архаизация в англоязычной прозе (на материале произведений американских и британских авторов XIX–XXI вв.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 28 (249). Вып. 32. С. 34–41.
5. Проконицев Г. И. Особенности передачи историзмов и архаизмов при переводе текста англо-шотландской народной баллады // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 3. С. 39–49.
6. Джамаева И. Р., Хангереева А. Б. Об устаревшей лексике английского языка // Заметки ученого. 2021. № 4–2. С. 48–51.
7. Тимофеев Н. С. Реконструкция языковой и культурной динамики английских лексем // Когнитивные исследования языка. 2025. Вып. 1 (62). Часть II. С. 293–296.
8. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

REFERENCES

1. Vorontsova, T. Ju. (2000). Spetsifika konnotativnogo makrokomponenta semantiki istorizmov sovremennogo anglijskogo jazyka = The specificity of the connotative macrocomponent of the semantics of historicisms in modern English: PhD thesis in Philology. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
2. Nekrasova, L. S. (2008). Funktsionirovanie istorizmov v sovremennom anglijskom tekste = The Functioning of Historicisms in Modern English Texts: PhD thesis in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
3. Kuznetsova, N. V., Privalova, Ju. V. (2013). Klassifikatsija arhaizmov v anglijskih narodnyh pesnjah = Classification of archaisms in English folk songs. *Sovremennye naukoemkie tehnologii*, 7-1, 78–79. (In Russ.)
4. Bojchuk, I. V., Moiseeva, S. A. (2016). Archaization in English prose (based on works of American and English authors of XIX–XXI centuries). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*, 28(249)-32, 34–41. (In Russ.)
5. Prokonichev, G. I. (2019). Archaic and historical words in the texts of English and Scottish popular ballads: translation issues. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 3, 39–49. (In Russ.)
6. Dzhamaeva, I. R., Hangereeva, A. B. (2021). Ob ustarevshej leksike anglijskogo jazyka = About obsolete vocabulary of the English language. *Zametki uchenogo*, 4(2), 48–51. (In Russ.)
7. Timofeev, N. S. (2025). Reconstructing linguistic and cultural dynamics of English lexemes. *Cognitive Studies of Language*, 1(62)-II, 293–296. (In Russ.)
8. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija* = Selected Works. Lexicology and Lexicography. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевелева Евгения Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sheveleva Evgeniia Olegovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of English Stylistics
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42+81'371+811.112.2

Феномен серийного событийно-бытового рассказа (на примере немецкой детской литературы)

Е. П. Привалова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Privalova.ep@yandex.ru

Аннотация. В настоящем исследовании предпринимается попытка выделения и описания особого типа художественного произведения для детей – событийно-бытового рассказа, сформировавшегося под влиянием феномена интермедальности современной культуры. Событийно-бытовой рассказ рассматривается в контексте литературной социализации. В статье проводится жанровый, лексико-стилистический и интерпретационный анализ данного типа текста. На основе лингвистического анализа художественного текста делается вывод о художественных особенностях таких текстов и предположения о причинах их высокой популярности среди читателей целевой возрастной группы.

Ключевые слова: рассказ для детей, интермедальность, серийность, литературная социализация, эмоции, национально-культурная специфика

Для цитирования: Привалова Е. П. Феномен серийного событийно-бытового рассказа в современной детской литературе (на примере немецкой литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 124–131.

Original article

The Phenomenon of the Event-Based Story in Modern Children's Literature (on the example of German literature)

Elena P. Privalova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Privalova.ep@yandex.ru

Abstract. This article attempts to identify and describe a special type of children's fiction – an event-based story, formed under the influence of the phenomenon of intermediality of modern culture. An event-based story is considered in the context of literary socialization. The article provides a genre, lexical-stylistic and interpretative analysis of this type of text. Based on the linguistic analysis of the fiction text, a conclusion is made about the fiction specific traits of such texts, besides assumptions about the reasons for their high popularity among readers of the target age group are made.

Keywords: children's story, intermediality, seriality, literary socialization, emotional vocabulary, national and cultural specificity

For citation: Privalova, E. P. (2025). The phenomenon of the serial event-based story in modern children's literature (on the example of German literature). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 124–131. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе детская литература рассматривается как полноценный элемент общего литературного ландшафта, в которой специфически преломляются «основные закономерности развития литературного процесса»¹. Одной из таких закономерностей является серийность книг как реализация интермедиального взаимодействия различных направлений современного искусства. В ландшафте современной литературы для дошкольников выкристаллизовывается особый тип произведений, описывающих типичные жизненные ситуации и обладающие ярко выраженной прагматической и, на первый взгляд, слабо выраженной художественной составляющей. В настоящей статье мы ставим перед собой цель проанализировать особенности таких произведений для обоснования особого типа художественных произведений, а также попытаться выявить причины популярности такого литературного феномена. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) методом жанрового анализа текста дать характеристику жанра событийно-бытового детского рассказа; 2) методом лингвостилистического анализа установить лексико-стилистические особенности рассматриваемых текстов; 3) методом интерпретационного анализа изучить содержательное наполнение текстов и их прагматическое воздействие на читателя.

БЫТОВОЙ ЖАНР В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

В XX веке круг детского чтения пополняют произведения, описывающие жизнь детей, сверстников и современников читателя. Исследователь детской литературы А. К. Покровская описывает развитие «типической темы детской книги» в форме «повестей из семейной и школьной жизни» [Покровская, 1927, с. 9]. А. К. Покровская уточняет понятие «бытовая книга», утверждая, что быт («городской, деревенский, трудовой, семейный, общественный, школьный») является традиционным предметом изображения в детской литературе, а также формирует кулису для изображаемых событий [там же, с. 11]. В XX веке отмечается расцвет бытового жанра в детской литературе, например, в форме рассказов о дошкольниках, школьных повестей.

Литература для дошкольников и младших школьников служит основой для формирования «нравственно-духовных ориентиров и ценностей становящегося человека», поддерживая «развитие

его личности и художественных вкусов, постижение им законов искусства слова»². Посредством детской литературы закладывается отношение к литературе как области искусства в целом, иными словами, происходит процесс «литературной социализации» [Eggert, Garbe, 2003, с. 1]. Литературная социализация трактуется исследователями неоднозначно, обозначая, с одной стороны, «выработку устойчивой привычки к чтению» [там же] в результате регулярного соприкосновения с художественными произведениями, а с другой стороны, – социализацию посредством литературных произведений: «Погружение в выдуманные истории способствует формированию особой позиции вне реальности, развитию эмпатии, фантазии, ощущения причастности, способности вырабатывать собственные представления о мире и о самом себе, расширять и углублять опыт и мыслительные модели, учиться гибкому мышлению. Такой процесс обладает культурной спецификой и протекает с учетом социального запроса» [Ulich M., Ulich D., 1994, с. 821]. В немецкоязычной литературе уточняется, что различные типы текстов могут выполнять различные функции в рамках литературной социализации, а именно: а) развивать навык чтения и восприятия литературы; б) передавать знания об окружающем мире; в) способствовать развитию личности; г) содействовать включенности читателя в общество и пр. [там же, с. 823].

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИЗИРУЕМОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В последние десятилетия в детских издательствах выходит ряд серий книг, адресованных дошкольникам и направленных на формирование базовых представлений о типичных жизненных ситуациях. Цель таких книг – рассказать понятным языком о многообразии социального взаимодействия, заблаговременно подготовить детей к ситуациям, которые могут наступить в их жизни, помочь ребенку адаптироваться. Российский издатель так представляет одну из серий книг, о которой пойдет речь ниже: «С этими книгами ребенок перестанет бояться врача, первого дня в садике или школе, поймет, что животные в доме – это большая ответственность. Серия охватывают все жизненные навыки, с которыми ребенок встречается во время взросления.... Ассоциируя себя с главной героиней, малыш проживает ее историю, учится и познает мир»³. В Германии несколько таких серий

¹Посашкова Е. В., Томилова С. Д. Детская литература. С. 4. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/48047/1/uch00258.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

²Посашкова Е. В., Томилова С. Д. Детская литература. С. 5. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/48047/1/uch00258.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

³URL: <https://alpinabook.ru> (дата обращения: 05.05.2025).

выходят в издательстве Carlsen Verlag: серия о девочке Конни (для детей от трех лет), серия о брате Конни по имени Якоб (для детей от двух лет), серия о мальчике по имени Макс (для детей от трех лет)¹. В качестве центрального персонажа может выступать как ребенок, так и животное (примерами последнего типа могут служить серии «Leo Lausemaus», «Bobo Siebenschläfer»). Рассматриваемые здесь серии относятся в немецкой издательской классификации к типу «Bilderbuch», то есть детским книжкам-картинкам. При этом их следует отличать от книжек-картинок для самого младшего возраста, где иллюстрации имеют первостепенную роль и сопровождаются небольшим текстом объемом в несколько строк, представляющим собой либо комментарии к изображению, либо очень короткую связную историю. Кроме того, в качестве отличительной черты рассматриваемого феномена мы выделяем повторяющуюся бытовую тематику и событийную составляющую и проводим разграничение между анализируемыми сериями и сериями книг, образованными историями с довольно сложным оригинальным сюжетом. Типичными темами для книг выше приведенных серий являются следующие: уборка, обучение гигиеническим навыкам, первый поход в детский сад, дружба, поход в магазин, поход в парикмахерскую. В качестве примеров заголовков, повторяющихся от серии к серии, можно привести такие схемы: «X идет в детский сад», «X потерялся», «X празднует Рождество», «X ссорится с Y», «X сердится», «X не может уснуть», «X ночует у Y», «X в зоопарке», «X у врача», «X учится плавать», «X празднует день рождения», «X и зубная фея» и др. Помимо типичных ситуаций и тем в каждой серии можно обнаружить оригинальные сюжеты, например: «Max und die Polizei» / «Макс и полиция», «Max entdeckt das Weltall» / «Макс знакомится с космосом», «Max auf der Ritterburg» / «Макс в рыцарском замке», «Jakob kann zaubern» / «Якоб показывает фокусы», «Jakob und Conni freuen sich auf den Osterhasen» / «Конни спасает пасхального зайца», «Jakob braucht ein Pflaster» / «Якоб поранился», «Conni zieht um» / «Конни переезжает», «Conni kümmert sich um die Umwelt» / «Конни и мусор», «Conni macht Mut in Zeiten von Corona» / «Конни на карантине» и др. (ряд заголовков даны в переводе издательства «Альпина Паблишер»).

Остановимся подробнее на серии книг о девочке Конни, которая выходит в немецком издательстве Carlsen Verlag более 30 лет и является прототипом для многих аналогичных серий. Несколько поколений детей в Германии выросли на книгах

о Конни. В отзывах читателей отмечается сильная привязанность детей к персонажу и серии в целом, стремление детей слушать / перечитывать книги вновь и вновь. С появления серии в Германии вышло более ста наименований книг, адресованных следующим группам читателей: от трех лет, от восьми лет, от 10 и от 12 лет. Возрастная маркировка книг предполагает охват читательской аудитории от трех до 15 лет. Книги серии переводятся на 20 языков. В России книги выходят с 2018 года и, согласно отзывам издателя и библиотекарей, пользуются большой популярностью среди читателей. К серии книг о Конни примыкает серия о ее младшем брате Якобе, рассчитанная на более младший возраст читателей. В настоящей статье будут приводиться примеры из обеих серий.

В основу серии о Конни положена идея возрастной градации книг, которая заключается в том, что героиня «растет» вместе с читателем. Философия и основная миссия серии заключается в «передаче читателю важного знания о повседневной жизни» в игровой форме. Книги «ориентированы на потребности детей и тематически близки миру детей»², читатель следует за героиней и испытывает переживаемые ею эмоции, погружается в сложные ситуации, перенимает опыт преодоления трудностей в повседневной жизни.

Рассматриваемые в настоящей статье художественные произведения для детей дошкольного возраста отличаются небольшим объемом (24–36 страниц), входят в круг детского чтения и рассчитаны на возраст, когда дети являются слушателями книг или только осваивают навык самостоятельного чтения. В ситуации чтения вслух возникают предпосылки для обсуждения. Активный визуальный компонент способствует дискуссии, обсуждению, чтение сопровождается рассматриванием иллюстраций.

Таким образом, обсуждаемые произведения не просто входят в круг детского чтения, то есть, по определению Х.–Х. Эверса, образуют корпус фактической детской литературы, но и формируют корпус «преднамеренной детской литературы»³, то есть создаваемой целенаправленно для детей и конкретно для определенной возрастной группы (например, дошкольников). Взрослые делают осознанный выбор, предлагая детям книги для чтения. В процессе знакомства с такими книгами закладываются основы литературной компетенции. Кроме того, такие произведения обладают двойной или множественной адресацией: родителям предлагаются модели поведения, взаимодействия

²URL: <https://www.conni.de> (дата обращения: 15.05.2025).

³Ewers H.-H. Kinder- und Jugendliteratur. In: KinderundJugendmedien.de. URL: <https://www.kinderundjugendmedien.de/index.php/begriffe-und-termini/411-kinder-und-jugendliteratur>. (дата обращения: 01.06.2025).

¹URL: www.carlsen.de (дата обращения: 10.05.2025).

с ребенком и образцы для подражания на примере взрослых персонажей.

Анализируемые в настоящей статье событийно-бытовые рассказы являются показательным примером текстов, реализующих понятие литературной социализации в обоих приведенных выше значениях. Будучи предназначенными для чтения вслух или для первого самостоятельного чтения, они служат материалом для развития навыков чтения и первого самостоятельного взаимодействия с литературными текстами. Объединяясь в объемную серию, каждая книга которой иллюстрирует определенную частную жизненную ситуацию, исследуемые произведения безусловно способствуют социализации читателя в обществе, развитию эмоциональной сферы и навыков в определенной ситуации в быту или за пределами дома.

ПРИНЦИП СЕРИЙНОСТИ И ПАРАМЕТР ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ

Одной из неотъемлемых характеристик анализируемых произведений является принцип серийности. Т. А. Леонова фокусирует внимание на широком использовании понятия серийности в различных областях деятельности и на фиксации перехода «от единичного к множественному, от уникального к тиражированному», «в указании на повторение, а также бесконечное продолжение» [Леонова, 2018, с. 3]. Т. А. Леонова рассматривает принцип серийности «не только как основу художественных методов и приемов, но и как фактор формообразования» [там же].

Г. А. Жиличева, анализируя ряд подходов к понятию серийности, приводит следующее, релевантное для настоящего исследования определение: серийность понимается, среди прочего, «как синоним сериальности, основной характеристики массовой литературы, манифестирующей формульную поэтику, тиражируемость интриги и героя» [Жиличева, 2022, с. 181]. При этом признак серийности, по мнению Х.-Х. Эверса, был заимствован литературой из других медиа, в частности, телевидения, опорой на жанр телевизионных сериалов. Х.-Х. Эверс определяет такие заимствования как «литературную имитацию жанровых образцов новых медиа»¹, что можно рассматривать как реализацию такого явления, как интермедийность. Интермедийность – понятие, появившееся в российской науке к концу XX века, восходит к Античности. Н. В. Исагулов в аналитической статье, посвященной интермедийности как «зонтичному»

¹Ewers H.-H. Geschichte der deutschen Kinder- und Jugendliteratur. Eine problemgeschichtliche Skizze. URL: <https://www.uni-frankfurt.de/64851467/> (дата обращения: 31.05.2025).

явлению, подчеркивает, что античных авторов волновали проблемы синтеза и диалога в искусстве, в первую очередь «вопрос возникновения и функционирования различных синтетических форм и жанров на основе литературы» [Исагулов, 2019, с. 28]. Интермедийность происходит из явления экфрасиса, восходящего к древнегреческой риторике и связанного со «словесным воспроизведением визуальной образности в художественном тексте» [Судленкова, 2018, с. 326]. В контексте взаимодействия различных кодовых систем внутри текста интермедийность понимается как «способ организации фактуальной и концептуальной информации текста» [Церковский, Жишкевич, 2020, с. 135], при котором в художественном произведении возникает своеобразный «интермедийный код» [там же], ключ к которому дает не столько анализ отсылок к другим видам искусства, сколько «исследования корреляции смыслов отдельно взятого литературного текста (по Н. В. Тишуниной)» [цит. по: Церковский, Жишкевич, 2020, с. 135]. Если трактовать интермедийность как совокупность явлений, возникающих в результате взаимодействия различных видов искусств, то можно определить рассматриваемую серию событийно-бытовых рассказов как реализацию такого взаимодействия: создаваемая под влиянием идеи телевизионных сериалов, серия книг впоследствии становятся основой для экранизации в формате многосерийных мультфильмов. Кроме того, у проекта есть своя страница в интернете, оформленная от лица заглавной героини, где происходит интерактивное взаимодействие с читателем².

СЮЖЕТ И ФАБУЛА СОБЫТИЙНО-БЫТОВОГО РАССКАЗА

В рассматриваемом событийно-бытовом рассказе повествование имеет линейный характер. События описываются в той последовательности, в которой они происходят, описание отличается детализированной динамичностью. Сюжет и фабула совпадают. «Фабула – это то, что в художественном мире напоминает о мире реальном. В непосредственном, безыскусном читательском восприятии фабула предстает как то, что было на самом деле» [Левитан, Цилевич, 1990, с. 98]. Таким образом, в серии книг о Конни юный читатель воспринимает события непосредственно, следуя за героиней. Обратившись к сопоставлению авторами фабулы как цепи действий и перемен и сюжета как художественного авторского переосмысления таких действий и перемен, можно говорить о том, что

²URL: www.conni.de (дата обращения: 07.07.2025).

в событийно-бытовом рассказе сюжет отражает типичные жизненные ситуации в обыкновенной последовательности событий: «Фабула – это цепь действий и перемен, представленная в произведении, но мыслимая как нечто внешнее, что могло бы совершаться в действительности, за пределами произведения. Сюжет – это та же цепь действий и перемен, но взятая в авторском освещении, в развитии авторского взгляда от начала к концу произведения» [Левитан, Цилевич, 1990, с. 108].

Сюжет событийно-бытового рассказа отличается простотой и обыденностью. В нем чаще всего можно установить отсутствие экспозиции, интриги и, как следствие, отсутствие ярко выраженной кульминации, но можно отметить наличие завязки и развязки и основного линейного повествования. Рассмотрим рассказ «Connis erster Flug»¹ («Конни летит на самолете»). Фабула рассказа может быть сформулирована следующим образом: Конни с родителями собираются в отпуск. Они упаковывают вещи, просят соседку позаботиться о коте и проверяют, выключены ли электроприборы. Семья едет на такси в аэропорт, сдает вещи в багаж и проходит регистрацию. Ожидая вылета, Конни наблюдает за самолетами на взлетно-посадочной полосе. Затем семья отправляется на посадку. В самолете мама читает Конни книгу. Бортпроводница приносит обед. После обеда самолет начинает посадку. Конни и родители прилетели в теплую страну, начинается их отпуск. Сборы в отпуск в начале рассказа и начало отпуска в заключительной части могут быть отнесены к завязке и развязке, впрочем, при отсутствии интриги и кульминации в рассказе.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНО-БЫТОВОГО РАССКАЗА

Повествованию в рассматриваемой серии сюжетно-бытовых рассказов свойственны следующие характеристики: динамичность, ситуативность, эмоциональность, *включенность в социокультурный контекст*, фокус на детской картине мира и детском восприятии действительности, интенсивная визуальная составляющая.

Динамичность повествования проявляется в насыщенной последовательности событий, подробном описании происходящих действий, постоянной смене событий. Динамичность повествования создается, кроме того, в результате применения грамматической глагольной формы настоящего времени, которую можно рассматривать как форму

настоящего исторического времени, что является типичной чертой для европейской детской литературы, ориентированной на читателей младшего возраста:

Conni, Mama und Papa gehen in die Abflughalle. Vor ihrem Schalter stehen schon einige Leute, aber bald sind sie dran. Papa gibt der Frau am Schalter die Flugscheine. Sie dürfen sich ihre Plätze aussuchen. Conni will am Fenster sitzen. Das Gepäck stellt Papa auf eine Waage neben dem Schalter. Von dort wird es mit einem Fließband weiter befördert und später zusammen mit vielen anderen Gepäckstücken zum Flugzeug gebracht (*Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug*). – Конни, мама и папа идут в зал вылета. Перед окошком уже стоят люди, но скоро подходит их очередь. Папа передает женщине в окошке билеты. Им предлагают места на выбор. Конни хочет сидеть у окна. Папа ставит багаж на весы рядом с окошком. Оттуда багаж уезжает на транспортировочной ленте. Позднее его доставят вместе с другим багажом в самолет².

Выбор лексики и синтаксических конструкций обусловлен необходимостью облегчения восприятия текста детьми. Ряд особенностей – такие, как вербальный стиль при отсутствии аналитических глагольно-именных конструкций, предпочтительное использование простых предложений, отказ от стилистически маркированной лексики, исключение синонимов и др., сопоставимы с отличительными чертами так называемого «легкого языка» (*Leichte Sprache*), параметры которого подробно описаны в статье В. В. Стрельцовой [Стрельцова, 2022].

Ситуативность находит отражение в строгой привязанности к изображаемой ситуации. Повествование обычно не содержит отсылок к прошлому, ассоциаций или подробных описаний взаимоотношений персонажей, а ограничивается изображением событий в рамках заданной ситуации:

Heute macht Jakob mit Mama, Papa und Conni einen Ausflug auf den Bauernhof. Dort kommt schon der Bauer Johann mit seinem großen roten Traktor herbeigefahren. [...] Jakob und Papa sind mit Johann aufs Feld gefahren. Der grüne Mähdrescher muss repariert werden. Und Jakob schaut unter die Motorhaube des Traktors (*Grimm S. Jakob auf dem Bauernhof*). – Сегодня Якоб, мама, папа и Конни едут на ферму. Их встречает фермер Йоханн на большом красном тракторе. <...> Якоб с папой уехали на поле. Зеленый комбайн нуждается в ремонте. Якоб заглядывает под капот комбайна.

¹Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug. Carlsen, 2016.

²Зд. и далее перевод наш. – Е. П.

Включенность в социокультурный контекст

Тексты рассказов содержат изображение социальной среды, в которой преимущественно существуют герой и читатель дошкольного возраста: семья и детские учреждения (детский сад), а также часто посещаемые детьми дошкольного возраста (например, поликлиника). В изображении семейной жизни можно отметить большей частью традиционное распределение социальных ролей, основанное на отношениях заботы и справедливого разделения обязанностей:

Papa trägt das Gepäck nach draußen (*Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug*). – Папа относит багаж на улицу.

Mama liest ihr eine Geschichte vor (*Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug*). – Мама читает вслух книжку.

Mama erklärt ihr, dass das mit der Höhe und dem Luftdruck zu tun hat (*Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug*). – Мама объясняет ей про набор высоты и давление воздуха.

Mama nimmt Conni an die Hand (*Schneider L., Steinhauer A. Conni geht verloren*). – Мама берет Конни за руку.

В представлении отношений с ближайшим социальным окружением транслируются такие ценности, как миролюбивые отношения, основанные на взаимопомощи и взаимном уважении:

Kater Mau darf nicht mit in die Ferien. Auf ihn passt die Nachbarin auf (*Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug*). – Кота Мяфа в отпуск не берут. За ним присмотрит соседка.

Oma Marianne passt auf Jakob auf, damit Mama und Conni in die Stadt fahren können (*Schneider L., Steinhauer A. Conni geht verloren*). – Бабушка Марианна присмотрит за Якобом, чтобы мама с Конни могли съездить в город.

Conni kauft für Jakob ein gelbes Quetsche-Entchen. Sie bezahlt es selbst mit dem Geld von Oma (*Schneider L., Steinhauer A. Conni geht verloren*). – Конни покупает для Якоба желтого утенка – пищалку и оплачивает его сама из денег, которые ей дала бабушка.

Несмотря на то, что ряд книг в серии призваны предупреждать ребенка о существующих опасностях (*Conni geht verloren, Conni geht nicht mit Fremden*), мир изображается в его гармоничном, «нормальном» состоянии, где можно пользоваться поддержкой близких и знакомых, то есть в состоянии, обеспечивающем благоприятные психологические условия для полноценного развития ребенка.

Некоторые событийно-бытовые рассказы в рамках рассматриваемой серии посвящены культурно значимым событиям, в особенности традиционным праздникам: «Conni feiert Weihnachten», «Conni lernt backen», «Jakob und Conni freuen sich auf den Osterhasen», а также событиям, сопровождаемым социокультурными ритуалами, например, «Conni hat Geburtstag», «Conni kommt in die Schule». Аутентичную атмосферу культурно значимого события передают реалии, лексика, обозначающая атрибуты определенного праздника или традиции, а также описания ритуалов: Bescherung, Lebkuchen, Nikolaus, Advent, Adventskalender, Plätzchen backen, Erntedankfest, Schokokusswettessen, Schatzsuche.

Важным маркером культурно-специфического контекста является детский фольклор:

Ringel, rangel, reihe, Wir sind der Kinder dreie, sitzen unterm Hollerbusch, machen alle husch- husch-husch! (<i>Grimm S., Friedl P. Jakob geht zum Kinderturnen</i>)	Эй, дружок, все в кружок Встанем по порядку! Хоровод поведем, Сделаем зарядку! К нам идет сюда волчок – Прячьтесь, дети, под кусток!
---	--

Эмоциональность, фокус на детской картине мира и детском восприятии действительности

Н. С. Болотнова подчеркивает особую значимость эмоционального уровня текста и его составляющих, объясняя ее тем, что «они определяют общую эмоциональную тональность текста, влияющую на формирование его смысла и эмоциональной реакции адресата в сознании адресата» [Болотнова, 2022, с. 199]. Категория эмотивности играет важную роль в анализируемых рассказах. Будучи представленными в лаконичной форме, эмотивы тем не менее постоянно сопровождают событийное описание:

Conni **bekommt** ein bisschen **Angst** (*Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug*). – Конни немного страшно.

Es **dröhnt und kribbelt in Connis Bauch** (*Schneider L., Wenzel-Bürger E. Connis erster Flug*). – В животе у Конни урчит и щекочет.

Conni entdeckt ihren roten Koffer und **zupft** Mama **aufgeregt** am Ärmel (Schneider L., Wenzel-Bürger E. *Connis erster Flug*). – Заметив свой красный чемодан, Конни взволнованно дергает маму за рукав.

Conni **freut sich auf** die Ferien – und jetzt schon auf den Rückflug (Schneider L., Wenzel-Bürger E. *Connis erster Flug*). – Конни радуется каникулам и ждет, когда они снова полетят на самолете.

Conni **sieht sich staunend um**. So ein Gedränge! So viele große Häuser! (Schneider L., Steinhauer A. *Conni geht verloren*) – Конни с удивлением оглядывается по сторонам. Ну и толпа! И так много домов!

Conni **liebt** Rolltreppen (Schneider L., Steinhauer A. *Conni geht verloren*). – Конни любит эскалаторы.

События изображаются через призму детского взгляда на жизнь, с этой целью в процессе создания речевого портрета используется внутренняя речь, позволяющая лучше понять мысли и чувства героини и способствующая формированию отклика у читателя – сверстника героини:

Die neuen Schuhe sind prima. **Aber wo ist jetzt Mama?** Conni sucht in den Gängen und ruft nach ihr (Schneider L., Steinhauer A. *Conni geht verloren*). – Новые ботинки отличные. Но где же мама? Конни ищет в проходах и зовет маму.

Das macht Spaß! – Вот здорово! [...] **Nur, wo ist hier eine Kasse? Da ist eine Kasse! Und dort ist Mama!** – Вот только где здесь касса? Вон она! А вот и мама! (Schneider L., Steinhauer A. *Conni geht verloren*)

Детская картина мира передается также с помощью образных средств, в частности, посредством метафорических сравнений, в которых используются образы, доступные и близкие ребенку:

Die Häuser unter ihnen sind schon **so klein wie im Spielzeugland** (Schneider L., Wenzel-Bürger E. *Connis erster Flug*). – Дома под ними маленькие, как в игрушечной стране.

Jetzt sind sie über den Wolken. Von oben **sehen sie aus wie Watte** (Schneider L., Wenzel-Bürger E. *Connis erster Flug*). – Теперь они летят над облаками. Отсюда облака кажутся похожими на вату.

Интенсивная визуальная составляющая реализует поликодовый характер текста и является важным фактором интермедиального взаимодействия. Обширные полностраничные детализированные иллюстрации в сочетании с динамичным повествованием создают эффект просмотра мультипликационного фильма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ событийно-бытового рассказа позволяет сделать вывод о таких характеристиках, как принадлежность к серии, поликодовый характер, акцент на динамичной событийности и ситуативности, включенность в социокультурный контекст, в большинстве случаев – совпадение сюжета и фабулы, отсутствие интриги в развитии сюжета, линейность повествования, наличие средств выразительности, служащих передаче детского картины мира, акцент на ключевых ценностях семейного и социального взаимодействия, интермедиальный характер. Дидактический потенциал таких рассказов заключается в наличии отчасти скрытой обучающей составляющей. Событийно-бытовые рассказы успешно реализуют социализирующую, обучающую и развлекательную функции. Успешность таких серий и привязанность к ним юного читателя обусловлены комбинацией вышеуказанных признаков, а особенно серийностью, лаконичностью изложения и интермедиальным параметром.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Покровская А. К. Основные течения в современной детской литературе. М.: Работник просвещения, 1927.
2. Eggert H., Garbe Ch. Literarische Sozialisation. 2. Auflage. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2003.
3. Ulich M., Ulich D. Literarische Sozialisation: Wie kann das Lesen von Geschichten zur Persönlichkeitsentwicklung beitragen? // Zeitschrift für Pädagogik. 1994. № 40 (5). S. 821–834. DOI: 10.25656/01:11111.
4. Леонова Т. А. Своеобразие воплощения принципа серийности в искусстве XX–XXI в. (на примере телевидения): автореф. дис ... канд. искусствоведения. Минск, 2018.
5. Жиличева Г. А. Серийность как принцип наррации в современной прозе (С. Носов, А. Сальников, В. Пелевин) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 180–192. DOI: 10.17223/18137083/81/14.
6. Исагулов Н. В. Интермедиальность как зонтичный термин: попытка классификации // Культура слова. 2019. № 1 (2). С. 28–39. DOI: 10.32743/2658-4085.2019.1.2.26.
7. Судленкова О. А. Каждая фотография – это рассказ: фотографический экфрасис в современной британской литературе // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: материалы конференции, Седльце, 25–26 мая 2017 года. Седльце, 2018. С. 326–339.

8. Церковский, А. Л., Жишкевич А. И. Интермедиаальный код в современной детской литературе с позиции литературоведения и лингвистики // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2020. № 6 (109). С. 134–141.
9. Левитан Л. С., Цилевич Л. М. Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990.
10. Стрельцова В. В. Особенности репрезентации ключевых понятий общественно-политического дискурса в формате «Leichte Sprache» на сайтах органов власти ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 109–116. DOI 10.52070/2542-2197_2022_11_866_109.
11. Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 197–203.

REFERENCES

1. Pokrovskaya, A. K. (1927). Osnovnye techeniya v sovremennoj detskoj literature = Main trends in modern children's literature. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya. (In Russ.)
2. Eggert, H., Garbe, Ch. (2003). Literarische Sozialisation = Literary socialization 2. Auflage. Stuttgart/Weimar: Metzler.
3. Ulich, M., Ulich, D. (1994). Literarische Sozialisation: Wie kann das Lesen von Geschichten zur Persönlichkeitsentwicklung beitragen? = Literary socialization: How can reading stories contribute to personality development? Zeitschrift für Pädagogik, 40(5), 821–834. DOI: 10.25656/01:11111.
4. Leonova, T.A. (2018). Svoeobrazie voploshcheniya principa serijnosti v iskusstve 20–21 v. (na primere televideniya) = The uniqueness of the embodiment of the principle of seriality in the art of the 20th – 21st centuries (using television as an example): abstract of PhD thesis in Arts History. Minsk. (In Russ.)
5. Zhilicheva, G.A. (2022). Seriality as a principle of narration in contemporary prose (Nosov, Sal'nikov, Pelevin). Sibirskij filologicheskij zhurnal, 4, 180–192. DOI: 10.17223/18137083/81/14. (In Russ.)
6. Isaugulov, N. V. (2019). Intermediality as an umbrella term: approach to classification. Kultura slova, 1(2), 28–39. DOI: 10.32743/2658-4085.2019.1.2.26. (In Russ.)
7. Sudlenkova, O. A. (2018). "Every picture tells a story": Photographic Ekphrasis in Contemporary British Literature. In Teoriya i istoriya ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniya (pp. 326–339): conference proceedings. Sedl'ce, 25–26th of May 2017. Sedl'ce. (In Russ.)
8. Tserkovsky, A. L., Zhishevich A. I. (2020). Intermedial code in modern children's literature from the standpoint of literary criticism and linguistics. Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya, 6(109), 134–141. (In Russ.)
9. Levitan, L. S., Cilevich, L. M. (1990). Syuzhet v hudozhestvennoj sisteme literaturnogo proizvedeniya = Plot in the artistic system of a literary work. Riga: Zinatne. (In Russ.)
10. Streltsova, V.V. (2022). Features of representation of the key concepts of socio-political discourse in the «Leichte Sprache» format on the websites of German authorities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 109–116. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_109. (In Russ.)
11. Bolotnova, N. S. (2022). The conception of V. I. Shakhovskiy's emotiveness in the context of studying the communicative stylistics of the text. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 3(166), 197–203. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Привалова Елена Павловна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

доцент кафедры немецкого языка и перевода Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Privalova Elena Pavlovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of German, Moscow State Linguistic University

Associate Professor at the Department of German and translation, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.07.2025
25.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.531

Особенности отражения восстания в Кванчжу в романе южнокорейской писательницы Хан Ган «Человеческие поступки»

Д. В. Ситникова¹, Н. В. Соболева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹dariastn@outlook.com

²saybl@list.ru

Аннотация. Исторические события часто являются темой художественных произведений. Цель данного исследования – анализ способов репрезентации исторического события, а именно, Народного восстания в Кванчжу 1980 года, в романе современной южнокорейской писательницы Хан Ган «Человеческие поступки». В исследовании используются метод сравнительно-исторического анализа, семиотический и интерпретационный методы. Выявлено, что главными особенностями романа являются: фокус не на масштабе события, а на личности, детальное описание человеческих страданий, переплетение воспоминаний свидетелей восстания с художественным вымыслом, стремление автора дать голос погибшим и пострадавшим во время восстания.

Ключевые слова: корейская литература, современная корейская литература, современный корейский роман, восстание в Кванчжу, историческая память, Хан Ган, «Человеческие поступки»

Для цитирования: Ситникова Д. В., Соболева Н. В. Особенности отражения восстания в Кванчжу в романе Хан Ган «Человеческие поступки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 132–139.

Original article

Feature of the Depiction of the Kwangju Uprising in Han Kang's Novel "Human Acts"

Daria V. Sitnikova¹, Nadezhda V. Soboleva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

¹dariastn@outlook.com

²saybl@list.ru

Abstract. Historical events are a frequent theme in works of fiction. The purpose of this study is to analyse the ways of representation of a historical event, namely the 1980 Gwangju People's Uprising, in the novel Human Acts by the contemporary South Korean writer Han Kang. The method of comparative-historical analysis, semiotic and interpretive methods are used to fulfil the purpose. The study revealed that the main features of the novel are: the focus not on the scale of the event but on the individual, the detailed description of human suffering, the interweaving of the memories of witnesses of the uprising with fiction, the author's desire to give a voice to those who died and suffered during the uprising.

Keywords: Korean literature, contemporary Korean literature, contemporary Korean novel, Kwangju Uprising, historic memory, Han Kang, "Human Acts"

For citation: Sitnikova, D. V., Soboleva, N. V. (2025). Feature of the depiction of the Kwangju Uprising in Han Kang's novel "Human Acts". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (904), 132–139. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к историческим событиям нередко встречается в художественной литературе. Авторы могут по-разному подходить к репрезентации исторической действительности в литературе, отображая события с разными пропорциями достоверности и вымысла. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

- выявить и проанализировать способы включения исторических фактов и свидетельств в художественный текст – для этого был использован метод сравнительно-исторического анализа;
- определить художественные приемы, с помощью которых осуществляется репрезентация исторического события и передача травматического опыта его участников – для этого используются семиотический метод анализа символики и образов романа и интерпретационный метод.

Актуальность исследования обусловлена интересом к проблемам репрезентации истории в литературе, а также возрастающим интересом к поэтике и проблематике современного корейского романа. Тенденции, связанные с этим интересом, находят отражение в ряде научных исследований, в том числе статье «Особенности содержания южнокорейской прозы о Корейской войне (1950–1953) как отражение коллективной памяти» [Мосейчук, Солдатов, 2021], статье «Новое в темах и героях в современной южнокорейской литературе (конец XX – начало XXI века)» [Цой, 2021], а также в коллективной монографии «Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура» [Модернизация Кореи ... 2022, с. 303–350]. Исследование также имеет междисциплинарный потенциал, поскольку в нем рассматривается отражение в литературе исторического события, а также темы травмы и коллективной памяти.

Новизна заключается в комплексном подходе к анализу романа Хан Ган «Человеческие поступки», который еще не вошел в литературоведческий обиход. Его исследованию, особенно в отечественной гуманитарной науке, посвящено не так много работ.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в преподавании курсов по литературе, в частности, преподавания современной литературы Кореи.

В литературе существуют разные подходы к репрезентации исторических событий, но разнятся они и в исторической науке. Например, представители направления нарративной философии истории полагают, что «любой вариант репрезентации

случившегося, даже полностью отвечающий дисциплинарным и институциональным требованиям, а потому ценный и убедительный (для кого-то), в целом неизбежно оказывается одним в ряду многих» в то время как «использование субъективного отношения к истории позволяет “схватить” прошлое и прошедшее как совокупность живых, аутентичных, а не застывших событий» [Мороз, 2013, с. 78].

В контексте художественной литературы можно сказать, что строгое следование историческим фактам и научному представлению об истории не столь важно, сколько создание при помощи художественного языка яркого образа, способного передать сущность события. «Большая часть литературоведов сходится во мнении, что проблема исторического правдоподобия не может быть решена в художественном произведении путем точного следования факту. Степень объективности исторического анализа зависит в первую очередь от места и функции истории в авторской концепции романа. Таким образом, разграничение арсенала документальных и художественных элементов в тексте не может быть критерием, согласно которому этот текст следует относить к документальной или художественной сфере, поскольку зачастую именно факт, преобразованный романной реальностью, становится более семантически значимым, чем сама историческая достоверность этого факта. В качестве альтернативы достоверности или вымысла романист предлагает читателю не более чем одну известную историю, но историю *пере-открытую* и *пре-образованную* магией художественного слова. Таким образом, получается, что писатель, который берет за основу своего произведения историческую тему, далеко не всегда ставит перед собой цель рассказать читателю о чем-то до этого неизведанном, но, скорее, помочь увидеть по-новому ставшее давно известным и привычным» [Соболева, 2011, с. 10–11].

О РОМАНЕ

Южнокорейская писательница Хан Ган (род. 1970) в романе «Человеческие поступки», посвященном Народному восстанию в Кванчжу 1980 года, тоже применяет к описанию событий субъективный подход.

Народное восстание в Кванчжу продолжалось с 18 по 27 мая 1980 года и было вызвано недовольством населения по отношению к военным во главе с Чон Духваном, пришедшим к власти в ходе военного переворота 1979 года. Против военной диктатуры выступали разные слои населения в разных частях страны, но вскоре военные распространили военное положение на всю страну,

чтобы полностью захватить власть. При этом протесты в Кванчжу не прекращались. Вооружившиеся демонстранты сохраняли контроль над городом до 27 мая, когда в 3 часа утра в Кванчжу вошли войска, которые в ходе карательной операции расправились с ополченцами. В ходе операции было убито и ранено множество горожан [Тихонов, Кан, 2011].

Несмотря на то, что сейчас восстание в Кванчжу считается своего рода символом борьбы за демократию, достоверная информация о причинах и ходе восстания долгое время была неизвестна большей части населения страны. До конца президентства Чон Духвана власти прикладывали усилия, чтобы сформировать негативный облик восставших. Восстание часто называли вооруженным мятежом или бунтом, а восставших – бандитами. Только в 1987 году благодаря Демократическому движению 10 июня, необходимость пересмотреть отношение к событиям в Кванчжу была признана на правительственном уровне. Были восстановлены честь и достоинство погибших участников восстания, выжившим участникам и родственникам погибших были выплачены компенсации [Ким, 2021]. Впоследствии это важное для Республики Корея событие было неоднократно освещено в литературе и кинематографе. О нем повествует и роман Хан Ган «Человеческие поступки».

Писательница берет за основу реальное историческое событие и включает в роман элементы биографий участников и свидетелей восстания, в частности, образ главного героя базируется на истории одного из участников и воспоминаниях его близких о нем. Отдельные части судеб героев также соответствуют сведениям о восставших. В то же время исторические сведения в романе переплетаются с художественным вымыслом и даже элементами обращения к духовному и сверхъестественному, например, в эпизоде, где персонажи после смерти становятся духами.

В корейской культуре распространено представление о том, что после смерти люди становятся духами. В частности, когда речь идет о внезапной смерти, особенно в юном возрасте, считается, что душа такого человека останется бродить по земле, поскольку некому провести обряд подношения его духу, как это принято делать для духов предков [Baker, 2008]. Поэтому подобное описание того, что происходит с персонажами после смерти, не выбивается из традиционной для корейской культуры картины мира, и, вероятно, по этой же причине автор никак не дает дополнительных объяснений этому эпизоду.

В качестве основной темы и основной задачи романа «Человеческие поступки» можно выделить сохранение и передачу памяти о восстании. При этом писательница фокусируется не на масштабе

события, а на личности: вместо того, чтобы перечислять исторические факты или разъяснять читателю ход событий, автор описывает переживания и страдания героев. Название романа тоже подчеркивает, что в центре авторской концепции находится образ погибшего мальчика и память о нем и его жертве. Несмотря на то, что на русском языке роман был опубликован под названием «Человеческие поступки», а на английском – под названием «Human Acts», его оригинальное название – “소년이 온다” – может быть переведено на русский как «Мальчик идет» или «Мальчик приходит». Это название включает в себе одну из основных идей произведения: сохранение памяти о пострадавших в восстании в образе невинно погибшего подростка.

Отличительной особенностью творчества Хан Ган является исследование тем протеста и сопротивления насилию. В частности, в «Человеческих поступках» раскрывается тема человеческой стойкости, сохранения чести и достоинства перед лицом насилия, рассматривается след, который пытки и насилие со стороны военного режима оставили на жизнях пострадавших от него. Именно человеческие страдания в романе описаны наиболее детально и приближенно к реальности, что производит на читателя неизгладимое впечатление и в полной мере передает трагедию людей, выступивших против режима. В своем творчестве писательница уделяет особое место телесности и взаимосвязи тела и личности человека. Многие ее произведения содержат подробные описания трансформаций, происходящих с телом, в случае «Человеческих поступков» можно говорить о трансформациях, происходящих с человеком и его телом после смерти. Реалистичность и физиологичность описания страданий, насилия, тел погибших – это не просто художественный прием, придающий роману выразительность, но его отдельная тема, отличающая «Человеческие поступки» от других художественных произведений, посвященных восстанию в Кванчжу.

Город Кванчжу является важным местом для Хан Ган: там она родилась и провела первые десять лет своей жизни. В начале 1980 года, за несколько месяцев до восстания, ее семья переехала в Сеул. В эпилоге романа писательница рассказывает о том, как впервые узнала о событиях в Кванчжу – из обрывков разговоров взрослых. Там же она рассказывает о том, как узнала о погибшем во время восстания Тонхо – главном герое своего романа. Вымышленные события в романе сочетаются с описаниями, соответствующими настоящим показаниям свидетелей и выживших: например, в основу истории одной из героинь легла реальная история молодой девушки, которая в последнюю ночь восстания разъезжала по городу с громкоговорителем,

умоляя жителей выйти на улицы, чтобы продолжить протест против военного режима [Choi, 2013]. Память о восстании в романе сохранена в воспоминаниях героев, переплетенных с их повседневной жизнью.

Субъективность отражения событий можно связать с задачей, поставленной автором, – дать голос погибшим и пострадавшим, рассказать об их личной трагедии. Чо Сонхи сравнивает «Человеческие поступки» с художественной литературой, посвященной Холокосту, и выделяет в романе черты, объединяющие его с другими произведениями, рассказывающими о судьбах людей, столкнувшихся с крайней степенью насилия. В исследовании выделяются такие темы, как невозможность засвидетельствовать случившееся, поскольку боль, будучи субъективным опытом человека, ее испытавшего, не может быть объективно оценена и измерена, потому ее тяжело выразить словами. В то же время боль и травма навсегда остаются с тем, кто был подвергнут насилию. В «Человеческих поступках» духи погибших продолжают испытывать мучения даже после смерти. По мнению автора исследования, всех персонажей романа объединяет чувство обиды и справедливого гнева по отношению к своим обидчикам, которые остались безнаказанными, и вытекающее из этого чувства требование объяснений и справедливости [조성희, 2018].

Стремление рассказать о судьбе героев – участников событий и дать им право голоса раскрывается в структуре романа. «Человеческие поступки» состоят из шести глав, каждая из которых рассказывает о судьбе одного из персонажей, и эпилога. Герои романа являют собой собирательные образы участников восстания, которые на протяжении всей дальнейшей жизни вынуждены бороться с травмой пережитого, и в то же время они олицетворяют слои населения – интеллигенцию, студентов, участников рабочего движения – сопротивляющихся диктаторскому режиму, протестующих каждый по-своему. И, наконец, как признается сама писательница, для нее Кванчжу – это «не имя собственное, а имя нарицательное, выражающее ожесточенную борьбу между человеческой жестокостью и насилием и человеческим же достоинством» (“광주는 특정한 고유명사가 아니라 인간의 폭력과 존엄이 치열하게 맞붙은 보통명사로 존재한다”)¹.

ПЕРСОНАЖИ РОМАНА

В центре повествования первых двух глав – главный герой, ученик средней школы Тонхо, и его

¹박길자. 열세 살 때 본 오월광주 사진첩이 나의 문학 결정 – 여성신문: URL: <https://www.womennews.co.kr/news/articleView.html?idxno=94027> (дата обращения: 21.09.2025).

погибший в самом начале восстания друг Чондэ. Вдвоем они олицетворяют связь между все еще живыми, преисполненными чувством долга и вины, и мертвыми, души которых страдают от боли и одиночества. В поисках друга, которого Тонхо потерял в хаосе первого дня восстания, мальчик оказывается в здании школы, где тела погибших собирают для опознания, и остается помогать. Тонхо служит своего рода проводником, связующим звеном как между живыми и мертвыми, которых он готовит к отправлению в последний путь, так и между остальными персонажами романа, в воспоминаниях которых он будет появляться даже спустя годы после собственной смерти в последний день восстания.

В качестве отдельного персонажа в первых двух главах выступает толпа. Образ толпы в романе принимает разные формы: от толпы из сотен тысяч людей, которая «бурлила, как огромная волна, заполнив собой все свободное пространство улиц»² (с. 20), до заполонивших весь зал в здании школы мертвецов, которые похожи на «толпу людей, договорившихся собраться в этом месте» (*там же*). Сваленные вместе тела погибших тоже превращаются в «труп огромного чудовища с несколькими десятками ног» (с. 49). Противопоставляются друг другу как шумная толпа протестующих и безмолвная толпа погибших, так и жители Кванчжу и безликие представители власти. Позднее, в третьей главе, автор продолжает размышлять на эту тему, «цитируя» предисловие к книге по психологии толпы, над изданием которой работает одна из героинь: «До сих пор еще неясно, что является решающим фактором, управляющим нравственностью толпы. Интересно, что уровень нравственности отдельного человека отличается от переживаний морально-этического характера индивидуумов, образующих толпу. Одна толпа не может устоять перед соблазном мародерства, убийства и насилия, в то время как другая толпа может отличаться высоким уровнем храбрости и альтруизма, которого отдельному индивидууму не достичь. Это не означает, что толпа второго типа состоит из особо благородных индивидуумов – скорее, благородство, заложенное в природе человека, может порождаться общей силой толпы. Аналогичным образом в толпах первого типа низменные склонности усиливаются не особым варварством отдельных типов, а тем, что варварство, присущее человеку изначально, в толпе проявляется сильнее» (с. 98).

Размышляя о единении людей в толпе и чувстве общности, Хан Ган затрагивает и тему одиночества человека перед лицом насилия и репрессивного режима. После смерти друга главного героя

²Эд. и далее цитируется по изданию: Хан Хан. Человеческие поступки : [роман] / Хан Хан ; [перевод с корейского Ли Сан Юн]. Москва : Издательство АСИ, 2020.

Чондэ становится духом, витающим возле своего тела, и остается совсем один. «Пусть много духов витает где-то здесь поблизости, но я не мог увидеть или почувствовать ни одного. Оказывается, выражение типа "встретимся на том свете" не имеет никакого смысла» (с. 47). В то время как сложенные вместе тела погибших будто превращаются в один организм, духи их остаются в полном одиночестве, направляя все свои усилия на то, чтобы коснуться друг друга, подобно тому, как пережившие травму люди могут чувствовать себя изолированными. Точно так же страх, в том числе страх перед насилием военного режима, изолирует людей и в некоторых случаях даже настраивает друг против друга: так из-за страха на улицы со временем выходит все меньше и меньше людей, а подвергнутые пыткам участники восстания становятся озлобленными друг на друга.

Следующая, третья глава рассказывает о жизни Ынсука, героини, которая, будучи ученицей старшей школы, как и Тонхо, трудилась в здании школы, где собирали тела. Ей удалось остаться в живых, но пережитое оставило на ее душе незаживающий шрам. В главе ясно показывается, как героиню мучает чувство вины выжившего, о чем говорится как напрямую, так и иносказательно.

Особенно отчетливо видно, как травма повлияла на жизнь героини, на контрасте с героиней по имени мисс Пак, она – полная противоположность Ынсуку и в то же время олицетворение того, кем могла быть девушка, если бы не травматичный опыт, который не дает ей двигаться дальше. Когда Ынсук впервые появляется в первой главе романа, на ней – школьная форма. Теперь, когда героиня не пользуется косметикой, не носит яркой одежды или туфель на каблуках, не занимается ничем, кроме работы, в повествовании появляется мисс Пак «в темно-синем полупальто, похожем на школьную форму женской гимназии». В отличие от Ынсука, мисс Пак – «любимица коллектива», на которую нельзя смотреть без улыбки: «С лица главного редактора издательства, радостно встретившего девушку, быстро слетела улыбка, когда его глаза наткнулись на глаза Ынсука, сидевшей над рукописью и поднявшей голову при появлении гостя» (с. 72). Однако Ынсук, как бы ни старалась, не может быть такой же общительной и улыбчивой: «Она попыталась улыбнуться так же, как мисс Пак, но боль не позволила ей этого сделать, и она отвернула голову, чтобы директор не увидел ее опухшую щеку» (с. 75).

Помимо жизни Ынсука, которая будто бы навсегда застыла в дне жестокого подавления восстания, в третьей главе описана повседневность писателей, переводчиков, редакторов, которые, несмотря на жесткую цензуру, продолжают искать и находить способы говорить о том, что считают важным.

В конце 80-х годов XX века, когда правда о восстании в Кванчжу стала широко известна, для южнокорейских писателей особенно острым был этический вопрос о вине и ответственности за случившееся, распространена была точка зрения, по которой виновен был даже тот, кто хранит молчание о случившемся и не стремится узнавать о произошедшем [Ет, 2021].

Четвертая глава посвящена Чинсу, студенту, который занимался помощью раненым, учетом тел погибших и организацией похорон, а в ночь, когда в город вошли военные, не покинул Управление провинции и попал в тюрьму, где вместе с другими арестованными подвергся пыткам. Его история рисует настоящий образ «вооруженных экстремистов», устроивших восстание: студентов и школьников, которые получили оружие, но даже не умели стрелять. Один из них не мог поверить, что оружие действительно может выстрелить, поэтому «вышел во внутренний двор, выстрелил в небо и вернулся назад» (с. 115). Единственной их целью было продержаться до утра, в надежде, что тогда на площадь выйдут другие жители города и продолжат протест. Никто из вооруженных молодых людей не желал применять насилие. Товарищ Чинсу, выступающий рассказчиком в этой главе, вспоминает: «Нет, никто из нас не стрелял. Никто никого не убил. Даже видя, как из темноты по лестнице поднимаются солдаты, как они подходят к нам, никто из нашего отряда не нажал на спусковой крючок. Никто не смог выпустить пулю, зная, что она убьет человека» (с. 119–120). Этот образ контрастирует с тем, как восставших в свое время описывали власти, называвшие восстание вооруженным мятежом, а восставших – бандитами [Тихонов, Кан, 2011].

В отличие от восставших, военные не боятся выстрелить. Выданных им патронов было в два раза больше, чем жителей города, и хватило бы на то, чтобы «всадить в тело каждого по две пули». После ареста восставшие были подвергнуты жестоким пыткам, таким, чтобы «жертва страдала сильнее, чем при обычном избивании, но при этом чтобы сами палачи физически не напрягались». Автор показывает, как перед лицом насилия даже готовые пожертвовать своей жизнью люди теряют чувство собственного достоинства и превращаются в готовых наброситься друг на друга из-за одной рисинки зверей и бездушный скот. Рассказчик несколько раз упоминает, что в то время чувствовал себя куском мяса, и размышляет о том, что даже смерть может быть лучше унижения пытки.

Пятую главу, посвященную героине по имени Сончжу, можно назвать кульминационной. Девушка – старшая из героев романа. Прежде чем присоединиться к восставшим, она работала на

фабрике и принимала участие в рабочем движении. В ночь, когда военные вошли в город, Сонджу была арестована и, как и Чинсу, подверглась пыткам. События пятой главы разворачиваются спустя много лет после восстания, но героиня не может отпустить прошлое. Один исследователь просит ее рассказать о своем участии в восстании, чтобы включить ее свидетельство в свою научную работу. Он уже обращался к ней десять лет назад, но тогда Сонджу отказалась. В этот раз он прислал ей диктофон, на который она может записать свою историю.

Сонджу предстоит записать свое свидетельство, но она не может решиться. Рассказывать о своем травматичном опыте – всё равно что пережить его заново. Да и как можно выразить произошедшее с ней словами? «Каким бы мог получиться рассказ, если в сплетение непринужденных выражений и сухих фраз были бы вставлены бессловесные нити, узелки напряженного покашливания и замешательства?» (с. 155). Можно ли засвидетельствовать те ужасы, которым ее подвергли, и то, какой след они оставили на ее жизни?

Свидетельство, с одной стороны, необходимо, для того чтобы пролить свет на жестокость военного режима, и для того, чтобы избавиться от груза прошлого. «Я бы на твоём месте не стала ничего скрывать. Я бы не стала тратить оставшуюся жизнь на то, чтобы ограждать себя от прошлого» (с. 166), – советует Сонджу знакомая. С другой стороны, свидетельство невозможно по многим причинам: во-первых, сам процесс является для нее, как и для любой жертвы насилия, слишком болезненным, во-вторых, навсегда изменивший ее жизнь опыт не поддается обычному описанию словами. Следует отметить, что свидетельство является важным элементом литературы, имеющей дело с описанием травматичного опыта. Вопрос невозможности и в то же время необходимости свидетельства или дачи показаний о подобном опыте поднимает в своем исследовании и Чо Сонхи, сравнивая роман Хан Ган с литературой, посвященной Холокосту [조성희, 2018].

Наконец, в последней, шестой главе на примере истории матери Тонхо рассказывается о жизни тех, кто потерял своих родных и близких во время восстания. Даже не будучи непосредственными участниками, они стали жертвами режима и также

переживают травму от случившегося. Мать мальчика даже спустя многие годы как будто бы снова и снова проживает день трагедии и не может до конца поверить в смерть своего сына: «Не может быть, что я своими руками закопала тебя» (с. 185). Ее и других персонажей переполняет чувство вины. «Ты погиб не по его вине, но почему он поседел раньше всех своих друзей, почему так рано согнулись его плечи?» (с. 186) – думает она об одном из старших братьев Тонхо. В то же время общая трагедия объединила родителей детей, погибших во время восстания. Основав Общество семей погибших, они сами стали выходить на протесты. Несмотря на внутреннюю опустошенность, они смогли обрести чувство общности: «Каждый раз, расходясь по домам, мы пожимали руки и поглаживали друг друга по плечу и, заглядывая в глаза, обещали встретиться снова» (с. 194–195).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы литературных произведений, обращаясь к историческим событиям, зачастую не стремятся к их достоверной передаче. Следование факту не является обязательным критерием для подобных произведений, напротив, преображая исторические факты, автор раскрывает историческое событие с новой стороны, предоставляя читателю возможность увидеть привычное в новых, более ярких красках.

В романе Хан Ган «Человеческие поступки» биография главного героя и воспоминания о нем его близких, рассказы участников и свидетелей событий и исторические факты переплетаются с художественным вымыслом, формируя яркий образ исторического события. Персонажи «Человеческих поступков» представляют собой собирательные образы пострадавших от жестокости военного режима. Образ главного героя, Тонхо, собран из частичек воспоминаний выживших о нем, в то же время история мальчика является воплощением боли тех, кто не может высказаться о ней лично. Раскрывая историческое событие через субъективный опыт его участников и осмысление их травмы, в своем романе Хан Ган дает погибшим и пострадавшим голос, чтобы рассказать об их личной трагедии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мосейчук Д. В., Солдатова М. В. Особенности содержания южнокорейской прозы о Корейской войне (1950–1953) как отражение коллективной памяти // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 1 (843). С. 173–191.
2. Цой И. В. Новое в темах и героях в современной южнокорейской литературе (конец XX – начало XXI века) // Россия – Корея – СНГ: труды XXI Международной конференции по науке и технологиям, Москва, 26–28 августа 2021 г. Новосибирск, 2021. С. 319–324.

3. Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура: коллективная монография / отв. ред. Р. К. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022.
4. Мороз О. В. «Субъективный исторический опыт» как способ мыслить: частный случай современной российской литературы // *Артикульт*. 2013. №11 (2). С. 77–83.
5. Соболева Н. В. Специфика жанра романа в творчестве Маргерит Юрсенар: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
6. Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. М.: Наталис, 2011. Т. 2: Двадцатый век / Корея: 1905–1945 гг. (В. М. Тихонов); Южная Корея: 1945–1992 гг. (Кан Мангиль) / ред., пер. с корейского Т. М. Симбирцевой; под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. (*Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41*).
7. Ким Н. Н. Как в Южной Корее вспоминают восстание в Кванчжу 18 мая 1980 года: политические коллизии вокруг практик коммеморации в XXI веке // *Новая и новейшая история*. 2021. № 2. С. 148–161.
8. Baker D. *Korean Spirituality*. University of Hawai'i Press, 2008.
9. Choi Sh. *Pritesting Identity: Memories of the Kwangju Uprising and Effects on Identity Formation of Youths* // *Educational Perspectives*. 2013. Vol. 46. No. 1–2. P. 9–19.
10. 조성희. 한강의 『소년이 온다』와 홀로코스트 문학 – 고통과 치욕의 증언과 원한의 윤리를 중심으로 // *세계문학비교연구*. 2018. № 62. P. 5–28. = Чо Сонхи. «Человеческие поступки» Хан Ган и литература Холокоста – свидетельство о страдании и унижении и этика мести // *Сравнительные исследования мировой литературы*. 2018. № 62. С. 5–28.
11. Em H. *Conferring Eloquence: Suicide and Martyrdom in Korean History* // *Korean Journal*. 2021. Vol. 61. No. 2. P. 313–336.

REFERENCES

1. Mosyachuk, D. V., Soldatova, M. V. (2021). Osobennosti soderzhaniya yuzhnokoreyskoy prozy o Koreyskoy voine (1950–1953) kak otrazhenie kollektivnoy pamyati = Features of the Content of South Korean Prose About the Korean War (1950–1953) as a Reflection of Collective Memory. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(843), 173–191. (In Russ.)
2. Tsoi, I. V. (2021). Novoye v temakh i geroyakh v sovremennoy Yuzhnokoreyskoy literature (konets XX – nachalo XXI veka) = New Trends in Themes and Characters in Contemporary South Korean Literature (Late 20th – Early 21st Century). In *Russia – Korea – CIS (pp. 319–324): XXI International Conference on Science and Technology, Moscow, August 26–28, 2021*. Novosibirsk. (In Russ.)
3. Tangalycheva, R. K. (Ed.). (2022). *Modernizatsiya Korei: politika, ekonomika, obshchestvo, kul'tura* = Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture: a collective monograph. Moscow: VTsIOM. (In Russ.)
4. Moroz, O. V. (2013). *Subektivnyy istoricheskiy opyt kak sposob myslit': chastnyy sluchay sovremennoy rossiyskoy literatury* = Subjective historical experience as a way of thinking: A case study of contemporary Russian literature. *Articult*, 11(2), 77–83. (In Russ.)
5. Soboleva, N. V. (2011). *Spetsifika zhanra romana v tvorchestve Marguerite Yourcenar* = The specificity of the novel genre in the works of Marguerite Yourcenar: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Tikhonov, V. M., Kan, M. (2011). *Istoriya Korei* = History of Korea (vol. 2: The 20th century): in 2 vols. Translated from Korean by T. M. Simbirtseva, edited by V. M. Tikhonov. Moscow: Natalis. (In Russ.)
7. Kim, N. N. (2021). *Kak v Yuzhnoy Koree vspominayut vosstanie v Kvanchzhu 18 maya 1980 goda: politicheskie kolizii vokrug praktik kommemoratsii v XXI veke* = How South Korea commemorates the Gwangju Uprising of May 18, 1980: Political controversies surrounding commemoration practices in the 21st century. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2, 148–161. (In Russ.)
8. Baker, D. (2008). *Korean Spirituality*. University of Hawai'i Press.
9. Choi, Sh. (2013). *Pritesting identity: Memories of the Kwangju Uprising and effects on identity formation of youths*. *Educational Perspectives*, 46(1–2), 9–19.
10. 조성희. 한강의 『소년이 온다』와 홀로코스트 문학 – 고통과 치욕의 증언과 원한의 윤리를 중심으로 // *세계문학비교연구*. 2018. №62. Pp. 5–28. = Cho, S. (2018). Han Kang's "Human Acts" and Holocaust literature – Focusing on testimonies of suffering and shame, and the ethics of revenge. *World Comparative Literature Studies*, 62, 5–28. (In Korean)
11. Em, H. (2021). *Conferring eloquence: Suicide and martyrdom in Korean history*. *Korean Journal*, 61(2), 313–336.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ситникова Дарья Витальевна

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы
преподаватель кафедры восточных языков
Московского государственного лингвистического университета

Соболева Надежда Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sitnikova Daria Vitalievna

PhD student at the Department of Russian and Foreign Literature
Lecturer at the Department of Oriental Languages
Moscow State Linguistic University

Soboleva Nadezhda Vladimirovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Russian and World Literature, Moscow State Linguistic University
Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Moscow State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

Василий Баженов: архитектурные замыслы и политические реальности

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ политических событий, повлиявших на архитектурные замыслы Василия Ивановича Баженова. Творчество В. И. Баженова явилось одним из самых ранних и самых ярких образцов соединения лучших черт европейской и русской архитектуры, оно непосредственно связано с социально-историческими процессами, происходившими в России XVIII столетия. Автор исследует сложные жизненные перипетии его судьбы, и творчество, в котором отражены ключевые проблемы русской культуры XVIII столетия. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени.

Ключевые слова: русская архитектура, Царицыно, масоны, Екатерина II, ансамбль

Для цитирования: Горлов В. Н. Василий Баженов: архитектурные замыслы и политические реальности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 140–148.

Original article

Vasily Bazhenov: Architectural Ideas and Political Realities

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the political events that influenced the architectural designs of Vasily Ivanovich Bazhenov. Bazhenov's work was one of the earliest and most striking examples of the fusion of the best features of European and Russian architecture, and is directly linked to the socio-historical processes occurring in 18th-century Russia. The author explores the complex ups and downs of his life and his work, which reflects key issues of 18th-century Russian culture. The study's methodology is based on a combination of general scientific and specialized historical methods. The study is based on a problem-based historical analysis, taking into account the social conditions of the time.

Keywords: Russian architecture, Tsaritsyno, Masons, Catherine II, ensemble

For citation: Gorlov, V. N. (2025). Vasily Bazhenov: architectural ideas and political realities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 140–148. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Среди мастеров русской архитектуры особое место принадлежит гениальному зодчему, крупнейшему теоретику и смелому новатору Василию Ивановичу Баженову. Щедро одаренный от природы, глубоко талантливый и трудолюбивый, Баженов прожил суровую жизнь. Способный на осуществление больших архитектурных замыслов, он вынужден был по воле капризов и интриг высокопоставленных заказчиков, отвергнувших многие его проекты, мириться с крушением своих надежд. Но и по тем немногочисленным зданиям, которые удалось создать Баженову, можно определить творческий почерк мастера, одного из основоположников классицизма в русской архитектуре.

Неудержимое стремление к искусству, проявившееся в раннем возрасте, помогло Баженову преодолеть все преграды и овладеть всеми богатствами художественной культуры своего времени. Сын псаломщика одной из кремлевских церквей Василий Баженов рано проявил художественную одаренность. Пятнадцатилетний мальчик работал с артелью мастеров над росписями Головинского дворца в Москве, где познакомился с известным архитектором Д. В. Ухтомским, по рекомендации которого был зачислен в только что открывшийся Московский университет. Вскоре ввиду особо склонности к архитектуре из Московского университета был переведен в Академию трех знатнейших художеств (будущую Императорскую Академию художеств). Если проследить этапы его драматического жизненного пути, то следует отметить, что ученические годы Василия Баженова складывались очень удачно. Ярко проявившиеся способности выдвинули его в число самых талантливых студентов Академии.

За выдающиеся успехи В. И. Баженову выпала редкая удача быть отправленным в 1760 году в заграничную командировку для продолжения образования. Пять лет он провел в Италии и во Франции, совершенствуя свое мастерство. Академия возлагала на него большие надежды, субсидируя поездку молодого мастера [Снегирев, 1962].

В 1765 году В. И. Баженов вернулся в Россию с дипломом Парижской академии художеств, членом Болонской и Флорентийской академий, а также профессором Римской академии Святого Луки. В. И. Баженов получил звание академика и предложение разработать проект «увеселительного дома» в Екатерингофе. Проект властям настолько понравился, что через год его отправляют в Москву, где он был назначен главным архитектором кремлевских строений. Природное дарование, развитое европейским образованием, всеобщее признание

не остались незамеченными императрицей Российского государства – Екатериной II. Сочтя его архитектором, идеально подходящим для осуществления ее планов, она поручила ему строительство Кремлевского дворца.

Актуальность темы исследования связана с тем, что решение современных архитектурных задач требует от исследователей анализа исторического опыта, в том числе деятельности русских архитекторов в переломные периоды отечественной истории, связана с необходимостью изучения творческих достижений русских архитекторов. Материалом статьи послужили исследования российских архитекторов (З. В. Золотницкая, Е. Т. Горохова, Е. В. Рождественская-Кашенко, Р. М. Байбурова, К. И. Минеева, М. В. Алиатов, В. Р. Рабинович, А. И. Михайлов, В. Л. Снегирев). В монографии В. Л. Снегирева «Зодчий В. И. Баженов» показано значение Баженова для развития русской архитектуры. В работе дается общий очерк жизни и творчества одного из талантливейших представителей русской культуры второй половины XVIII века.

В работе А. И. Михайлова «Баженов» рассматривается многогранная деятельность В. И. Баженова, в которой проявились характерные особенности нашего национального зодчества, сложившиеся в процессе многовековой истории.

В статье В. Р. Рабиновича «Каковы же причины творческой трагедии зодчего Баженова» неудачи Баженова во многом объясняются перепадами в его взаимоотношениях с Екатериной II. Автор рассматривает деятельность Ф. В. Каржавина, Н. И. Новикова, Павла I, во многом оказавшие влияние на взгляды В. И. Баженова.

В третьем томе «Всеобщей истории искусств» М. В. Алпатова рассматривается искусство периода образования Российской Империи. Автор пытается осмыслить основные пути исторического развития художественной культуры человечества и научиться понимать и ценить классическое и современное искусство. Это заставило автора несколько отступить от общепринятого типа истории искусств с его изобилием всевозможных сведений, которые нередко лишь перегружают память, но не развивают критических способностей.

Книга К. И. Минеевой «Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль» посвящена описанию уникального дворцово-паркового ансамбля Царицыно. Автор рассказывает об основных вехах его истории: предыстории Царицына, Царицыно времени Баженова, Казаковский дворец.

В статье Р. М. Байбуровой «Царицыно» рассматривается история Большого дворца в Царицыне как многосложная, драматичная и до сих пор не выясненная во всех обстоятельствах. Царицынский

дворец, начатый в 1776 году В. И. Баженовым и возводившийся М. Ф. Казаковым вплоть до 1796 года, представляет совместную постройку двух авторов, в которой доля Баженова по мнению автора гораздо значительнее, чем принято считать.

В статье Е. В. Рождественской-Кашенко «Василий Баженов – вольный каменщик» смысловое содержание построек Царицына соотнесено с масонской символикой. Автор статьи акцентирует внимание на том, что масонские идеи «вольных каменщиков» были широко распространенными в русских просветительских кругах XVIII столетия, и Василий Баженов разделял религиозно-идеологическую программу масонства.

В статье Е. Г. Гороховой «Празднование Кючук-Кайнарджийского мира» рассказывается о праздновании грандиозной победы над Османской империей и заключения Кючук-Кайнарджийского мира. Именно Первопрестольная стала главным городом этих торжеств. Баженов исполнил волю императрицы, и Москва с удивлением обнаружила на пустынном Ходынском поле целый городок причудливой архитектуры, песчаные моря и реки и трибуны в виде кораблей. Государыня осталась довольна торжествами и поручила Баженову выстроить нечто подобное, но более капитальное в ее новом имении, в Царицыно.

В статье З. В. Золотницкой «Кремлевские строения и зодчество Москвы» анализируется эпоха Екатерины Великой, время расцвета русской культуры и науки, триумфальных походов наших армий. Правление императрицы оказалось долгим и совпало с золотым веком стиля классицизм, что делает этот период эстетически цельным и запоминающимся.

В рамках статьи решаются следующие задачи: рассмотреть участие В. И. Баженова в строительстве Кремлевского дворца, оформлении Ходынского поля, строительства Царицынского ансамбля, дома Пашкова, проанализировать политические события, социально-исторические процессы, происходящие в России в XVIII веке, осветить вклад В. И. Баженова в развитие отечественной архитектуры.

КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ

Несмотря на резкое сокращение строительства в Москве после переноса столицы в Петербург (первая половина XVIII в.), Правительство придавало облику Москвы важное значение – здесь проводились празднования в честь важнейших событий в жизни страны, коронационные торжества, триумфы в честь военных побед. По замыслу Екатерины Великой, древняя столица России должна была радикально и полностью измениться – весь ее центр, система планировки, облик города в целом. Дени

Дидро советовал ей: «Было бы естественно иметь Вашему Величеству в Москве большой дворец»¹. С этим она была вполне согласна, но ее мысль шла значительно дальше. Она хотела, чтобы этот дворец передавал в своей архитектуре образ новой, «просвещенной» ею России.

Об этом свидетельствует дата, когда Екатерина II поручила архитектору В. И. Баженову начать работу над проектом такого дворца – 1767 год [Екатерина Великая и Москва, 1997]. Тогда в Москве собралась Комиссия для составления нового свода законов (Уложения), члены которого представляли важнейшие учреждения империи и все ее сословия – выборный орган, напоминавший французские Генеральные штаты [там же].

Это было событие огромного значения – с него, по мысли императрицы, должно было начаться торжество Просвещения в России, и новый дворец был призван вместить систему управления преобразованной страны. Гигантский комплекс, который должен был стать самым большим классицистическим сооружением Европы, заменял собой Кремль [Белов, 2019].

В. И. Баженов, прекрасно изучивший классические традиции европейской архитектуры, основал Экспедицию Кремлевского строения. Согласно проекту В. И. Баженова вместо одновременного живописно-панорамного кремлевского средневекового ансамбля должен был возникнуть новый колоссальный комплекс, основанный на классицизации² русской архитектурно-строительной системы, проект превратился в гигантское образование, которое охватило почти всю территорию Кремля, вытеснив многие старые постройки. В проекте Кремлевского дворца В. И. Баженов проявил редчайшее мастерство и утонченный художественный вкус. Фасады, несмотря на их протяженность, не выглядели ни монотонными, ни подавляющими. Однако в проекте были и большие издержки. Древние постройки внутри Кремля выглядели неорганично, никак не соотносясь с новой застройкой. К тому же колоссальное строительство могло ослабить их фундаменты и привести к разрушению святынь.

В мечтах В. И. Баженову грезилось строение, превосходящее великолепием Семь чудес Древнего мира. Но создать такое строение можно было только за счет уничтожения бесценных сокровищ русского зодчества. В. И. Баженов, вкус которого был развит и воспитан видами Лувра, Собора Св. Петра в Риме, вынашивал идею подгонки древнего Кремля под европейский образец.

¹Дидро Д., Собрание сочинений: в 10 т. М.; Ленинград: Гос. изд. худож. лит. 1947. Т. X. С. 94.

²Классицизация – возвращение к принципам классического искусства.

Первый вариант мастера предусматривал расположение дворцового комплекса внутри Кремля. Но архитектора не устраивало, что его детище прикрито от зрителя средневековыми стенами. Естественное желание В. И. Баженова выдвинуть его на красную линию, за стены, совпало с волей императрицы.

Указом императрицы от 15 марта 1771 года началась разборка стен и башен Кремля. Архитектурные замыслы В. И. Баженова способствовали разборке древних построек. Разрушение стен было начато с древней Тайницкой башни, а также с разборки двух Безымянных башен. Все, кто видел макет и был знаком с планами, понимали, что возведение дворца должно было привести к неминуемому уничтожению значительной части юго-восточной кремлевской стены, включая Константино-Еленинскую башню. Фактически исчез один из самых живописных видов Кремля со стороны Софийской набережной. Несмотря на создание в макете великолепного сооружения, В. И. Баженов преступил границы исторически допустимого, замыслив его на месте российской святыни.

Санционируя строительство баженовского дворца, Екатерина постоянно подстегивала главного архитектора Экспедиции В. И. Баженова и главу Экспедиции кремлевских строений генерал-поручика М. М. Измайлова поспешить с разборкой старых в Кремле строений, чтобы мощный ансамбль Кремлевского дворца скрыл древние храмы. В. И. Баженов богом дарованный ему талантист вынужден был направить на исполнение государственной воли. В. И. Баженов искренне желал придать лучший вид «сему древностью обветшалому и нестройному граду» [Михайлов, 1951, с. 108].

Видимо, императрица считала возможным таким путем уничтожить древний очаг русского духа. Екатерина II не любила Москву с ее храмами, которые она называла «языческими» и которые ей страшно надоели. Императрицу не устраивало фактическое наличие в государстве двух столиц. В «северной» императрица пребывала сама с двором, там находились правительственные учреждения, из «северной» столицы осуществлялось управление. В «южной» происходила коронация, «венчание на царство». Во всех документах использовалось понятие «обеих столиц». Москве, лишенной древнего Кремля, уже не подходило бы название первопрестольной.

Разборка в 1771 году древнейшей Тайницкой башни совпала с эпидемией чумы, унесшей десятки тысяч жизней. Разразился Чумной бунт, во время которого были убиты архиепископ Амвросий, многие немцы-врачи, сожжен Головинский дворец. Народ расстреливали из пушек в упор картечью.

Все эти трагические события вынудили императрицу действовать осмотрительно. Несмотря на просьбы продолжать работы в Кремле, Екатерина II опасалась принимать что-либо решительное из-за московских событий. Отныне императрица непременно требовала поддержки своих решений Сенатом.

Экспедицией Кремлевского строения были развернуты проектные и подготовительные работы для строительства нового грандиозного дворца. Однако сама постройка под разными предложениями откладывалась. В. И. Баженов продолжал проектирование дворца вплоть до 1773 года. Ему удалось создать его знаменитую, сохранившуюся до наших дней гигантскую модель.

1 июля 1773 года была произведена торжественная церемония закладки дворца. Екатерина II предпочла отсутствовать на акте закладки дворца, фактически переложив всю ответственность за разрушение древних строений на В. И. Баженова.

Политическая обстановка, впрочем, складывалась благоприятно. Турция была побеждена в 1774 году и был заключен мир в местечке Кючук-Кайнарджи [Екатерина Великая и Москва]. Москвичи понимали, что победа в Русско-турецкой войне позволит императрице форсировать строительство дворца. Необходимо было в кратчайший срок представить Екатерине II в противовес ее плану разрушения Кремля свой план благоустройства Москвы. К середине 1775 года был подготовлен «План Москвы, прожектированный городу и предместьям» (подписанный впоследствии самой Екатериной). В этом проекте предусматривался ряд мероприятий по регулированию планировки и застройки районов города, в том числе бывшей Немецкой слободы. Характерно, что на обоих планах стены и башни Кремля показаны как бы восстановленными [Сытин, 1954].

Уже в 1774 году Екатерина II, бывшая инициатором реконструкции Московского Кремля, охладела к этой затее, отказалась от осуществления проекта под предлогом сохранения кремлевских древностей и перестала выделять деньги на строительство: яркий и грандиозный архитектурный замысел умирал. В 1775 году был принят указ императрицы о прекращении строительства Кремлевского дворца по проекту В. И. Баженова, вышли именные указы императрицы о восстановлении разрушенного в прежнем виде [Снегирев, 1962]. К 1778 году стены и башни Кремля были полностью восстановлены. От Баженовского проекта сохранилась только уникальная деревянная модель Кремлевского дворца, которой восхищались.

В. И. БАЖЕНОВ И Ф. В. КАРЖАВИН

Утверждения искусствоведов, что решение прекратить строительство Кремлевского дворца состоялось из-за оскудения казны после окончания войны с Турцией, легко опровергаются: в том же 1775 году было развернуто строительство трех достаточно дорогостоящих сооружений – Петровского и Царицынского дворцов и здания Сената в Москве. Да и контрибуция, выплачиваемая Турцией по манифесту, составляла 3 млн рублей. Дело не только в том, что строительство нового дворца потребовало бы огромных средств, – Екатерина II не жалела их на создание пышных хором и «потемкинских деревень». Всё объясняется рядом политических обстоятельств.

Императрице при посредстве «всевидящего глаза» тайной канцелярии могли быть известны антицаристские убеждения друга В. И. Баженова – Ф. В. Каржавина, да и его самого. Ф. В. Каржавин учился с Баженовым в Парижском университете и стал помощником архитектора в Экспедиции кремлевского строения, возглавляемой В. И. Баженовым. Ф. В. Каржавин долгое время жил в доме Баженова.

Замысел зодчего, который он выразил вместе с Ф. В. Каржавиным в записке «Краткое разсуждение о Кремлёвском строении» (написан рукой Ф. В. Каржавина с правкой В. И. Баженова), был исполнен духом Просвещения и воистину грандиозен: «...народы европейские, узрев восставший из недр земных новый Кремль, объята будут удивлением величавости и огромности онаго» [Долгова, 1984, с. 39].

В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина сближали не только их демократическое происхождение и совместная учеба в Париже. Им обоим были присущи прогрессивные общественные взгляды: любовь к России, изнывающей «под скипетром Великия Екатерины», сочувствие к «братьям» – крепостным. Многие теоретико-архитектурные работы В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина носят следы их совместного участия. Баженовский дворец не был построен, но сохранились его планы и чудесная высокохудожественная модель, из которых видно: В. И. Баженов со своими товарищами-вольнодумцами мечтал создать дворец не только огромный, но и разумно организованный, по-новому выглядящий и главное – с новыми целями функционирующий.

Екатерина II могла ведать и то, что в статье В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина «Краткое разсуждение о Кремлевском строении» критикуются пирамиды за бесплодные затраты на них, говорится о дороговизне строительства огромных дворцов – памятников «тщеславию царей», создаваемых за счет «народов, принужденных покориться» [Космолинская, 2023, с. 144].

Совпав по времени с полосой реакционных мер Екатерины II, совместными трудами Ф. В. Каржавина, В. И. Баженова, И. К. Шнора и др. издаются книги, в которых дается уничтожающая оценка царствующей императрицы. Знала ли императрица о бунтарских мыслях и намерениях В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина? Не всё, но предостаточно. Ф. В. Каржавин делал попытки через Баженова наладить с цесаревичем Павлом нечто вроде тактического блока для борьбы с матушкой-императрицей. Наконец, императрица своими глазами могла узреть невероятную дерзость – замысел В. И. Баженова и Ф. В. Каржавина о «превращении “дома Екатерины” в некий республиканский парламент. Оказывается, в грандиозных проектных работах по перестройке Кремля был включен в планировку императорского дворца огромный амфитеатр... для народных представлений. Явно демократический, а по сути – антимонархический, республиканский замысел...» [Рабинович, 1989, с. 18].

Сколько депутатов могли бы реально вместить трибуны нового Кремлевского дворца? Задуманная Екатериной II «Комиссия для составления нового уложения» насчитывала всего 564 депутата. Здесь же создавалась архитектурно-пространственная среда для работы многих тысяч.

В 1791 году вышла рецензия Н. М. Карамзина на первые русские издания «Утопии» Томаса Мора. Автор этой рецензии, непосредственно знакомый и с моделью Кремлевского дворца, воскликнул: созданные В. И. Баженовым планы нового дворца «уподобились Республике Платоновой или Утопии Томаса Моруса»¹.

Конечно, осуществление идеалов утопического социализма в царской России было абсолютно нереальным, но реальны были первые попытки приступа к их осуществлению, в том числе и в архитектуре. Вот почему необходимо искать политические причины ответа на вопрос, почему Екатерина II не пожелала завершить строительство именно баженовского Кремлевского Дворца.

1775 год стал роковым в творчестве В. И. Баженова. Именной указ о прекращении строительства Большого Кремлевского дворца пошатнул веру зодчего в самодержицу. В результате пережитой творческой катастрофы симпатии В. И. Баженова обратились к обществу, в одном названии которого – «вольные каменщики» – для великого архитектора таился непреодолимый магнетизм. Произошло сближение В. И. Баженова с московскими масонами.

Жизнь готовила В. И. Баженову следующее испытание. Глубокоошибенный, он связал себя с масонами и фактически стал слепым орудием в их руках.

¹История социалистических учений. М.: Наука, 1977. С. 245–246.

По просьбе Н. И. Новикова он передавал масонскую литературу Павлу, наследнику, с которым был дружен еще с петербургского периода. Известно, что связанный по делам службы с наследником престола Баженов трижды встречался с цесаревичем Павлом, подвергая себя немалому риску – материалы встреч масона В. И. Баженова стали основой для обвинения и осуждения в 1792 г. Н. И. Новикова и московских масонов.

ХОДЫНСКОЕ ПОЛЕ

Стремясь загладить свою вину перед архитектором, величие таланта которого она осознала, Екатерина II вдвое повысила ему оклад. Императрица заказала мастеру оформить Ходынское поле к празднованию годовщины заключения Кучук-Кайнарджикского мирного договора, ознаменовавшего победу в долгой и тяжелой войне.

Начало борьбы России против Турции за выход к Черному морю относится к середине XVII в., наиболее крупные успехи в ней были достигнуты в начале царствования Петра I. Посвященный окончанию этой борьбы Екатерининский праздник должен был демонстрировать преемственность ее царствования по отношению к Петровской эпохе и, по-видимому, подражал одному из петровских торжеств конца XVII в. в честь победы над Турцией.

В XVIII в. средневековые художественные традиции получили наименование «готических», и их современная интерпретация определялась тем же термином. К этому времени в придворной архитектурной моде произошли существенные изменения. Из Англии в Россию проникло увлечение неоготикой. Со строительства Адмиралтейства в Царском селе и Чесменского замка на пути к нему. Оформление Ходынского поля к празднованию годовщины заключения Кучук-Кайнарджикского мирного договора стало одним из первых и самых ярких примеров обращения русской архитектуры XVIII в. к средневековому наследию, определив возникновение русской неоготики – крупного течения в послепетровской архитектуре, активно развивавшегося в XVIII–XIX вв. [Алиатов, 1960]. Императрица устала от подчиняющегося строгим нормам и правилам классицизма во французском духе. «Здесь у нас есть французы, которые слишком много знают и строят дрянные дома...»¹

Следующая страница в истории архитектуры Просвещения в России открылась знаменитым разговором между Екатериной Великой и В. И. Баженовым, состоявшимся в Москве во время подготовки к празднованию мира с Турцией. Императрица

¹Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. XXIII. Письма Екатерины II к Гримму. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. С. 19.

резко высказалась против использования аллегории в античном духе, которые применялись в триумфальных постройках Европы в течение предшествовавших². Ей хотелось, чтобы при праздновании мира с Турцией аллегории стали чувственными и конкретными. В. И. Баженов понял, что именно хотелось императрице. Ходынское поле было превращено в подобие Черного моря – засыпано песком, имитировавшим волны, и по краям окружено павильонами, изображавшими приобретенные Россией области и города. Постройки, возведенные им для этого праздника, были необычны и имели успех именно потому, что легко «узнавались». Он широко использовал архитектурные детали в качестве «говорящих» знаков – зубцы, такие же как на стенах Кремля, обозначали русские крепости, фантастические восточные элементы – турецкие города и т. д. Им был создан именно в этот момент новый художественный язык, отвечавший требованиям Просвещения. Зодчий решил попробовать себя в стиле неоготики и проявил себя с самой лучшей стороны.

Всего за шесть месяцев были воздвигнуты триумфальные арки, галереи, крепости в привычном для России стиле средневекового зодчества: строгий классицизм соседствовал с ажурной готикой, эпоха Возрождения с античностью. В. И. Баженов с легкостью решал планировочные и строительные задачи.

Оформление Ходынского поля к празднеству летом 1775 года произвело на Екатерину II благоприятное впечатление. Благодаря этому успеху мастер получил заказ императрицы на проект застройки Царицына – усадьбы императрицы. В 1776 году к югу от древней столицы, в бывшем имении Кантемиров Черная грязь В. И. Баженов начал возведение Царицынского ансамбля.

ЦАРИЦЫНСКИЙ АНСАМБЛЬ

Замысел В. И. Баженова состоял в постройке в Царицыне подобия традиционным русским усадебным комплексам из отдельных самостоятельных строений, живописно разбросанных и причудливо сочетавшихся друг с другом. Баженов превратил лес в английский парк. Рассыпались, распределились павильоны, мосты и ворота по вершинам оврагов. «Все строения Баженова... замечательны какой-нибудь мыслью», – подметил И. В. Киреевский в новелле «Царицынская ночь»³.

Четкий белокаменный рисунок на краснокирпичном фоне выстроенных зданий будоражит воображение не одного поколения архитекторов и искусствоведов. Многие из них изо всех сил старались

²Там же. С. 20.

³Полное собрание сочинений И. В. Киреевского: в 2 т. М.: Путь, 1911. Т. 2. С. 149.

втиснуть архитектурный комплекс, созданный творческим воображением зодчего XVIII века, в требования привычных оценок объемно-планировочной структуры и композиции. Но любая привычная схема, предлагавшаяся учеными, рассыпалась при анализе выстроенного в Царицыне. И среди множества вопросов, так и не получивших ответа в исследовательских работах, возникал главный: можем ли мы в принципе реконструировать внутренний мир зодчего, живя в другом веке в совершенно иных социальных условиях, с совершенно иным мироощущением? Реально ли вообще найти ключ к разгадке царицынских строений, к познанию тайного замысла выдающегося зодчества?

Царицынские строения очень схожи с фигурами и эмблемами, принятыми в ложе ордена «вольных каменщиков». «Вольные каменщики» должны быть сильными как лев, ловкими, как обезьяна, хитрыми как лисица, мирными как голубь, жертвенными, как пеликан. Глобус – знак того, что учение должно распространиться по всей земле. Кроме этого, рядом с животными рисовались «эмблемы» – барабан, крест-накрест положенные шпаги, иго, весы, слава.

Достаточно взглянуть на изображение кавалерийского корпуса, который очень напоминает лежащего льва. Здание дворца Павла ассоциируется с бегущей лисцей. Что касается дворца Екатерины, то он полностью в плане повторяет дворец Павла. Можно предположить, что зодчий таким образом стремился проиллюстрировать ещё одну мысль: «вольные каменщики» хотят «всех людей между собой равными сделать», в том числе «персон великих и малых». План оперного дома очень напоминает образ парящей птицы («пеликан»), план домика возле церкви имеет большое сходство с «голубем». С правой стороны «пеликана» обозначались «весы», что нашло выражение в равновесии объемов двух дворцов – Павла и Екатерины. [Рождественская-Кашенко, 1990].

Главным зданием усадьбы стал дворец, вокруг которого располагались павильоны. Фантазии В. И. Баженова проявились в декоративном оформлении построек: на красном фоне кирпича белым кружевом выделялись звезды, солнца, трилистники, пирамидальные формы. Эта масонская символика подтверждает масонство В. И. Баженова и управляющего Царицыном В. Карачинского. В царицынских постройках встречаются чисто готические детали, например стрельчатые окна. Застройка В. И. Баженова представляла собой единое и оригинальное художественное целое. Применение нового архитектурного языка приобрело во второй половине 1770 – начале 1780-х годов в Москве грандиозный характер. Баженов возвел полностью в этом духе императорскую резиденцию в

Царицыне – крупнейший архитектурный ансамбль в Европе эпохи Просвещения, где не использовался классицизм [Екатерина Великая и Москва, 1997].

Воплощение архитектурного замысла не удовлетворило императрицу. Конечно, многое нам, потомкам, из того, что хотел сказать великий зодчий, неясно, но императрица поняла всё. Увидев дворец, сдержалась и, как всегда, постаралась скрыть истинную причину своего гнева. Трудно было представить, чтобы такая удивительная постройка мастера могла не понравиться императрице. И, невзирая на расходы, невзирая на то, что строительство комплекса было уже почти завершено, она приказала сломать дворец до основания. Она отказалась от нового художественного языка, разработанного В. И. Баженовым. Зодчий получил жестокий удар: его архитектурные замыслы не нашли окончательного воплощения. В 1785 году В. И. Баженов был отстранен от руководства строительными работами в усадьбе, и с 1786 года ее сооружение возглавил М. Ф. Казаков [Минеева, 1988].

М. Ф. Казаков нашел в себе мужество и сохранил баженовский план. Он своевольно послушался приказ императрицы – разрушил далеко не все баженовские постройки в Царицыне. Строительство на деле продолжалось в том же стиле. Есть мнение, что новый дворец возводился все же не без участия В. И. Баженова¹. Слишком дружны были зодчие, слишком долго шли рядом. Императрице исправно доносили о действиях М. Ф. Казакова. Вот почему, наверное, в дальнейшем дворец был недостроен, заброшен, зарос травой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Параллельно с работами для царского двора мастер брал заказы у частных лиц. К творениям В. И. Баженова относят блистательный дом Пашкова, дом Юшкова на Мяцницкой, дом Л. Долгова на 1-й Мещанской.

Городская усадьба капитан-поручика Пашкова располагалась на участке со сложным рельефом. Эту особенность мастер использовал очень искусно и профессионально. Он решил главный дом как парадный городской дворец по Моховой улице на Ваганьковском холме. Дом Пашкова представляет собой образец симметричной гармонии. Удобный и красивый, он сразу после постройки стал одной из достопримечательностей Москвы.

В 1790 году произошла отставка В. И. Баженова. В этом же году вышла книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»², автор которой

¹В арках на фасадах боковых пролетов казаковского дворца – семь масонских шестиконечных звезд. М. Ф. Казаков же масоном не был.

²Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Эксмо, 2025.

был немедленно арестован. Ссылка А. Н. Радищева и отставка В. И. Баженова были звеньями цепи событий. Екатерина II начала борьбу с масонством. Масон В. И. Баженов своими проектами готовил переустройство общества.

В. И. Баженов все больше впадает в немилость императрицы, причем кары на него обрушивались без суда и расправы. С 1790 по 1796 год зодчий не получил никаких государственных заказов. Император Павел I в 1796 году дал ему чин действительного статского советника и назначил вице-президентом Академии художеств, поручив ему наблюдать за строительством Михайловского замка – новой резиденции императора. Но здоровье В. И. Баженова было непоправимо подорвано, и в 1797 году он передал свои обязанности архитектору В. Бренна. 2 августа 1799 года Баженов умер и был по его желанию похоронен в селе Глазове близ Павловска.

Вопреки гонениям Екатерины II результаты творчества В. И. Баженова велики и непреходящи. Гибель многих замыслов и построек еще раз свидетельствует о богатстве потенций этого гения. Мы можем сказать и о комплексности вклада В. И. Баженова не только в широко понимаемую художественную культуру (зодчество, теорию архитектуры, графику), но и в традиции духовно-политического несогласия.

Самодержавные жернова крушили его изящные постройки и губили дерзновенные замыслы. Вся эта острейшая ситуация коренилась, с одной стороны, в устоях императорской России XVIII века, а с другой – в том, что В. И. Баженов был связан

идеями и устремлениями со своим ближайшим другом – Ф. В. Каржавиным, тот же, в свою очередь, был искренним другом первого русского революционера – А. Н. Радищева.

Необходимо помнить сложные жизненные перипетии судьбы мастера, изгнанного с государственной службы, лишенного содержания и возможности вести работы, в разгар ведения антимасонских следствий, в значительной степени вызванных его неосторожным поведением и затронувших его друзей и покровителей.

Трагедия художника, ставшего жертвой политических расчетов, еще не осмыслена до конца. Каждая работа мастера таит в себе загадку. Творческое наследие следует рассматривать со сложившимися сложнейшими историческими процессами, которые до сих пор занимают умы исследователей прошлого. Необходимо обращаться не только к социально-историческим процессам, происходящим в России XVIII столетия, но к определению той культурно-исторической среды, в которой действовал зодчий.

Идейно-политические воззрения В. И. Баженова проясняют и причины гнева на него Екатерины II и упрямую несговорчивость зодчего, а в чем-то и его реальную историческую роль, его многогранный вклад в русскую культуру. Будучи современником и участником зарождения крупнейших социальных и культурных движений, В. И. Баженов в своем творчестве сохранял удивительную цельность. Искусство его – бесконечный мир, и, открывая новое в этой величайшей личности, мы обнаруживаем новое в нашем культурном наследии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Снегирев В. Л. Зодчий Баженов. 1737–1799. М.: Московский рабочий, 1962.
2. Екатерина Великая и Москва / О. А. Алленова. М.: Государственная Третьяковская галерея, 1997.
3. Белов А. В. Реформа города Екатерины II. М.: Институт российской истории РАН, 2019.
4. Михайлов А. И. Баженов. М.: Издательство по строительству и архитектуре, 1951.
5. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы : Материалы и исследования: в 3 т. М.: Музей истории и реконструкции Москвы, 1954. Т. 2. 1762–1812.
6. Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л.: Наука, 1984.
7. Космолинская Г. А. Ф. В. Каржавин и его альбом «Виды старого Парижа». М.: Новое литературное обозрение, 2023.
8. Рабинович В. Р. Каковы же причины творческой трагедии зодчего Баженова // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 11. С. 18–21.
9. Алпатов М. В. Всеобщая история искусства: в 3 т. М.: Искусство, 1955. Т. 3.
10. Рождественская-Кашенко Е. В. Василий Баженов – вольный каменщик // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 12. С. 13–15.
11. Минеева К. И. Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М.: Искусство, 1988.

REFERENCES

1. Snegirev, V. L. (1962). *Zodchij Bazhenov. 1737–1799 = Architect Bazhenov. 1737–1799*. Moscow: Moskovsky rabochy. (In Russ.)
2. Allenova, O. A. et al. (1997). *Ekaterina Velikaya i Moskva = Catherine the Great and Moscow*. Moscow: State Tretyakov Gallery. (In Russ.)
3. Belov, A. V. (2019). *Reforma goroda Ekateriny II = The reform of the city of Catherine II*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
4. Mihajlov, A. I. (1951). *Bazhenov = Bazhenov*. Moscow: Publishing house on construction and architecture. (In Russ.)
5. Sytin, P. V. (1954). *Istoriya planirovki i zastrojki Moskvy: Materialy i issledovaniya. 1762–1812 = History of the planning and development of Moscow: materials and research (vol. 2. 1762–1812): in 3 vols*. Moscow: Museum of the History and Reconstruction of Moscow. (In Russ.)
6. Dolgova, S. R. (1984). *Tvorcheskij put' F. V. Karzhavina = The creative path of F. V. Karzhavin*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
7. Kosmolinskaya, G. A. (2023). *F. V. Karzhavin i ego al'bom «Vidy starogo Parizha» = F. V. Karzhavin and his album «Views of Old Paris»*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
8. Rabinovich, V. R. (1989). What are the reasons for the creative tragedy of the architect Bazhenov. *Architecture and Construction of Moscow*, 11, 18–21. (In Russ.)
9. Alpatov, M. V. (1955). *Vseobshchaya istoriya iskusstva = General history of art (vol. 3): in 3 vols*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
10. Rozhdenstvenskaya-Kashchenko, E. V. (1990). Vasily Bazhenov – a Freemason. *Architecture and construction of Moscow*, 12, 13–15. (In Russ.)
11. Mineeva, K. I. (1988). *Tsaritsyno. Dvortsovo-parkovyj ansambl' = Tsaritsyno. Palace and Park Ensemble*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
 профессор кафедры исторических наук и архивоведения
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of Historical Sciences and Archival Science
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication

Антиэнтропийный характер метатекстуальных знаков

В. А. Сидоренко¹, Н. М. Ветров²

¹Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, Луганск, Россия, vls.80@mail.ru

²Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Луганск, Россия
elvientos@yandex.ru

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении роли метатекста в построении культурного пространства. Методологически исследование опирается на историко-компаративистские и логико-аналитические принципы изучения взаимосвязи текста с реальностью и человеческим мышлением. В качестве объекта изучения выступает энтропийность культуры как сложной системы, подразумевающая высокую степень разнородности и разнонаправленности векторов смыслового движения. Авторы делают вывод, что метатекст – это комплекс знаков второго порядка, упорядочивающий развитие культуры и обеспечивающий ее преемственность как на локальном, так и на глобальном уровне. Основные функции метатекста заключаются в снижении интерпретационной вариативности текста и его привязке к уже существующему корпусу.

Ключевые слова: упорядочение культуры, межтекстовые связи, антропосфера, гипотекст, гипертекст, социокультурные фильтры

Для цитирования: Сидоренко В. А., Ветров Н. М. Антиэнтропийный характер метатекстуальных знаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 149–155.

Original article

The Antientropic Nature of Metatextual Signs

Vladimir A. Sidorenko¹, Nikita M. Vetrov²

¹St. Luka Lugansk State Medical University, Lugansk, Russia, vls.80@mail.ru

²M. Matusovsky Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia, elvientos@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the role of metatext in the construction of cultural space. Methodologically, the study is based on historical, comparativistic, logical and analytical principles of studying the relationship between text, reality and human thinking. The object of study is the entropy of culture as a complex system, implying a high degree of heterogeneity and multidirectionality of semantic movement vectors. The conclusions drawn describe metatext as a complex of second-order signs that organize the development of culture and ensure its continuity both at the local and global levels. The main functions of metatext are to reduce the interpretative variability of the text and to link it to an existing corpus.

Keywords: culture ordering, intertextual connections, anthroposphere, hypotext, hypertext, sociocultural filters

For citation: Sidorenko, V. A., Vetrov, N. M. (2025). The Antientropic Nature of Metatextual Signs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 149–155. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Представленный анализ антиэнтропийной природы метатекста призван решить следующие задачи: определить роль антиэнтропийной функции в процессах внутрикультурной и межкультурной коммуникации, описать метатекст как способ организации взаимодействия текстов в культурном пространстве, рассмотреть вторичную функцию языковых единиц, служащую для объединения корпуса текстов и выстраивания межтекстовых взаимосвязей, оценить эффективность реализации антиэнтропийной функции метатекста в зависимости от культурной компетентности участников коммуникативного процесса, соотнести гипотекст и гипертекст в системе построения преемственности культуры.

Методами решения поставленных задач стали историко-компаративистский, позволивший проанализировать диахронные принципы построения культурного пространства, и диалектический, давший возможность системного рассмотрения текстовой коммуникации в единстве ее формальных и содержательных аспектов.

Актуальность работы обусловлена возрастающей интенсивностью информационных связей между людьми и социальными группами в конце XX – начале XXI веков, которая привела к усилению энтропии в культуре из-за разнонаправленности трансляционных векторов и перегрузки системы социокультурных фильтров информационными потоками. Плюралистический подход к истинности, подразумевающий существование в тексте более одного истинного смысла, легитимизовал одновременное существование множества взаимоисключающих понятий, становящихся отправной точкой для дальнейших рассуждений. Эти процессы привели к резкому возрастанию энтропии в культуре, и на данный момент они не только не спадают, а лишь становятся все более интенсивными.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МЕТАТЕКСТА

Термин «энтропия» пришел в гуманитарную сферу из области естественных наук, где энтропия изначально определялась как степень хаотичности системы [Деменов, 2019]. Ранняя греческая философия (Анаксимандр, Пифагор, Гераклит) противопоставила хаосу космос как организованную гармоничную целостность, в которую также была включена культура в качестве сложившегося результата целенаправленной человеческой деятельности. Складывавшиеся в течение всей человеческой эволюции нормы, ценности и традиции

придавали социальным группам вплоть до человечества в целом единый вектор развития, упорядочивая культуру и снижая ее энтропийность. Однако эпоха постмодерна с ее бурным информационным развитием вновь поставила вопрос о мире как хаосе (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Одновременно в постмодернистской философии возникает постулат трактовки мира как текста, построенного на принципах вероятностного детерминизма [Derrida, 1998], что в свою очередь усилило позиции сторонников хаотичности мироустройства.

Одним из элементов, противостоящих повышению энтропии в текстуальном мире, является метатекст. Метатекст представляет собой объяснительную систему, устанавливающую взаимоотношения между понятиями в конкретном контексте [Дробышевская, 2016], что позволяет снизить интерпретационную вариативность текста и, соответственно, его энтропийность. Данное снижение достигается за счет привязки интерпретируемого текста к уже существующему корпусу данных, который в максимальной реализации и представляет собой культуру. Соотнесение с предшествующим текстовым массивом происходит посредством метатекстуальных знаков, выявление и анализ которых представляет собой цель данной статьи.

С наступлением информационной эры широкое распространение получило понятие гипертекста – информации, организованной не в форме линейной последовательности, а в форме совокупности текстов, связанных системой ссылок [Экономическая информатика, 2016]. Термин гипертекст закрепился в основном за электронной формой документа, однако с философской точки зрения гипертекстом является любая форма текста, поскольку она содержит отсылки к предыдущим текстам, закрепленным в культуре. При таком подходе референциальная основа текста становится гипотекстом, ориентированным на распознавание реципиентом и направляющим его интерпретативную хаотичность в целенаправленное русло, создавая глубинную семантическую перспективу [Злочевская, 2022].

Теоретические основания метатекста восходят к идее полифонического текста, выдвинутой М. М. Бахтиным [Степанян, 2016]. Впрочем, полифоничность подразумевает под собой прямое или как минимум выраженное включение одного текста в другой, в то время как метатекстуальные связи зачастую имплицитны и могут не осознаваться. Оба этих свойства заставляют текст выходить за собственные рамки, встраивая его в общекультурное пространство и снижая его энтропийность за счет соотнесения с уже укоренившимися прото-, стерео- и архетипами.

Противоречивой фигурой в ряду предшественников теории метатекста выступает Ж. Деррида. С одной стороны, он разрушает видение текста как линейной структуры, более того, текст по Деррида и возникает в процессе развертывания дискурса [Шадрин, 2009]. Также Деррида подчеркивает способность текста производить новые смыслы с помощью означивания – вкладывания смыслового наполнения в текст, который сам по себе смысла не содержит. Постмодернистская парадигма разрушила референциальную связь между означающим и означаемым, заявив в качестве постулата разрушение логоцентризма. Если Бахтин в качестве минимальной структурной единицы отталкивался от слова, то Деррида и Фуко перешли к понятию дискурса, в рамках которого реальность сама транслирует смыслы, а человек лишь интерпретирует их [Фёрингер, 2019]. С другой стороны, Деррида рассматривал текст как децентрированную и нестабильную сущность, не поддающуюся упорядочиванию. В такой трактовке лишенный упорядоченности текст лишь усиливает энтропию культуры.

Уход от моносемии через активное «чтение-письмо» характерен для философии Р. Барта [Барт, 1989]. Творческая полисемия реализуется через взаимодействие с мировоззрением реципиента, включающим в себя ранее накопленную культурную информацию. В противовес языковой системе первого порядка, строящейся на денотативной парадигме язык-объект, Барт вводит систему второго порядка – метаязык, основанный на коннотативных значениях. Для передачи объекта метаязыка Барт использует термин миф – организацию текстовых отношений посредством наслаивающихся нарративов. Попытки деконструировать, прояснить миф приводят к демистификации культуры для масс и ее профанации.

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Возрастание значимости метатекста и внимания к нему со стороны представителей различных областей знания в конце XX – начале XXI веков не случайны. Рост интенсивности информационно-коммуникативных процессов в мире, глобализация, доступность смысловых пластов различных культур, их унификация в системе массовой культуры привели к соответствующему росту семиотизации общественной жизни. Методологической задачей модерна и более ранних эпох являлся подбор формы к уже открытому содержанию, в то время как постмодерн начал искать новое содержание в уже существующих формах.

Основной проблемой метатекстуальности, частично уже затронутой Бартом в теории интертекста, стала культурная компетентность воспринимающего субъекта [там же]. Если такая компетентность невысока, метатекстуальные связи либо не будут выявлены, либо приведут в пустоту, поскольку для построения ткани метатекста необходимо знакомство реципиента с исходным гипотекстом. Зависимость смыслового наполнения от компетентности читателя, слушателя и т. п. заставила Барта выдвинуть постулат о смерти автора. В современном мире гениальность любого писателя способна разбиться о культурную некомпетентность читателя. Массовую культуру, поп-культуру зачастую и небезосновательно обвиняют в смысловой примитивности [Рондарев, 2020]. Однако следует понимать, что количество информации, то есть объем гипотекстов, только за вторую половину XX века вырос в 10 раз по сравнению со всем объемом, накопленным человечеством до 1950-го года [Курлов, Петров, 2014]. В XXI веке проблема только усугубилась и продолжает нарастать.

По мере снижения эксплицированности межтекстовых связей интертекстуальные формы и знаки переходят в метатекстуальные. Наиболее эксплицитной формой межтекстовой связи выступает цитирование, в большей степени прямое, в меньшей – косвенное. Прямое цитирование не требует полноценного знакомства реципиента с первоисточником, достаточно наличия у него высокого коммуникативного рейтинга, обеспечивающего необходимый уровень доверия к этому источнику. При косвенном цитировании в сознании воспринимающего субъекта может происходить размежевание гипертекста, содержащего непрямую цитату, и гипотекста, смысл которого она передает. Коммуникативный рейтинг гипертекста и гипотекста может различаться, что обуславливает необходимость более высокой компетентности реципиента.

Функционально эксплицитные межтекстовые связи используются с тремя целями: 1) аргументационная – гипотекст и отсылка к нему служат в качестве доказательства позиции автора гипертекста; 2) иллюстративная – гипотекст выступает в роли примера, разъясняющего позицию автора гипертекста; 3) замещающая – авторитетный гипотекст приводится вместо позиции автора или ее части для придания большей весомости и повышения коммуникативного рейтинга. Важно отметить, что в роли гипотекста может выступать не только конкретный текст, но и целый корпус, объединенный общей тематикой, авторством, временем создания, языком, сферой применения, носителем. Корпоральная структура используется, в частности, сетевыми поисковыми средствами

для группировки результатов поиска по репрезентативности и контексту.

В противовес эксплицированной интертекстуальности метатекстовые связи более сложны для распознавания и интерпретации. Метатекстовые связи носят фоновый характер, их гипотекстовый корпус прямо не выражен и различается от одного воспринимающего субъекта к другому. Общность гипотекстов обеспечивает социокультурной группе определенное смысловое единство, однако индивидуальные и групповые различия в гипотекстовом корпусе неизбежны. Чем больше такие различия, тем разнороднее и разобщиеннее культурная группа. История знает массу примеров, когда снижение доверия к гипотекстовому корпусу приводило к распаду государств, религиозным конфликтам и революциям. Из общности текстового корпуса вытекает нормативная составляющая общественной жизни – от этических и юридических принципов до собственно языковых норм, определяющих уровень грамотности в широком понимании этого термина как знания, разделяемого социальной группой.

Отличительной особенностью метатекста является привязка к культурному массиву, а не к конкретному гипотексту. Литературным примером такой привязки является присвоение персонажам говорящих имен и фамилий. Этот прием, с успехом применявшийся целым рядом выдающихся писателей (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, А. С. Грибоедов, Д. И. Фонвизин, А. Н. Островский), характеризует основную функцию метатекста – экономию речевых и мыслительных средств и ресурсов. Метатекстуальное имя или фамилия персонажа позволяют сократить его описание и одновременно углубить образ. Так, наделяя героиню именем Софья, Фонвизин сразу подчеркивает ее основные качества – мудрость, уравновешенность, рассудительность – на основании ассоциации с распространенным греческим корнем. Если же компетентность читателя простирается дальше, например, в христианский культурный массив, имя героини обозначит и второстепенные черты ее характера – скромность, мягкость, добродетельность, терпеливость – вследствие соотношения с одной из христианских святых, носивших имя Софья.

Выход метатекстуальности за пределы узкого понимания текста как письменного сообщения, объективированного в виде документа [Гальперин, 1981], реализуется в психологической терапии и реабилитации при когнитивных расстройствах. Симптомом болезни Альцгеймера или деменции является разрушение существующих когнитивных связей с культурным информационным массивом

и неспособность создать новые [Босс, 2024]. При терапии подобных расстройств применяется обратный метод: поиск гипотекста, от которого можно выстроить связь с нынешним состоянием пациента. В частности, пациентам проигрываются песни, демонстрируются фотографии и видеофрагменты с фиксацией инструментальным путем тех из них, которые вызывают ответную реакцию [Stinson, 2009]. Это позволяет восстановить метатекстуальную структуру снизу вверх, от гипотекста к гипертексту. Реконструкция такой системы дает возможность человеку вновь включиться в смысловую целостность культуросферы.

Функционально значимым в данной ситуации является понятие метатекстуальной дистанции, заключающееся во временном, пространственном или смысловом разрыве между гипотекстом и гипертекстом. В количественном измерении такая дистанция может выражаться в объеме схожих лексических и синтаксических конструкций. Наиболее поверхностный уровень вычисления метатекстуальной дистанции предполагает простой подсчет одинаковых единиц и их форм. Более глубокий анализ включает в себя расчет параллельных текстов, включающих в себя элементы рассматриваемого. Такой подход требует значительных вычислительных мощностей, позволяя определить метатекстуальный охват конкретного текста и требуемую компетентность воспринимающего субъекта. Наибольшая значимость вычисления метатекстовой дистанции и охвата лежит в практической плоскости от рекламы до политических выступлений, поскольку дает возможность оценить доступность текста и его элементов целевой аудитории.

Ориентация на метатекстуальную компетентность реципиентов влечет за собой интенциональную составляющую текста. Несмотря на постулат Барта о смерти автора [Барт, 1989], диалектика текста подразумевает единство и борьбу интенции автора и интерпретации воспринимающего. С одной стороны, метатекст облегчает интерпретацию за счет прояснения смыслов без объемной расшифровки непосредственно в тексте. Это экономит когнитивные и речевые ресурсы как автору, так и реципиенту. С другой стороны, выявление метатекстовых знаков и ссылок, особенно в насыщенном ими тексте, требует ментальных усилий, что вступает в противоречие с принципом когнитивной экономичности. В результате автор и воспринимающий субъект оказываются в интеллектуальном противостоянии: автор через метатекст сужает интерпретативное поле реципиента, однако при этом заставляет его расходовать ресурсы на выявление метатекста, построение ссылки на гипотекст

и поиск в нем необходимого смысла. Этот процесс требует затрат энергии, что косвенно подтверждает его антиэнтропийную направленность: степень энтропийности системы тем ниже, чем больше энергии расходуется на полезную работу вместо бесполезного рассеивания.

Когнитивная затратность метатекста обуславливается его категоризационной функцией. Помимо денотативного значения, каждая языковая единица несет в себе организующую составляющую как внутри самого текста, так и в интертекстуальном пространстве. Сопутствующие функции прямого смыслового выражения характеристики текста (например, используемые синтаксические конструкции, эмоционально или стилистически маркированная лексика) обеспечивают классификацию текста и его источника как более или менее надежного, интересного, полезного и т.п. На наличие либо отсутствие таких метатекстовых знаков влияет интенциональная направленность текста, его целевая аудитория со своей когнитивной спецификой. Ориентация на классическую платоновско-аристотелевскую таксономическую категоризацию снижает хаотичность текста, в то время как радиальная с ее ориентацией на сравнение с центральным компонентом категории – прототипом – оставляет больше пространства для интерпретаций.

На упорядочении интерпретативных вариаций делал акцент Х.-Г. Гадамер, предложивший понятие герменевтически воспитанного сознания [Гадамер, 1988]. Уже на этапе выбора текстового жанра или стиля речи автор предполагает наличие у реципиента когнитивных схем, позволяющих сузить герменевтическое поле и упростить построение связей с гипотекстовым корпусом. Философия модерна, в частности Ф. Шлейермахер, считала главным истолкование не самого текста, а его автора, интенционально мыслящего субъекта с собственными социокультурными установками [Шлейермахер, 2004]. Постмодерн XX века перенес внимание на такие же характеристики реципиента, а ставящий во главу угла коммуникацию XXI век – на выстраивание связей между ними. Потенциал произведения стать классическим определяется, в том числе, направленностью на реципиента из другого пространственного или временного культурного окружения и возможностью выстроить с ним интерпретативные взаимоотношения. Если метатекстовые связи успешно распознаются и интерпретируются,

гипертекст становится гипотекстом, к которому, в свою очередь, выстраиваются ссылки, что обеспечивает трансляционную системность и упорядоченность культуры.

Гипотекстовый корпус, на который опирается формируемый дискурс, определяет взаимосвязи между локальными культурами и глобальной антропосферой. Метатекстовые связи создают эффект присутствия интерпретатора в предшествующих культурных полях. Чем сильнее эти поля метатекстуально зациклены на самих себя, тем прочнее локальная культура и слабее ее связь с глобальной. Метатекстовое разнообразие и широкий объем гипотекстов обеспечивают выход в глобальную антропосферу, однако снижают антиэнтропийность трансляции, поскольку увеличение числа связей неизбежно ведет к повышению хаотичности системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов: 1) быстро растущий в мире объем информации повышает хаотичность культуры как информационной системы, что делает антиэнтропийную функцию одной из важнейших в процессах внутрикультурной и межкультурной коммуникации; 2) метатекст как способ организации взаимодействия текстов в культурном пространстве направлен на снижение интерпретативной вариативности, способствуя снижению хаотичности в антропосфере; 3) метатекст представляет собой вторичную функцию языковых единиц, служащую для нелинейного объединения корпуса текстов и выстраивания межтекстовых взаимосвязей; 4) в отличие от более эксплицированных интертекстуальных форм, метатекстуальные связи имплицитны и могут акцентированно не осознаваться, что способствует более высокой когнитивной экономичности последних; 5) эффективность реализации антиэнтропийной функции метатекста обуславливается культурной компетентностью участников коммуникативного процесса, общностью их гипотекстового корпуса и сходством категоризационных принципов; 6) метатекстуальные знаки обеспечивают преемственность культуры – как глобальной, так и локальной, поскольку успешно интегрированный в культуру гипертекст, в свою очередь, становится гипотекстом для ее дальнейшего конструирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Деменок С. Л. Просто энтропия. СПб.: Страта, 2019.
2. Derrida J. Of grammatology. The Johns Hopkins University Press, 1998.

3. Дробышевская Т. Л. Драматургия города. Екатеринбург: Издательские решения, 2016.
4. Экономическая информатика / М. И. Лугачев и др. М.: Проспект, 2016.
5. Злочевская А. В. Три лика мистической метапрозы XX века: Герман Гессе – Владимир Набоков – Михаил Булгаков. СПб.: Издательство Super, 2022.
6. Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2016.
7. Шадрин А. А. Герменевтика смысла социально-философской дискурсивности: монография. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2009.
8. Фёрингер М. Авангард и психотехника: наука, искусство и методики экспериментов в послереволюционной России. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989.
10. Рондарев А. В. Эпоха распада. Грандиозная история музыки в XX веке. М.: РИПОЛ классик, 2020.
11. Курлов А. Б., Петров В. К. Методология информационной аналитики: монография. М.: Проспект, 2014.
12. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
13. Босс П. Любить человека с деменцией. М.: Эксмо, 2024.
14. Stinson C. K. Structured Group Reminiscence: An Intervention for Older Adults // The Journal of Continuing Education in Nursing. 2009. Vol. 40 (11). P. 521–528.
15. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
16. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.

REFERENCES

1. Demenok, S. L. (2019). Prosto entropiya = Just entropy. St. Petersburg: Strata. (In Russ.)
2. Derrida, J. (1998). Of grammatology. The Johns Hopkins University Press.
3. Drobyshevskaya, T. L. (2016). Dramaturgiya goroda = Drama of the city. Ekaterinburg: Publishing Solutions. (In Russ.)
4. Lugachev, M. I. et al. (2016). Ekonomicheskaya informatika = Economic Informatics. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
5. Zlochevskaya, A. V. (2022). Tri lika misticheskoy metaprozy XX veka: German Gesse – Vladimir Nabokov – Mihail Bulgakov = Three faces of mystical metaprose of the twentieth century: Hermann Hesse – Vladimir Nabokov – Mikhail Bulgakov. St. Petersburg: Super Publishing House. (In Russ.)
6. Stepanyan, K. A. (2016). Shekspir, Bahtin i Dostoevskij: geroi i avtory v bol'shom vremeni = Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: heroes and authors in big time. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
7. Shadrin, A. A. (2009). Germenevtika smysla social'no-filosofskoj diskursivnosti = Hermeneutics of the meaning of socio-philosophical discursivity. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. (In Russ.)
8. Ferringer, M. (2019). Avangard i psihotekhnika: nauka, iskusstvo i metodiki eksperimentov v poslerevolucionnoj Rossii = Avant-garde and Sciences: science, art, and methodology of experiments in post-revolutionary Russia. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
9. Barthes, R. (1989). Izbrannye raboty: semiotika, poetika = Selected works: semiotics, poetics. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. Rondarev, A. V. (2020). Epoha raspada. Grandioznaya istoriya muzyki v XX veke = The age of decay. The great history of music in the twentieth century. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)
11. Kurlov, A. B., Petrov, V. K. (2014). Metodologiya informacionnoj analitiki = Methodology of information analytics. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
12. Galperin, I. R. (1981). Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka. (In Russ.)
13. Boss, P. (2024). Lyubit' cheloveka s demenciej = Loving a person with dementia. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
14. Stinson, C. K. (2009). Structured Group Reminiscence: An Intervention for Older Adults. The Journal of Continuing Education in Nursing, 40(11), 521–528.
15. Gadamer, H.-G. (1988). Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevtiki = Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress. (In Russ.)
16. Schleiermacher, F. (2004). Germenevtika = Hermeneutics. St. Petersburg: European House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сидоренко Владимир Александрович

доктор философских наук

доцент кафедры философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук

Луганского государственного медицинского университета имени Святителя Луки

Ветров Никита Михайлович

аспирант кафедры культурологии

Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sidorenko Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Philosophy (Dr. habil.)

Associate Professor at the Philosophy, Law, Social Sciences and Humanities Department

St. Luka Lugansk State Medical University

Vetrov Nikita Mikhailovich

PhD student at the Cultural Studies Department

M. Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts

Статья поступила в редакцию	12.07.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	24.08.2025	
принята к публикации	15.09.2025	

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 10 (904)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 10 (904)**

Ответственный за выпуск

Т. С. Мозоль
кандидат педагогических наук, доцент

Executive editor

Tatyana S. Mozol
PhD in Pedagogy, Associate Professor

Редактор М. М. Сингал

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. Алымов

Editor M. M. Singal

Layout: A. V. Alymov

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 31.10.2025

Усл. печ. л. 19,5

Формат 60x90/8

Заказ № 107/25

Signed for print: 31.10.2025

Conventional printed sheets: 19,5

Layout format 60x90/8

Order 107/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».